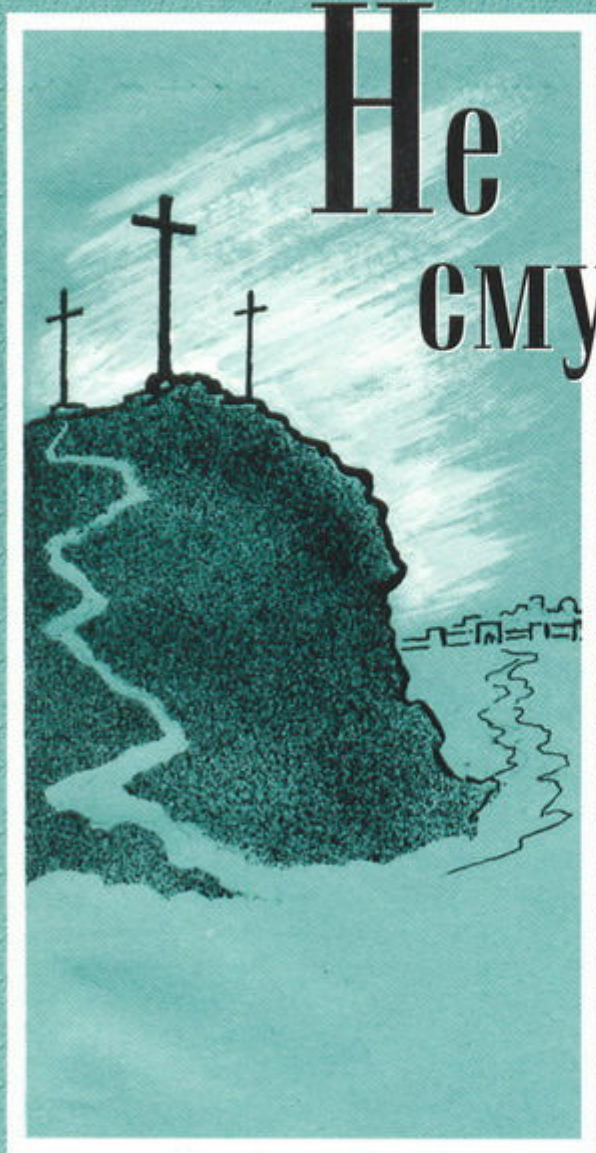

Е. Н. ПУШКОВ

Не смущайся!

ЧАСТЬ I.....	4
МОЙ ОПЫТ ПОИСКА ИСТИНЫ.....	4
ЗАЩИТА С. КОБЗАРЕМ ПРАВОСЛАВНЫХ ДОГМАТОВ.....	11
О НОШЕНИИ КРЕСТИКА И ОСЕНЕНИЙ СЕБЯ КРЕСТНЫМ ЗНАМЕНИЕМ.....	13
О ВЕЩЕСТВЕННЫХ СВЯТЫНЯХ.....	15
ОБ ИКОНОПОЧИТАНИИ.....	18
О МОЛИТВЕННОМ ОБЩЕНИИ ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНОЙ ЦЕРКВЕЙ.....	30
О ПОЧИТАНИИ ДЕВЫ МАРИИ.....	32
О ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ.....	33
ОБ ОТНОШЕНИИ ПРИХОЖАН К СВЯЩЕННИКУ.....	38
О ПОСТАХ.....	40
О ЗАУЧЕННЫХ МОЛИТВАХ.....	41
О МОНАШЕСТВЕ.....	42
О СПАСЕНИИ В ПРАВОСЛАВИИ: ПО ДЕЛАМ ИЛИ БЛАГОДАТИ?.....	44
ОБ УВЕРЕННОСТИ В СПАСЕНИИ.....	44
О ПРОПОВЕДИ В ПРАВОСЛАВИИ.....	51
О ДЕНЬГАХ И ПЛАТНЫХ ТРЕБАХ В ПРАВОСЛАВИИ.....	53
О ГРЕХАХ И ГРЕШНИКАХ В ПРАВОСЛАВИИ.....	54
ЧАСТЬ II.....	59
О ТАИНСТВАХ ЦЕРКВИ.....	59
О ТАИНСТВЕ СВЯЩЕНСТВА.....	60
О КРЕЩЕНИИ.....	64
О ТАИНСТВЕ МИРОПОМАЗАНИЯ.....	70
О ТАИНСТВЕ ИСПОВЕДИ.....	72
О ПРИЧАСТИИ.....	77
О ЕЛЕОСВЯЩЕНИИ И БРАКЕ.....	80
ОТНОШЕНИЕ К ПРАВОСЛАВИЮ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО.....	82
ЧАСТЬ III.....	90
О СВЯЩЕННОМ ПРЕДАНИИ.....	90
ЧАСТЬ IV.....	95
О СУЩНОСТИ ЦЕРКВИ.....	95
КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОТЕСТАНТИЗМА.....	98
КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРАВОСЛАВИЯ.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	109

После многих раздумий и молитв к Господу начал я писать эту книгу, побуждаемый некоторыми исповедниками Иисуса Христа братства Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ), к которому я принадлежу. Книга Сергея Кобзаря «Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом», напечатанная в типографии «Печатный двор» г. Славянска в 2002 году, смутила некоторых искателей истины, погрузив их в топь уныния и сомнений. По прочтении титульного листа мне сразу захотелось поставить большой знак вопроса на длинном названии и отложить ее в сторону, так как люди моего возраста очень разборчивы в выборе литературы для чтения, но в предисловии С. Кобзарь выражает убедительную просьбу: «Прошу лишь моего дорогого читателя дочитать данную книгу до конца и только затем уж составить свое отношение к ней, ее автору и возможно, вообще к православию».

Вняв его словам, я дважды прочитал книгу, и знак вопроса, став еще больше, с титульного листа переместился на последнюю страницу. Отдавая должное эрудиции С. Кобзаря, я все же осмелюсь указать на многие логические (а точнее, софистические) «петли» и догматические изъяны в его книге и с такой же просьбой, как и он, обратиться к читающему эту книгу. Постараюсь не отступать от последовательности, в которой С. Кобзарь излагает свои убеждения или, точнее, пытается убедить читателя. Я буду приводить комментарии, суждения и выражения, которые призваны быть не просто контрдоводами, а — помощи в этом Господь! — бальзамом, врачующим сердечные раны, причиненные книгой С. Кобзаря простодушным, искренним искателям истины. Мне не хочется, чтобы читатель сделал вывод, будто я питаю чувство неприязни к С. Кобзарю. Бог свидетель, с ним я лично не знаком и молю Бога, чтобы Он помог мятущейся душе Сергея успокоиться на груди Иисуса Христа.

Цель написания этой книги состоит в следующем:

1) показать несостоятельность всех попыток идеализировать православие и вообще какую-либо деноминацию;

2) убедить читателя искать не спасающую церковь, а Единственного Спасителя Иисуса Христа.

Только Дух Святой, третья Личность Бога, может крестить (погрузить) нашего спасение в одно тело (1 Кор. 12, 13), то есть в Церковь Иисуса Христа. При условии полного повиновения Духу Святому (Д. Ап. 5, 32) каждый искатель истины и исповедник Иисуса Христа сможет согласиться с выводом Апостола Павла: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5).

Часть I

Мой опыт поиска Истины

Так С. Кобзарь озаглавил введение в свою книгу. «До поступления в Донецкий христианский университет (ДХУ),— пишет он,— у меня было достаточно узкое представление о Церкви. Церковь — это баптисты ЕХБ и все, но в университете я встретил людей с другим мировоззрением, и первый же преподаватель в пух и прах разбил мою веру...»

Сразу возникает вопрос: какая деноминация содержит это учебное заведение? Если там «в пух и прах» разбивается вера рядового баптиста, то какую же цель преследуют его преподаватели и профессора? Конечно, сравнительное богословие расширяет познавательный кругозор, но, очевидно, можно по-разному преподавать эту дисциплину: или укрепить истинную веру Божью на основании Священного Писания, или разбить ее различными учениями. Если после уроков студент уходит в лес и, как пишет С. Кобзарь, «рыдая, задает Богу вопрос Пилата: что есть истина? Кому верить?», то стоит ли в эту проамериканскую систему обучения посылать членов церкви ЕХБ?

Помню, как восторженно отзывался об этом университете один из первых его администраторов, диакон церкви ВСЕХБ г. Макеевки, Л. Картавенко, но через два года после открытия ДХУ он в сопровождении еще одного брата приехал ко мне с просьбой провести в присутствии студентов беседу с американским профессором об учении Ж. Кальвина. Я был поражен фактом, что подавляющее число студентов уже рьяно защищали один из основных догматов американских баптистов-кальвинистов — невозможность потери спасения. После двухчасовой беседы я спросил профессора: «Зачем вы нам навязываете это учение? Оно нас разобщит. У нас не было почвы для его культивирования». Мило улыбаясь, он через переводчика ответил: «Это не я, а другой профессор преподавал систему Кальвина. Моя тема — библейские псалмы». — «А вы лично какого убеждения?» — задал я еще вопрос. «Я убежденный кальвинист,— ответил он с той же милой улыбкой и добавил: — Мы еще можем прислушаться к вашим просьбам, но скоро будут приезжать те, кто вас даже не будут спрашивать что и как преподавать». Как говорят, комментарии излишни...

Не лучше ли учиться библейским истинам не у американских профессоров, а, как Мария, у ног Иисуса? Апостол Павел был многому научен у ног одного из самых знаменитых теологов того времени Гамалиила, но личная встреча с Иисусом позволила ему сделать удивительный бескомпромиссный вывод: «Все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Фил. 3, 8). Конечно, Господь потом в служении помог ему употребить обширные знания, но они прошли через огонь Божьего алтаря.

Как примечание, необходимо сказать, что из общин братства МСЦ ЕХБ посланцев в ДХУ и подобные университеты нет. Этот факт является достаточным аргументом, чтобы опровергнуть скоропалительный вывод, сделанный еще одним православным диаконом Андреем Кураевым, будто «протестанты учат жителей России дружно скандировать: Спасибо тебе, Америка, за то, что ты есть». (А. Кураев. Протестантам о православии. М., 1977, с. 7). (В дальнейшем в ссылках на книги С. Кобзаря и А. Кураева будут указываться только фамилия автора и номер страницы).

Далее С. Кобзарь делает для себя вывод: если в протестантизме и католицизме нет истины, то она осталась только в православии, так как его догматику в ДХУ не изучают. Конечно, слово «православие» он теперь пишет с большой буквы и, становясь его апологетом¹,

¹ Апологет – защитник веры.

заявляет: «Церковь после вознесения Христа есть воплощенная истина». Этот вывод очень опасен, так как душа, увлеченная им, будет искать не Спасителя, а совершенную церковь. На этот поиск может уйти вся жизнь, и душа останется без спасения, так как церковь не спасает.

В Священном Писании дается определение истины: «Суды Господни — истина» (Пс. 18, 10); «Все заповеди Твои [Божьи] — истина» (Пс. 118, 86); «Закон Твой - истина» (Пс. 118, 142); «Господь Бог есть истина» (Иер. 10, 10); «Я [Христос] есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14, 6); «Дух Святой — Дух истины» (Иоан. 15, 26); «Слово Твое есть истина» (Иоан. 17, 17) и так далее. А вот подтверждения вывода С. Кобзаря, что Церковь есть воплощенная истина, мы в Слове Божьем не находим. Апостол Павел называет церковь «столпом и утверждением истины». К этому она должна стремиться, но на земле мы не найдем ни идеальной поместной церкви, ни идеальной деноминации, а вселенская Церковь (вот ее надо писать с большой буквы) известна только Господу, она-то и является «соборной». Это С. Кобзарь должен знать, так как потом он будет апеллировать к Никео-Константинопольскому символу веры, один из пунктов которого гласит: «Верую во единую, святую, соборную, апостольскую Церковь».

Кто-то может упрекнуть меня в том, что я-то нахожусь в братстве МСЦ ЕХБ и считаю, что оно идет истинным путем. Да, это так. Когда-то я писал, почему нахожусь в этом братстве:

*Я к гонимому братству примкнул потому,
Что Христа путь страданий в нем вижу яснее.
Эта церковь верна лишь Христу одному.
Крест скорбей я хотел бы нести вместе с нею.*

С 1967 года я в этом братстве, люблю его, потому что в нем можно служить Господу, отделившись от мира, в свободе совести, но сказать, что МСЦ ЕХБ — воплощенная истина, я никогда не решусь, так как это будет искажением Слова Божьего. Для размышления хочется привести слова Ч. Сперджена: «Не ищи совершенную церковь. Ее на земле нет, она — на небе. Но если все же ты найдешь такую церковь, то тебя туда не примут». Да, каждый из нас далек от совершенства, но к нему мы обязательно должны стремиться путем очищения и освящения.

Далее С. Кобзарь, увлеченный защитой православия, доходит до панегириков'. «Величайшие мыслители,— пишет он,— известные религиозные философы в христианстве были православными (Соловьев, Бердяев, Флоренский, Лосский, Вышнеславцев)». Дорогой Сергей, нельзя же заикливаться только на России! Владимир Сергеевич Соловьев признан гением общечеловеческой мысли. Он и его труды принадлежат всему человечеству. Евреи даже занесли его имя в почетный список «друзей еврейского народа». Но хочу тебя опечалить, дорогой апологет православия, тем, что В. С. Соловьев в последние годы жизни часто принимал причастие от католического священника и восторженно отзывался о протестантском священнике и писателе Генри Друммонде. (Марцинковский В. С. Соловьев и Евангелие, с. 49—50).

Из этой же книги уместно будет привести отзыв В. С. Соловьева о православии: «Православная церковь находится под игом государства, преклоняется перед ним, Божие предаст кесарю (идя путем так называемого кесарепапизма). И потому иссяк в ней дух живого творчества в области догматической. Оно пресеклось со времени VII Вселенского собора».

Во время одной своей публичной лекции в Москве он высказал следующую мысль: «Если католицизм есть авторитет без свободы, если протестантизм есть свобода без авторитета, то православие не имеет ни того, ни другого — в нем царит анархия. Восток — православный в богословии и не православный в жизни» (Марцинковский В. С. Соловьев и Евангелие, с. 48).

Также и восхваление русских художников (Рублева, Иванова, Крамского, Врубеля) не дает права С. Кобзарю утверждать, что они лучшие в мире. А куда же поместить тогда Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Рембрандта? Не видев поражающих своим величием католических и протестантских соборов в Западной Европе, С. Кобзарь уверяет, что Успенский собор в Киеве и храм Василия Блаженного в Москве — величайшие памятники архитектуры, созданные православными. Ему нужно было бы упомянуть, как православный царь «отблагодарил» зодчего храма Василия Блаженного — Барму. Есть свидетельство, что царь при-

казал выколоть ему глаза, чтобы он не возвел где-нибудь за пределами Руси храма еще красивее.

Беспочвенно и заявление С. Кобзаря о православной музыке. «Лучшая музыка,— пишет он,— поистине духовная классика, была создана православными композиторами (Архангельский, Бортнянский, Березовский, Глинка, Рахманинов)». Я как профессиональный музыкант хочу заметить, что Глинка и Рахманинов писали, в основном, светскую музыку (оперы, симфонии, инструментальные произведения). Для храмового служения они по заказу написали всего несколько хоровых произведений. Следует отметить, что музыки в широком смысле этого слова у православных вообще нет. В своих богослужениях они используют только хоровое пение, а инструментальная музыка ими отвергнута, хотя почти все библейские псалмы написаны для хора и музыкальных инструментов. 150-й Псалом — это чудная симфония хвалы Господу на многих музыкальных инструментах. Православные просто не знают или не хотят перевести греческое слово *ψαλμῶν*, что значит «пение в сопровождении музыкального инструмента». Апостол Павел призывает: «Исполняйте Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями, и песнопениями духовными» (Еф. 5, 18—19). О хоровых произведениях Бортнянского и Архангельского мы тоже очень высокого мнения. Некоторые из их сочинений исполняются на богослужениях лучшими хорами нашего братства, а песнопения «В минуту жизни трудную» (Музыка М. И. Глинки) и «Господь, душа внимать готова» (Музыка Д. С. Бортнянского) — общим пением. (Необходимо пояснить, что мелодия гимна «Господь, душа внимать готова» была использована Бортнянским и для гимна «Коль славен наш Господь в Сионе». Но музыкально-хоровой отдел нашего братства не рекомендует его исполнять, так как достоверно известно, что это была застольная песня русских масонов. Слова этой песни написаны поэтом-масоном Херасковым.)

Как ни хороши хоровые произведения православных композиторов, упомянутых С. Кобзарем, нельзя их ставить выше величественных музыкальных построений западных композиторов. Если бы С. Кобзарь хотя один раз смог услышать такие произведения И. С. Баха, как месса Си-минор, «Страсти по Матфею», «Страсти по Иоанну», то, конечно, он изменил бы свое мнение. «Страсти по Матфею» написаны Бахом для органа, двух симфонических оркестров и трех хоров (третий хор мальчиков на балконе изображает ангельское пение). «Страсти по Иоанну», как и «Страсти по Матфею», написаны по последним главам этих Евангелий. Духовную направленность музыки И. С. Баха подтверждает то, что девятнадцать лет он был органистом в церкви.

Много восторженного можно бы было сказать о величественной оратории Генделя «Мессия» с ее «Большим аллилуйя», о скорбном вокально-инструментальном произведении «Стабат Матер» (Слезы матери). Многие композиторы написали произведения с таким названием на слова средневекового поэта Якопоне да Ходи:

*Безутешно мать стояла,
А с креста главу склоняло
Тело Сына, что распяло
Правосудье Рима.*

*Душу матери скорбящей,
Стоном слезным исходящей
Меч железный,
меч звенящий
Поразил незримо...*

Нет возможности описать прекрасные духовные произведения композиторов О. Лассо, Палестрины, Г. Шютца, а заупокойная месса В. А. Моцарта «Реквием» до сих пор в этом жанре считается непревзойденной.

Заочный библейский институт ФСЕХБ выпустил девять учебных пособий. Пособие №5 «Основы музыкального служения» без труда опровергает мнение С. Кобзаря в защиту исключительности православной хоровой музыки.

Со своей стороны, хочется еще добавить, что в этом пособии не поощряется современная

музыка с запрограммированными ритмами оккультно-танцевального происхождения, что созвучно убеждениям и братства МСЦ ЕХБ.

Из наших богослужений подобная музыка изъята, и мы со скорбью отмечаем, что новый руководитель координационного центра ЕХБ (зарегистрированных общин) поощряет современную музыку такого жанра.

Вернемся к книге С. Кобзаря. На шестой странице он пишет: «К нам в Артемовск приезжал Юрий Богачёв, заслуженный артист бывшего СССР с двумя высшими образованиями. Так вот, он в беседе с нами сказал: „Вся православная музыка — это небесная музыка“». Пусть будет так. Но да будет тебе известно, Сергей, что с Юрием Богачёвым я работал в оперном театре Челябинска с 1967 по 1970 годы. (Я уже был членом церкви ЕХБ, но должен был по закону отработать после учебы в консерватории три года). У Богачёва не два высших образования. Он окончил духовную семинарию, а потом стал артистом. К сожалению, после семинарии он вел весьма грешную жизнь. Далее в своей книге ты, Сергей, будешь утверждать, что важна преемственность священства, а грешный батюшка или нет — не имеет значения. Я с ужасом представил, что Юрий Богачёв тогда при таком образе жизни стал бы кого-то благословлять. Но - слава Христу! — Юрий встретился с распятым Спасителем, покаялся в своих грехах и после принятия крещения по вере стал проповедником евангельско-баптистского братства. Его жизнь стала совершенно другой.

В сентябре 2002 года мы с христианским камерным ансамблем совершали поездку по церквям причерноморских городов и сел. Юрий со своей супругой приезжал на встречу с нами. Я был рад теперь обнять его как брата во Христе. Он спел два гимна с нашим ансамблем в евангелизационном служении, а позже рассказал про одну неожиданную встречу: «Иду я по городу, где заканчивал семинарию, и вдруг слышу: «Приветствую богоотступника!» Гляжу, на противоположной стороне улицы стоит священник в рясе, мой однокурсник по семинарии. Я набрал полные легкие воздухом, включил все резонаторы, как учили на уроках вокала, и, что есть силы, закричал, удивляя прохожих: «Приветствую идолопоклонника!».

Дорогой Сергей, я не хочу тебя обидеть таким повествованием. Так резко Юрию, может быть, не нужно было выражаться. Апостол Павел в Афинах, городе, полном идолов, все же сказал: «...Осматривая ваши святыни...» (Д. Ап. 17, 23), но я должен был дословно передать рассказ Юрия Богачёва, чтобы ты узнал, кого выбрал апологетом православия.

У меня возникла парадоксальная мысль: если выпускники ДХУ уходят в православие, а выпускники семинарии — в баптисты, то не пойти ли тебе, Сергей, в семинарию, чтобы ты духовно прозрел и вернулся в братство ЕХБ? Есть же в геометрии способ доказательства от противного.

Ты еще сравнительно молод, Сергей. Не ставь точку в своих исканиях истины, будь честен и искренен пред Богом и своей совестью — вот моя просьба к тебе и мой совет.

В городе Николаеве, Львовской области, греко-католический священник пришел во Дворец культуры, где мы проводили евангелизационное богослужение. Он со слезами слушал гимны тех, кто закончил жизнь в местах лишения свободы, и повествование о них. После, наедине, он пожелал исповедаться.

Хочется привести еще пример. В городе Челябинске в 1970 году я оставил оперу и филармонию (из преподавателей меня уволили, когда я отказался сотрудничать с КГБ) и полностью посвятил себя на служение Господу. Тогда в церкви покаялся один вдумчивый молодой человек. Он свидетельствовал, как ездил в Загорск поступать в духовную академию. После сдачи вступительных экзаменов он был вызван на собеседование с заместителем ректора. Произошел такой диалог: «Как у тебя, сын мой, дело обстоит с куревом?» — спросил иерей. — «Бог миловал, святой отец». — «А как насчет винца и водочки?» — «Бог тоже миловал. Я веду совершенно трезвый образ жизни». — «А пить надо будет, сын мой, только надо уметь пить, чтобы никто не видел тебя пьяным...» После такого «наставления» абитуриент вернулся в Челябинск, где и принял Христа в свое сердце. :

На восьмой странице С. Кобзарь восхищается миссионерским служением православных и повествует об обращении в христианство целых стран. В перечень стран, принявших

христианство от православных нужно бы внести такую поправку: раскол между католиками и православными произошел лишь в 1054 году. К этому времени многие страны были уже христианскими: Значит, католицизму тоже принадлежит заслуга в распространении христианства. Не подумай, Сергей, что я хочу выступить защитником католицизма, но правде надо, смотреть в глаза. И знаменитые просветители славян, Кирилл и Мефодий, трудились с 858 года по 885 год, да и Русь приняла христианство в 988 году, то есть, когда православные и католики были еще вместе, признавая семь Вселенских соборов. Ни в коем случае нельзя умалять и роли протестантов в распространении Евангелия. Притом они-то несли людям не обряды и предания, а истинное Слово Божье. Германия, Швеция, Нидерланды, Дания, Швейцария стали странами, в основном, с протестантским исповеданием веры в Иисуса Христа. Когда католики во Франции уничтожали гугенотов, то многие из них переселились в Англию.

Позднее там возникли общины пуритан и баптистов. (Следует заметить, что предки знаменитого проповедника Ч. Сперджена тоже были гугенотами, поэтому у него осталась потомственная склонность к кальвинизму). Потом Шотландия, Испания, Уэльс и Северная Америка стали называться протестантскими странами.

«Не породил протестантизм также великих святых, как православие»,— пишет С. Кобзарь на той же восьмой странице.

Но разве можно назвать равноапостольными (равными по своей жизни и свершениям Апостолам) императора Константина и русского князя Владимира, как это сделало православие? Константин до конца жизни был'верховным языческим жрецом. Крещение он принял перед самой смертью в 337 году. Его статуя стояла в языческом капище среди языческих идолов, и он ее оттуда не удалял. Грубый и властолюбивый, в течение своей жизни он истребил многих своих родственников, в том числе и свою жену Фаусту, заподозрив ее в заговоре, и сына Криспа. Таким он и председательствовал на I Никейском Вселенском соборе в 325 году. Разве это не оскорбление Божьей святости?!

Князю Владимиру, по свидетельству древнерусского летописца, были присущи три черты: ревность о язычестве, любовь к женщинам и жестокость. Перед изваянием Перуна он многократно приносил человеческие жертвы. Завоевав Корсунь (Херсонес), он решил дополнить число своих жен греческой царевной Анной, дав обещание, что примет христианство. Но что же это был за христианин? Любимая ранее Рогнеда, которую он силой взял в жены, отправлена в изгнание, а он вступает в «счастливый» брак с царевной Анной. Потом — насильственное крещение Руси. Разве это тот камень, на котором должна быть основана церковь? А молящиеся православные теперь обращаются к Владимиру как «к защитнику перед небесным правосудием». Возведены в ранг святых Борис и Глеб, которые были убиты родным братом Святополком (он убил и третьего брата, Святослава Древлянского) не за христианскую веру, а как претенденты на княжеский престол. А все они — сыновья «равноапостольного» князя Владимира. Вот они — плоды православия! Отомстил Святополку сын той самой Рогнеды, отправленной в изгнание,— Ярослав. В одной из битв Святополк был убит, а Ярослав (после названный Мудрым) всю власть на Руси взял в свои руки. В ранге святых у православных и Александр Невский, разбивший «псов-рыцарей» на Чудском озере. Действительно, как говорил Байрон: «Если на одной стороне медали написано „герой", то на другой надо читать „изверг"». Церковь никогда не должна быть государственной, иначе, потакая государям, она будет нарушать заповеди Христа.

При всех твоих нападках на протестантизм ты, Сергей, не должен бы называть Лютера Гитлером. У него, как и у других протестантов, Кальвина и Цвингли, было жесткое отношение к анабаптистам, но это они делали по неведению. Твой коллега, Андрей Кураев, поступил более осмотрительно. На сорок первой странице он даже приводит высказывание Лютера: «Ни Собор Никейский, ни первые Отцы Церкви, ни древние общины Азии, Греции, Африки не были подчинены папе; да и сейчас на Востоке существуют истинные христиане, у которых епископы папе не подчинены». Надо бы вам, двум православным диаконам, все же сначала сговориться, как относиться к реформатору Мартину Лютеру.

Протестантом надо считать и Дж. Виклифа (ок. 1330—1384), который вместе с друзьями перевел Библию на английский язык. Он обличал папство в отступлении от Священного

Писания. Вот основные тезисы Виклифа:

1. Церковь должна быть бедной, как в дни Апостолов.
2. Монашество, на основании Библии, не имеет права на существование.
3. Библия должна быть всенародной.
4. Проповеди Евангелия — первое место.

Католики не успели на костре инквизиции сжечь пламенного проповедника Евангелия — он ушел в вечность. Но они раскопали и сожгли его останки. Идеи Виклифа восприняли Ян Гус и Иероним Пражский. Оба они были сожжены католиками (1415 и 1416 гг.). На все времена верным христианам Ян Гус оставил свое завещание: «Раз познанной правде нельзя изменить, нельзя отречься от нее. Это было бы предательством и отрицанием самой жизни. Посему, верный христианин, люби правду, учись правде, ищи правду, защищай правду, хотя бы ценой собственной жизни, ибо правда освободит тебя».

Предшественником Реформации был и пламенный проповедник Евангелия в Италии Джироламо Савонарола, сожженный католиками в 1498 году. Его слова, призывающие к святой жизни, очень актуальны и сейчас: «Брат мой, тебе давно бы надо быть диадемою, украшением в царственном венце Иисуса, а ты до сих пор — колючка в Его терновом венце».

Сейчас нет возможности осветить движение анабаптистов. Позднее мы немного подробнее порассуждаем об их воззрениях, а сейчас только скажем, что Гребель, Блаурок, Манц, Валтасар Губмайер были мучениками за веру в Иисуса Христа. Губмайер только в Моравии крестил по вере более шести тысяч душ. В 1528 году он был сожжен католиками. В Голландии движение анабаптистов возглавил бывший католический священник Менно Симонс (С. Кобзарь его фамилию в своей книге назвал неточно).

Вот сколько их, не возведенных в ранг святых ни на Западе — у католиков, ни на Востоке — у православных, но записанных в книге жизни у Бога! А сколько баптистов-штундистов и молокан погубило православие, отправляя их на каторгу и в ссылку в Сибирь, на Кавказ, в место Гирюсы, и даже топя в проруби?! (Читайте: Степняк-Кравчинский «Штундист Павел Руденко»; С. П. Левен «Духовное пробуждение в России»; Л. Н. Толстой «Воскресение».)

Во времена фашизма в Закарпатье румыны расстреливали или отправляли в тюрьму всех христиан, которые собирались не в православном храме. А. М. Волошин, служитель церкви МСЦ ЕХБ в Ханженково, Донецкой области, рассказывал, как в г. Черновцы (там они жили в военные годы) священник привел пристава и велел арестовать пресвитера (отца А. М. Волошина). Его приговорили к расстрелу, но потом заменили 25-ю годами тюремного заключения. Можно смело сказать, что от баптистов никто из православных не пострадал, а вот от православных пострадали десятки тысяч детей Божьих. Православие и до сих пор мешает баптистам распространять Евангелие.

Чтобы иметь представление о страданиях баптистов за веру в царской России, предлагаем познакомиться с фрагментами из биографической повести Ф. М. Дунаенко «До конца претерпевший», изданную Н. Водневским.

«Когда священники, сотские да урядники были высшей властью на селе, судьбы верующих проходили через ужасные испытания. Даже умерших детей евангельских верующих не разрешали хоронить на общих христианских кладбищах. Родители похоронили ребенка во дворе, но приезжает урядник и приказывает: „Тело ребенка выкопать и похоронить на свином кладбище“. И так было сделано. „Уничтожить штунду!“ — вот о чем думал и кричал „религиозный народ“» (с. 6).

«В селе Осолинки, Киевской губернии, били братьев наших по домам, на улице, на сходке, всенародно в присутствии священника и сельских властей, били до того, что от палок тела страдальцев чернели, как уголь» (с. 7).

«Урядник при всех бил меня куда попало и строго приказывает сельскому старосте, сотскому, десятскому и полицейским: „Где собирается эта штунда, разбивать окна, ломайте двери, лупите их, сколько успеете“. Некоторые православные люди говорили: „Нас Бог будет наказывать всеми наказаниями если мы вас не будем бить и разгонять...“ Такое было понятие у темного народа» (с. 14—15).

«Урядник набросился на меня хуже зверя, бил, бил, даже вспотел, задыхаться стал, всякими словами ругается, а слова такие, каких в книгах не бывает... После отправил к пристава. А тот не лучше урядника, пожалуй, еще злее, хоть на вид вроде как образованный, лицо побритое... „Будешь со штундой якшаться?“ — спрашивает у меня, а сам слюной брызжет мне в лицо. — „Мое дело и звание такое“, — ответил ему. — „А, такое? Ты хочешь, чтобы я тебе морду кровавой лепешкой сделал?“ — „Воля ваша... Вы вот приказываете мне, а думаете, Бог не приказывает? Так кого же мне слушать — власть земную или небесную?“ — „Раз ты на земле, значит, я для тебя важнее небесной власти“. Вот ведь до какого бесстыдства доходит человек, ученый по виду» (с. 16).

«Когда в этот раз приехал урядник /после диспута со священником/, то уже не бил, а мучил, и я едва остался живым. „Как ты, гадина, посмел бить священника?“ — „Я пальцем его не тронул...“ — „Ты его словами бил при всем народе... погоди, достукаешься каторжных работ, сгниешь там навеки!“».

«Были случаи, когда нас заставляли на собраниях. Толпа гнала нас 40 верст в Уманской тюремный замок. Вместе с сильными мужчинами гнали и слабеньких женщин с грудными детьми. Милосердия не проявляли ни к кому* (с. 18).

«„Забрать у штунды хлеб, который уже в снопах, а земли им дать только по полдесятины в таком месте, где ничто не родится, на глине“. По всем полицейским участкам было разослано распоряжение, что у штунды можно забирать новорожденных детей и крестить по православному обряду. Некоторых ребят крестили в ледяной воде. Младенцы простывали и умирали» (с. 20).

«Когда арестовывали сестер по огородам, они просили: „Пустите в дом взять ребенка, его надо кормить грудью...“ — „Обойдется без груди“, — смеялись гонители. Матерей погнали за сорок верст. На другой день сестер перевели в тюрьму. При тюрьме была церковь. Священник начал православную службу. На эту службу было позвано много полицейских. Во время службы сестры и братья плакали, что их пригнали сюда силой. После службы священник дает всем просвиры, некоторые не брали. К таким подбегал полицейский и без всякого стеснения лупил людей. Мою жену толкнули с высокой лестницы. Она сильно ушиблась, но осталась жива. После службы сестер погнали в тюрьму. Туда к этому времени привезли из села грудных детей. Показали их издали, а близко подходить к детям запретили. Сестры стонали от болей в груди, младенцы плакали от голода. Полиция кричала на брата, который привез грудных детей. В тот день матери так и не покормили детей. С несчастными малюточками брат Г. Д. Мусиенко поехал на постоялый двор Умани» (с. 23).

«Три сына старосты обратились ко Христу. Староста говорит: „Батюшка, помогите, дайте совет, что мне делать с тремя сыновьями, которые стали ходить на собрание к Дунаенко?“ Священник говорит: „Вы знаете, что сделали с Яшкой, который обокрал церковь ночью? Его убило общество, и над убийцами не было суда. Вот также надо поступить с Дунаенко“. Сход постановил: „Кто не хочет бить и разгонять штунду, у тех отнять землю“. Верующих многих избили до крови. Женщин таскали за волосы, били ногами. Одну девочку выбросили через изгородь на мерзлую землю. В тот же день она умерла» (с. 26—27).

«Было это в 1894 году 9 мая. Отвезли нас в Уманское полицейское управление и заперли в арестантской камере. Вошли три полицейских и начали обыскивать. У меня было шестьдесят копеек. Отняли. У Андрея Мусиенко — три рубля. Тоже забрали. Потом вышли куда-то, но скоро вернулись, принесли водки — на наши деньги купили. Стали пить. А развеселились — стали бить по щекм. В нашей камере была икона, как и в других камерах. Икона была тяжелая, на грубой дубовой доске, прочно укреплена на стене. Полицейский берет стакан водки и льет мне в рот. Я сжал губы. Но полицейскому захотелось потешиться еще больше: отодрал икону. Один схватил эту икону, размахнулся что есть силы и трах меня в ухо. Я упал навзничь, а другой подскочил и ногами в зубы, в грудь, третий начал бить кулаками в голову... А полицейский выпил еще и опять хватается за икону... Треснули по другому уху. Я повалился на другую сторону. Икона была крепкая, а все-таки разбилась» (с. 35).

«На рассвете брат Андрей сел возле меня и говорит: „Брат, вы наверное умрете, ваших

глаз уже не видать, они затянуты опухолью, и уши ваши раздулись, и ноги, и руки. Скажите, что передать вашей жене и детям, если я останусь живым? Они будут спрашивать..." И горько плачет при таких словах надо мною» (с. 37).

«И вот зачитывают нам постановление власти, что по распоряжению министерства внутренних дел нас (троих) ссылают в закавказский край сроком на пять лет» (с. 45).

«О многом я не сказал в своих записях. О, Боже, дай сил дойти до могилы. Скоро кончится путь мой земной. В последнюю секунду жизни я буду повторять: „Господи, благодарю Тебя за все! Своей пронзенной рукой Ты помог мне осилить такой трудный путь. Ты провел меня через бураны, загородил львиные пасти, а теперь скоро отзовешь к Себе для вечной радости"» (с. 64).

Защита С. Кобзарем православных догматов

С. Кобзарь на шестнадцатой странице называет «непростительным грехом» отделение баптистов от православия. Всякий, знающий историю христианства, поймет, что неверна сама постановка вопроса. Баптисты отделялись не от православия, а от католиков, которых сами православные называют еретиками. А еще точнее, баптисты на основании Священного Писания стали принимать крещение взрослыми, и протестанты-детокрещенцы негативным отношением вытеснили их из своей среды, называя анабаптистами, то есть перекрещенцами, а таковым смертные приговоры выносили и католики, и реформаторы.

Когда мы с камерным ансамблем совершали поездку по Германии, то сотрудники миссии «Fridensstimme» («Голос мира») возили нас и в Голландию, и в Данию, и в Люксембург, и в Швейцарию. В Швейцарии мы как раз были по-братски приняты анабаптистами. Пастор со слезами говорил: «Вы первые русские братья, которые нас посетили». Он много нам рассказывал из истории анабаптизма. Католики выжигали их селения, ни одна страна не желала принимать несчастных с ярлыком «еретики».

Реформаторы Цюриха и Женевы тоже их гнали. Наконец, один из герцогов сжалился над гонимыми и разрешил им поселиться в горах, но не ниже тысячи метров над уровнем моря. Вот там, в горах Швейцарии, некоторые из их потомков живут до сего дня. Конечно, они уже стали баптистами, так как детей не крестят. Пастор водил нас в горы, где сохранилась пещера, в которой анабаптисты тайно собирались на богослужения. С трепетным чувством мы зашли в пещеру и благоговейно запели гимн «Ты — мой Бог Святой», а после молитвенно почтили память страдальцев за Христову веру.

Чтобы читатель имел более полное представление об анабаптизме, обратимся к «Истории христианства», написанной Хусто Л. Гонсалесом.

«Сейчас все наденутся получить спасение поверхностной верой без плодов веры, без крещения испытаниями и страданиями, без любви или надежды и без истинно христианской жизни» (Конрад Гребель).

«И Лютер, и Цвингли пришли к убеждению, что за прошедшие столетия христианство перестало быть таким, каким оно было в новозаветный период. Лютер стремился очистить его от всего, что противоречит Писанию. Цвингли шел еще дальше и утверждал, что вера и практические дела должны основываться только на том, что находит ясные библейские подтверждения. Но вскоре появились люди, заявившие, что Цвингли не развил свои идеи до логического конца.

По мнению этих критиков, Цвингли и Лютер забыли, что в Новом Завете церковь четко противопоставляется окружающему ее обществу. Следствием этого стали гонения, так как римское общество не могло терпимо относиться к раннему христианству. Поэтому компромисс между церковью и государством, достигнутый в результате обращения Константина, сам по себе был предательством раннего христианства. Истинное повиновение Писанию требует, чтобы начатая Лютером реформация пошла гораздо дальше рамок, установленных этим реформатором. Церковь не надо путать с обществом в целом. Коренное различие заключается в том, что членом общества человек становится просто-напросто в силу

факта своего рождения в нем, не требующего принятия решения с его стороны, тогда как членом церкви он может стать, только самолично приняв данное решение. Исходя из этого, крещение младенцев недопустимо, так как оно подразумевает, что человек становится христианином просто потому, что он родился в обществе, считающемся христианским. Это делает необязательным принятие личного решения, в котором и заключается суть христианской веры.

Большинство этих радикальных реформаторов утверждали также, что пацифизм¹ — неотъемлемая часть христианства. Нагорную проповедь следует понимать буквально, и те, кто считают невозможным следование ей, демонстрируют недостаток веры. Христианам нельзя братья за оружие для самообороны или для защиты своей страны, даже если им угрожают турки.

Такие идеи распространялись в самых разных и как будто бы даже не связанных между собой частях Европы, в том числе в некоторых католических странах. Но общественное внимание впервые они привлекли к себе в Цюрихе. В этом городе была группа верующих, побуждавшая Цвингли быть более решительным в деле реформ. Эти люди, называвшие себя „братьями“, настаивали на необходимости создать общество истинно верующих, противостоящее тем, кто называет себя христианином просто потому, что родился в христианской стране и в младенчестве получил крещение.

Когда наконец стало ясно, что Цвингли не хочет идти по этому пути, „братья“ решили, что настало время самим создать такое общество. Бывший священник Георг Блаурок попросил другого брата, Конрада Гребеля, крестить его. 21 января 1525 года в фонтане на площади в Цюрихе Гребель крестил Блаурока, который затем совершил тот же обряд с другими... Впоследствии, когда они начали больше думать о соблюдении требований Нового Завета, крещение совершалось погружением.

Противники называли их „анабаптистами“, то есть „перекрещенцами“. Это название не совсем точно отражает суть вопроса, так как «перекрещенцы» заявляли не о том, что человек должен креститься заново, а о том, что крещение младенцев не имеет силы и что первое реальное крещение происходит тогда, когда человек публично заявляет о своей вере. Тем не менее они получили название анабаптистов, потерявшее сейчас первоначальный уничижительный смысл.

Анабаптистское движение столкнулось с сопротивлением со стороны как католиков, так и протестантов. Теоретически противники анабаптистов руководствовались богословскими соображениями, но фактически их преследовали потому, что считали их взгляды разрушительными для христианства и подрывающими его основы. Лютер и Цвингли, придерживающиеся по другим вопросам достаточно радикальных взглядов, тем не менее, считали, что церковь и государство должны жить в мире и согласии, поддерживать друг друга, воздерживаться от истолкования Писания, которое могло бы поставить под угрозу существующий общественный порядок.

Анабаптисты представляли церковь добровольным сообществом, полностью независимым от гражданского общества. В 1525 году их начали карать смертной казнью в католических районах Швейцарии. В следующем году этому примеру последовал городской совет Цюриха. За несколько месяцев гонения охватили Швейцарию и Германию.

Мученическую смерть приняли многие, возможно даже, что погибло больше людей, чем за три столетия гонений до эпохи Константина. В разных землях и странах и в разных случаях анабаптистов казнили по-разному. Одних с садистским юмором топили в воде. Других сжигали на кострах, как и еретиков в предшествующем веке, третьих пытали до смерти или четвертовали. Рассказы о героических поступках во время этих бесчинств заняли бы несколько томов, и тем не менее, ужесточение гонений лишь способствовало росту анабаптистского движения».

«Менно Симонс, католический священник, стал анабаптистом в 1536 году. Он вступил в Нидерландское анабаптистское братство, и в конечном счете его последователей стали называть „меннонитами“. Меннониты подвергались таким же преследованиям, как и

остальные анабаптисты, но Менно Симонс многие годы ездил по Нидерландам и Северной Германии, проповедуя свою веру и ободряя своих последователей. Он был убежден, что пацифизм является неотъемлемой частью истинного христианства, и не хотел иметь ничего общего с революционно настроенными анабаптистами. Он также полагал, что христианин не имеет права присягать кому бы то ни было, и, следовательно, занимать посты, требующие присяги. Но христианин обязан подчиняться гражданским властям, если предъявляемые к нему требования не противоречат Писанию. Крестить можно только взрослых, публично заявляющих о своей вере. Но ни этот обряд, ни обряд причащения не дарует благодати, они являются лишь внешними признаками внутреннего общения между Богом и верующим.

Хотя неучастие в антигосударственной деятельности было их принципиальной позицией, многие правители считали меннонитов подрывными элементами, поскольку те отказывались от присяги и военной службы. По этой причине их изгнали в Восточную Европу, в частности в Россию» (Хусто Л. Гонсалес. История христианства, т. 2, СПб., изд. Библия для всех, 2002, с. 53—58).

О ношении крестика и осенений себя крестным знаменем

Крест — орудие казни. Любящий Голгофского Страдальца будет ли обожествлять орудие казни и целовать его? Здравомыслящий человек, конечно, скажет: «Нет!». Тертуллиан и Ориген в III веке, когда постепенно крест стал предметом поклонения, свидетельствуют, что даже язычники укоряли христиан в идолопоклонстве, в обожествлении креста. В защиту необходимости носить крестик и поклоняться кресту С. Кобзарь приводит слова Апостола Павла: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа». (Гал. 6, 14); «Ибо многие, о которых я часто говорил, вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова» (Фил. 3, 18).

Крест Христов — это гонения и страдания за имя Господа. Это ясно всякому непредвзято настроенному читателю Священного Писания. Иисус сказал: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мэтф. 5, 11). Крестик носить не трудно, да еще на золотой или позолоченной цепочке как предмет украшения, а вот крест Христов почему-то не многие хотят нести. Христос учил: «...И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Матф. 10, 38). Значит, кто-то, а таких много, хотел бы идти за Христом, но идти лукаво, обходя гонения и страдания. Еще конкретнее Христос говорит в Матф. 16, 24: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною». Всем ясно, что речь идет о страданиях за имя Господа, потому что Христос еще не был распят, крест еще не стал символом, а страдания за Иисуса были, есть и будут. «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы», — предупреждал Апостол Павел (2 Тим. 3, 12),

Приводить в доказательство поклонения кресту эпизод из кинофильма «Камо грядеши?», где Апостол Петр проповедует, стоя под большим крестом, слишком легковесно. Ведь фильм поставлен по роману католика Генрика Сенкевича «Quo vadis?». По его убеждению, конечно же, Апостол Петр должен «проповедовать, стоя под большим крестом». Понятно, что это выдумка, писателю-романисту достаточно пяти процентов правды, остальное восполняется творческим воображением.

Местом Священного Писания: «будет жертвенник святыня великая: все, прикасающееся к жертвеннику, освятится» (Исх. 29, 37) — С. Кобзарь хочет убедить читателя, что крест стал жертвенником и святыней. Но святыней будет сам жертвенник, а не его символ, не его изображение. Израильтянам запрещалось составлять вне скинии такое же миро помазания и такое же курение. Тем более нельзя было изготавливать подобие жертвенника. Он был единственный. Иначе многие бы наделали символов и наосвящали для себя полюбившиеся предметы. Когда сыны Рувима, Гада и Манассий соорудили памятный жертвенник, то весь Израиль чуть ли не пошел войной на них (И. Нав. 22, 10—29). Послы общества Господнего прямо назвали это действие «преступлением» (И. Нав. 22, 16). Зачем нам быть или преступниками, или отступниками? Не

лучше ли ничего не прибавлять к Священному Писанию и ничего не убавлять от него? Хорошо, хоть не придумали таинство перевоплощения крестика в крест Христов, как сделали с хлебом и вином в Евхаристии, а то было бы еще больше трудностей. Желая носить на шее крестик и утверждающим, что крест освящен страданиями Иисуса Христа, следует подумать над тем, что страдания причинил не сам крест, а гвозди, вбитые в руки и ноги Спасителя. Логичнее было бы носить на шее три гвоздя. Хорошо, что никто этого не придумал.

Приведенное место из неканонической Библии: «Блаженно древо, через которое бывает правда» (Прем. Сол. 14, 7) — ничего не говорит в защиту ношения креста. А текст: «Я прослаблю подножие ног Моих» (Ис. 60, 13), прямо скажем, приведен невпопад. Он относится к словам Бога: «Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих» (Ис. 66, 1). Бог говорит о славе Сиона, Иерусалима.

Заверение на восемнадцатой странице, что литургия служилась уже в I веке и там есть слова: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыка», неубедительно, так как не подтверждается Священным Писанием. Сам же автор книги будет потом приводить данные, что первые литургии составили Василий Великий и Иоанн Златоуст (середина и конец IV века). Иаков, брат Господень, написать литургии не мог. Согласно свидетельству историка Иосифа Флавия, он был убит за несколько лет до разрушения Иерусалима в 70-м году. Сын плотника вряд ли мог знать правила гармонии и композиции. Согласно данным П. И. Рогозина, поклоняться кресту стали с 688 года. Эти сведения взяты им из постановлений Соборов, именно поэтому С. Кобзарю не следовало бы так нещадно критиковать этого мужа Божьего.

Осенение себя крестным знаменем стало вводиться в практику после того, как Елена, мать Константина, совершила путешествие в Иерусалим, где, как гласит предание, нашла крест Иисуса Христа. Поверить этому трудно, потому что за триста лет крест давно бы сгнил. Решение по этому вопросу было вынесено позднее. Католики, православные, старообрядцы по-разному складывают пальцы правой руки при осенении себя крестным знаменем. Кто из них прав? Судить не нам. С нашей стороны хочется сказать, что «без веры угодить Богу невозможно» (Евр. 11, 6). Без веры никакое крестное знамение не поможет, а если есть вера, то и осенять себя крестным знаменем нет надобности. «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься...» (Д. Ап. 16, 31). Сама логика подсказывает, что человек может лишиться правой руки, даже обеих рук, но, веруя в Иисуса Христа, будет спасен без крестного знаменья. В Священном Писании нам не оставлено ни повеления, ни совета осенять себя крестным знаменем и почитать крест. Ведь каждый мало-мальски мыслящий человек может сделать вывод, что для Апостолов и учеников Иисуса Христа он так и остался орудием казни любимого Учителя.

Если точно следовать преданию, то Елена нашла не один, а три креста на Голгофе. Чтобы узнать, на каком кресте был распят Христос, стали прикладывать крест к покойнику, которого несли на кладбище. От прикосновения к одному из крестов покойник встал. И всему этому надо верить, но это уже будет вера не в Слово Божье, не в Бога, а вера в предание, то есть человеческая вера. Подумайте только: три столетия крест так и пробыл на Голгофе, и до Елены никому он не был нужен. Апостол Иоанн и мать Иисуса были очевидцами Его распятия. Они точно знали, на каком кресте был распят Иисус. Если бы нужно было освящать крест, то неужели ученики Христа не сделали бы этого и крест оставался бы три века на Голгофе? Неужели Дух Святой, сошедший на учеников Иисуса Христа, Который должен был, как сказал Иисус, «наставлять на всякую истину» (Иоан. 16, 13), не побудил бы учеников сберечь крест и начать почитать его, осеняя себя крестным знаменем? Неужели любимый ученик Иисуса Христа, Иоанн, доживший почти до столетнего возраста, не вспомнил бы о кресте, если его надо было почитать как святыню, а не смотреть на него как на орудие казни?

Дорогой читатель, не допусти, чтобы ясная вера в Иисуса Христа была заслонена от тебя дремучими преданиями! Апостол Павел в Послании к Галатам пишет: «Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8). Да содрогнется душа каждого искателя истины от таких слов! Да не дерзнет он что-либо прибавить к Священному Писанию или убавить от него! (Втор. 4, 1—2; Откр. 22, 18—19). Только так мы можем сохранить живительный родник Слова Божьего чистым. Предания и

поучения отцов церкви только тогда ценны, когда они подтверждают Священное . Писание, а не противоречат ему.

Утверждение С. Кобзаря, что крестик на шее и осенение себя крестным знаменем напоминают нам о Христе, вроде бы безобидно, но Напоминатель и Ходатай, Дух Святой, сделает это гораздо лучше, чем изделие рук человеческих и людская выдумка. «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших,— пишет Апостол Павел,— ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим. 8, 26-27).

Будем заботиться, чтобы этот чудный небесный гость, Дух Святой, жил в нашем сердце, а для этого нужно полное повиновение Богу и Его Слову, а не преданиям (Иоан. 1,1; Д. Ап. 5, 32). Пророк Исаия за 750 лет до воплощения Христа предостерегал об опасности уклонения от Слова Божьего: «И стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного,— так что они пойдут и упадут навзничь, и разобьются, и попадут в сеть, и будут уловлены» (Ис. 28, 13).

Посмотрите только, как потучнел еврейский Талмуд. Он стал в несколько раз толще Ветхого Завета, а «заповедь на заповедь» все прибавляется. Для нас, например, несущественно знать, когда курица снесла яйцо, которое мы хотим съесть, а талмудисты долго спорили: можно ли употреблять в пищу яйцо, которое курица снесла в субботу? Мнения разделились. К какому же выводу они пришли? К парадоксальному! Яйцо, снесенное курицей в субботу, съесть можно, только курицу нужно предать смерти.

Если на Йом Кипур (день очищения) раньше брали два одинаковых козла, для совершения обряда очищения, и по жребию одного приносили в жертву за грех, а другого с грехами всего народа отпускали в пустыню, то теперь предлагается брать белого петуха. Его крутят над головой и затем бросают от себя, как можно дальше со словами: «Да будут удалены от нас наши грехи». Этот петух считается святым.

Такие и подобные им рассуждения составителей Талмуда не приближают искателя истины к Богу, а удалят от Него.

О вещественных святынях

Как увеличивался Талмуд у евреев, так у католиков и православных увеличивалось число поучений о почитании вещественных святынь. Уже было упомянуто, что мать Константина, Елена, совершив путешествие в Иерусалим, объявила, что якобы нашла крест, на котором был распят Христос. Духовенство, падкое на подобные сенсации, быстро этим воспользовалось. Церкви одна за другой стали объявлять о находках священных реликвий. Священными были и гвозди, которыми как будто был прибит ко кресту Христос, и камешки из Его пещеры, и многие другие предметы. Перед этими реликвиями люди стали преклонять колени. Примкнувшие ради выгоды к христианству язычники решили, что эти предметы надо почитать вместо прежних идолов. Потом вошло в обычай строить новые храмы на антиминосках (части от мощей мучеников). Кто-то на этом спекулировал и обманывал народ. При позднейшем исследовании у одного и того же мученика обнаруживалось больше частей тела, чем есть на самом деле, а вместо нетленных мощей какого-либо святого, лежащего в гробе, иногда оказывалось чучело, набитое опилками.

В Ветхом Завете можно встретить такие изречения, как «поклонюсь святому храму Твоему» (Пс. 5, 8), «поклоняюсь пред святым храмом Твоим» (Пс. 137, 2) и другие. С. Кобзарь на двадцать четвертой странице делает заключение: «Во всех этих случаях поклонение приносится не Богу, а вещи, святыне». Это в корне неверно. И ковчег завета, и храм почитались лишь потому, что там обитал Бог. В подтверждение этого можно привести много мест из Священного Писания. Напомним хотя бы Ис. 57, 15: «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий,— Святыи имя Ему: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных».

Ключом для понимания Ветхого Завета является слово Апостола Павла: «Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор. 10, 11). В конечном счете Бог желает обитать Духом Святым в сердце человека. «Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: „вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом"» (2 Кор. 6, 16). Иисус говорил о Своем Теле, как о храме: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Иоан. 2, 19). Поклонение Богу стало бездуховным, вещественным, формальным, поэтому Иисус произносит семикратное: «Горе вам, книжники и фарисеи!» (Матф. гл. 23). Рукотворный храм ничего не значит, если там не будет обитать Бог. Нечестие священников привело к вынесению Иисусом приговора: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23, 38). За отступление от истины Бог дважды допустил разрушение храма в Иерусалиме (Навуходоносором в 586 году до Р. Х. и римлянами в 70 году по Р. Х.).

Иосиф Флавий в книге «Иудейская война» описывает ужасную картину сожжения храма. Римский полководец Тит Флавий, ставший потом императором, не давал приказа разрушать храм, но римские воины после долгой осады Иерусалима исполнились ненависти, и капитан Педан бросил горящий факел в дровяной склад, исполнилось пророчество Иисуса: «...не останется здесь камня на камне». (Матф. 24, 2). Когда храм пылал, фанатичные иудейские женщины доходили до безумия: перерезали горло своим младенцам и кровью тушили огонь.

Да не повторится эта ошибка и в нашем народе! Да не возобладает вещизм и фетишизм в богослужениях! Лучше больше заботиться о том, чтобы Дух Святой вселился в сердечный храм и пребывал там, чем, не вникая в уроки истории, поклоняться храму, сооруженному людьми. Иван Вениаминович Каргель написал книгу «Свет из тени будущих благ», раскрывающую значение ветхозаветного символического служения. Как хорошо, когда ветхозаветная обрядовая тень ведет к свету Христову, но как опасно этот истинный свет закрывать ветхозаветной тенью.

Обрядовое православное служение во многом заимствовано из Ветхого Завета (одежды священников с их воскрилиями, алтарь, свечи, позолота, крещение младенцев вместо обрезания на восьмой день и многое другое). В иудейском храме были некоторые изображения и священные предметы, только им никто не поклонялся и не целовал их. Католики и православные наосвящали столько предметов, мощей, икон и объявили поклонение стольким умершим, что в календаре не осталось ни одного дня без какого-либо псевдопраздника. Всем этим только затмевается свет евангельской простоты и почти не остается места для конкретной проповеди Евангелия. Православие, по сути, стало народным, обрядовым, традиционным театром. Людей уверяют, что надо совершить определенный обряд, но не побуждают их изучать Священное Писание, чтобы проверить целесообразность и ценность данного обряда. А Христос заповедовал: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Иоан. 5, 39). Предания принудили людей сделать многочисленные кумиры, фетиши, ввести поклонение угодникам, а Слово Божье предлагает только поминать наставников и, взирая на кончину их жизни, подражать их вере (Евр. 13, 7).

Хорошо бы всем нам внять словам Иисуса: «Когда исполните все поведенное вам, говорите: „Мы рабы ничего нестоющие, потому что сделали, что должны были сделать"» (Лук. 17, 10). Слава принадлежит только Богу, который говорит: «...И не дам славы Моей иному» (Ис. 42, 8). Божье мы не имеем права ни себе присвоить, ни отдать другому.

Индусский проповедник Саду Сундар Синг проповедовал в Австрии. Ему задали вопрос: «Не возникло ли в вашем сердце желания при таком обилии покаяний помыслить, что вы хороший проповедник?» Он ответил: «Иисус въезжал в Иерусалим. На дорогу постлали пальмовые ветви и одежду. Ноги Спасителя их не касались. По ним шагал осленок, но как неразумно было бы осленку подумать, что такая почесть оказывается ему».

Относительно чудесных исцелений через освященные предметы следует сказать, что такие исцеления возможны, только исцеляют не эти предметы, а вера, с которой, в конечном счете, исцелившийся обращался к Богу. Притом вместо исцеления может быть лишь самовнушение, да и диавол, чтобы разрушить веру в Бога, «знамениями и чудесами ложными» может увлечь «не принявших любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2, 9—10).

Когда я жил в Челябинске, то был свидетелем уникального исцеления. Исцелилась мать

одного брата из церкви ЕХБ. Она была ревнительницей православия и часто выражала недовольство тем, что сын является баптистским проповедником. Случилось так, что сотрудник нашего брата был командирован в Израиль. Старушка-мать, узнав об этом, стала просить сына, чтобы он убедил своего коллегу привезти ей маленькую щепочку от креста Христова, дабы она могла исцелиться. Тот, понимая всю абсурдность такого поручения, все-таки не стал разочаровывать мать отказом. Конечно, он никого не стал утруждать невыполнимой просьбой. Прошло два месяца — сотрудник возвратился из командировки. Брат наш надеялся, что мать забудет о своем желании. Но не тут-то было! Она сразу же спросила о щепочке от креста Господня. Снисходя к глубокой старости, сын решился на неправду. Выйдя во двор, он отломил малюсенькую щепочку от старого сарая и отдал матери. Она прокипятила ее в воде и некоторое время пила этот отвар. И что вы думаете? Помогло! Она, где только могла, рассказывала о своем чудесном исцелении.

Часто говорят об обновленных и плачущих иконах. Этому опять же надо верить. Может быть, бывают случаи «обновления» икон при жаркой и сухой погоде, но чаще - это рассказы, превратившиеся в легенды. А вот искусную имитацию плача иконы Божьей матери кое-кто и видел. Во времена Петра I, когда он ввел обычай брить бороды православным, а на противящихся наложил двойную дань (их стали называть двоеданами), когда с колоколен стали снимать колокола, чтобы их перелить на пушки, митрополит послал царю увещательное письмо: «Что вы делаете, батюшка царь?! От ваших деяний Матерь Божия всю ночь плакала...» Ответ царя был краток и строг: «Святой отец, если к утру икона не перестанет плакать, ты заплачешь». И что же? Икона действительно перестала плакать.

С. Кобзарь, используя «Православные догматы богословия», добросовестно переписывает чудеса со «святой водой», «мироточащими нетленными мощами» и говорит, что «у протестантов нет подобного». Действительно нет. И правильно, что нет! Потому что людей надо звать не к останкам брэнного тела, а к живому воскресшему Иисусу Христу, дающему живую воду, текущую в жизнь вечную (Иоан. 4, 14). Какой толк от того, что паломники напились «святой водицы», надышались ароматами «мироточащих мощей»? Спроси их: «Вы имеете спасение?» - они или пожмут плечами, или отрицательно покачают головой, или ответят: «А Бог знает». Да Бог-то знает, а почему же называющие себя христианами этого не знают? (Впрочем, русские православные чаще называют себя крестьянами, а не христианами, крестьяне — от слова «крест»). Наверное, потому, что за жизнью надо идти к Живому, к Тому, Кто сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14, 6). Уже две тысячи лет назад Христос совершил спасение и провозгласил: «Я есмь воскресение и жизнь! Верующий в Меня, если и умрет -оживет! Верующий в Меня имеет жизнь вечную! Верующий в Меня на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь!» (Иоан. 5, 24; 6, 47; 11, 25).

Мы не разделяем мнение кальвинистов, что спасение невозможно потерять, но уверенность в спасении у христианина непременно должна быть, и ее дает Дух Святой. «Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий. А если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 16—17). Зачем обвинять в самоуверенности имеющих в сердце такого Свидетеля?! Очень жаль тех, кто всю жизнь искал спасения, а Свидетеля в сердце так и не впустил! «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Неужели ты сам, Сергей, не имел в сердце этого Свидетеля — Духа Святого? А если имел, почему же Он ушел из твоего сердца? Давид в 50-м псалме обращается к Господу: «Возврати мне радость спасения Твоего... Жертва Богу дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже». Может быть, с этого нужно начать диалог, дорогой Сергей?! Да будут желанными для тебя слова Апостола: «Я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день» (2 Тим. 1, 12)!

Трагизм людей, постоянно ищущих спасения, постоянно молящихся всем угодникам, очевиден. Они напоминают больного, который упорно ходит к врачу, пьет лекарства, тратит деньги, последние силы и дни жизни, хотя врач даже не обещает его вылечить. В лучшем случае, он обещает походатайствовать о получении хорошего места на кладбище.

Во времена выдающегося проповедника Евангелия Франциска Ассизского (1182—1226) один из римских пап никак не мог умереть. Его что-то терзало, он страшно мучился. К нему позвали Франциска. Римский папа лежал на одре и был укрыт позолоченным покрывалом. Франциск сдернул с него дорогое покрывало, набросил свой плащ и сказал: «Оденься им и представь себе, что ты не римский папа, а простой грешник».

Ч. Сперджен произнес тысячи проповедей. В старости его попросили составить краткий символ веры (катехизис). «Вот мой символ веры,— сказал он,— Христос умер за меня, грешника!»

Христос, живой Христос, так нужен всем! Его евангельские строфы Людей ведут сначала в Вифлеем, Из Вифлеема - на Голгофу.

Уверенность в спасении — это не самоуверенность, а глубокая вера не только в Бога и в Иисуса Христа, но и в Евангелие, в то, что Бог в Иисусе Христе любит меня, грешника, и умер за меня. В первой проповеди Иисус призывал: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк. 1, 15). Вера в Евангелие — это вера в милосердие Божье. Эта вера позволила Апостолу Павлу, «который прежде был гонитель церкви и хулитель, но помилован потому, что это делал в неведении», торжественно заявить: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38—39).

Дорогой читатель, может быть, ты тоже заблудился в дремучем лесу преданий? Воззови прямо к Иисусу, без посредников. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Д. Ап. 4, 12). Иди к Иисусу, к Его свету, попроси прощение за все грехи и верь, что Христос не перестал тебя любить. Его любовь вечна. «Любовью вечною Я возлюбил тебя,— говорит Господь,— и потому простер к тебе благоволение» (Иер. 31, 3). Если ты с искренним желанием покаешься и решишься всю жизнь посвятить Иисусу, то знай, что прощение тебе гарантировано. С искренним Бог поступает искренно (Пс. 17, 26). Кровь Христа при покаянии очищает сердце от всех грехов, и тогда в него вселяется Дух Святой, Свидетель спасения. Чистым сердцем ты увидишь Бога в евангельском свете и никогда не захочешь уйти от этого света в топь сомнительных преданий.

Об иконопочитании

В этой главе С. Кобзарь соглашается, что «иконы являются наибольшим камнем преткновения в православии». В иконопочитании протестанты усматривают три греха:

- 1.Нарушение запрета делать изображения (Исх. 20, 4).
- 2.Идолопоклонство (Исх. 20, 5).
- 3.Молитву, обращенную к умершим (спиритизм) (Лев. 19, 31; 20, 27; Втор. 18,10-12).

Защиту иконопочитания Сергей начинает с вопроса: «Неужели за две тысячи лет лучшие умы, лучшие богословы, всматриваясь в православие, не заметили этих отступлений от Священного Писания?» На наш взгляд, неверна сама постановка вопроса. Во-первых, нельзя считать, что «лучшие умы, лучшие богословы» были только в православии. Во-вторых, если даже принять эту точку зрения то, как говорит чешский педагог-дидакт Ян Амос Коменский, «даже великие люди в чем-то могли ошибаться».

Ни один больной не решится принять лекарство с такой рекомендацией: может быть, выживете, но скорей всего умрете. Притом у Бога нет этого «может быть». Запрет Бога категоричен: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь... дабы вы... не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину» (Втор. 4, 15-16). С другой стороны, даже если православные уверены, что иконопочитание не грех, то все равно оно должно быть оставлено, так как служит соблазном для ищущих истину. Апостол Павел поучает коринфян: «Если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (1 Кор. 8, 13).

Здесь же мы рассуждаем о гораздо большем, чем пища,— о поклонении Богу. Как просто, казалось бы, можно решить вопрос иконопоклонения: Бог этого не требует, даже запрещает, брат соблазнится — буду поклоняться «в духе и истине» (Иоан. 4, 24). Но нет, православные так не делают, они начинают выискивать оправдания своим деяниям в апокрифах, преданиях, даже Библию пытаются приспособить к своим выводам, находя в ней такие места: на крышке ковчега завета были изваяны херувимы, на завесе, отделяющей Святое Святых в скинии также были вытканы херувимы, на стенах храма Соломона были изображения херувимов, пальмовых деревьев и распускающихся цветов. Конечно, были, но ведь ни одному израильянину никогда в голову не приходила мысль, чтобы поклоняться этим изображениям и прикладывать к ним свои уста, так как запрет Бога был крайне категоричен: «Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель» (Исх. 20, 5). Православные не себя стараются подстроить под Библию, а, напротив, Библию пытаются подстроить под предания, литургии, акафисты и другие атрибуты своего служения.

Мне один настройщик фортепиано рассказал уникальный случай из своей практики. Тенор-дилетант никак не мог взять своим голосом верхнее «ля», но ему очень хотелось подражать великим итальянским певцам. Вызвав настройщика, он спел свое фальшивое «ля», указал на рояль и тоном, не допускающим возражений, сказал: «Рояль настройте под мое „ля“!»

Если между мной и Богом встает какой-то предмет, которому я поклоняюсь, то этот предмет становится кумиром. «Не делай себе кумира» — вот Божий запрет (Исх. 20, 4). Оправдывать иконопоклонение тем, что Моисей велел сделать изваяние медного змея, и змей был прообразом Христа, как пытается сделать С. Кобзарь на двадцать девятой странице, безосновательно. Давайте вдумчиво прочитаем это место: «И сказал Господь Моисею: „Сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него¹, останется жив“. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Числ. 21, 8—9). Скажите, где же здесь поклонение? Его нет, и не могло быть! В то же время, когда израильтяне стали поклоняться медному змею, то он уже стал идолом и подлежал истреблению. Прочтем, как это сделал царь Езекия: «Он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей,— потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (4 Цар. 18, 4). Не превратились ли иконы в предмет поклонения, не стали ли они кумиром, перед которым кадят и ставят свечи? Да, стали.

Защищая иконопочитание, С. Кобзарь на двадцать восьмой странице помещает изображение Апостола Петра, высеченное на стене одной из римских катакомб. Всем ясно, что это работа профессионального ваятеля не первых веков. Как Киево-Печерскую лавру сделали доступной для многочисленных туристов и почитателей мощей монахов-затворников, так, тем более, катакомбы впоследствии стали местом постоянных посещений. В память о пастыре Христовом, а, скорее всего, с целью утвердить престол римского папы как заместителя Апостола Петра и был сделан этот барельеф.

Заодно отметим, что на тридцать пятой странице С. Кобзарь помещает образ Иисуса Христа из римских катакомб. Если кто имеет книгу С. Кобзаря, о которой идет рассуждение, то посмотрите на восстановленный образ Христа с Туринской плащаницы (о ней речь пойдет позднее) и сравните с изображением на тридцать пятой странице. Абсолютно ничего общего нет! Так каков же настоящий образ? Никто вам этого не скажет, а опять поведут вас в глубь преданий, повествующих, что якобы царь Авгарь послал художника, чтобы он нарисовал образ Христа. У художника ничего не получалось. Христос, по преданию, попросил у него полотенце, утерся, и на нем остался «нерукотворенный образ». Но почему же столько разных образов одного лица? Да потому, что картины последующих веков — это индивидуальный вымысел художников. Кто как хотел, тот так и писал. Нужно бы внять словам Апостола Павла: «Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем» (2 Кор. 5, 16).

Когда Апостол Иоанн на острове Патмос увидел прославленного Христа, то «пал к ногам Его, как мертвый» (Откр. 1, 17). Как велика разница между земным и небесным! Зачем же тщиться изобразить «от начала Сущего?» (Иоан. 8, 25; Кол. 1, 15—17). Рождество Иисуса Христа

— это праздник условный в том плане, что Христос — Единородный Божий Сын. По сути, мы празднуем не рождество, а воплощение Иисуса. «Бог явился во плоти» (1 Тим. 3, 16). Если и пытается кто-то изобразить Иисуса, то это будет плоть от Марии, а не Дух Отца Небесного. А что говорить тогда об иконах Марии, Ангелов и многих угодников? Если бы рисунки остались только рисунками, то это не вызвало бы столько разногласий и трагедий в христианстве. Мы же смотрим детскую Библию, картины великих художников, фотографии, но они не являются для нас кумиром. Иконы же стали предметом поклонения — кумиром. Это - грех!

Как возникли иконы? Когда Константин сделал христианство государственной религией, то многие языческие храмы были отданы христианам. Все идолы были выброшены, храмы стали пустыми, и люди, которые, по сути, были еще язычниками, перестали посещать храмы. Им нужен был видимый Бог. Заметим, что фрагменты (отдельные части) Священного Писания, написанные на дорогостоящем пергаменте, были величайшей редкостью, да и люди в большинстве своем были неграмотными. Народу трудно было понять суть истинной веры в Бога. Тогда в храмах, как символы, стали помещать отдельные изображения (голубь, виноградная лоза, пастырь с овцами), потом, чтобы евангельские события запечатлевались ярче, на стенах храмов стали рисовать сцены из Библии. Если кого-то посещал Дух Святой, даруя спасение через покаяние, то таковые в умилении иногда целовали картины, через которые им открылся смысл Священного Писания. Дети обращенных стали возводить действия родителей в обычай. Со временем картины стали помещать в рамки. Портреты Христа, Марии, Апостолов, угодников, обрамленные красивыми рамками, постепенно стали кумирами, так как почесть воздавалась уже не первообразу, а самому образу (иконе). Кто-то видел в иконопоклонении опасность, кто-то поощрял. Возникло разномыслие, а потом — разделение.

К VIII веку отход от первохристианства выразился в следующем: возвышение личности епископа, выделение духовенства в особое сословие (клир), постепенный переход к крещению младенцев, вытеснение проповеди пышными церемониями, возникновение поклонения деде Марии и угодникам Божиим, рост различия между западным и восточным христианством. В VIII веке весьма значительным событием в христианстве было иконоборчество. Оно возникло в Византийской империи. Видные деятели первых веков христианства: Тертуллиан, Ориген, Климент Александрийский — отмечали, что хотя у христиан были некоторые изображения, но они не являлись предметом поклонения. Лишь с IV века в христианстве появилось поклонение священным предметам. Стали поклоняться и мощам, то есть останкам христианских подвижников, которые в песчаной почве катакомб не гнивали, а высыхали и превращались в мумии. Духовенство уверяло, что гниения не происходило по причине особой святости этих тел. В иконопочитании особенно усердствовали христиане Восточной церкви. Арабы, воспринявшие учение Магомета и отторгнувшие от Византии Египет, Сирию, Палестину, в иконопоклонении видели прямое идолопоклонство. Иконопочитатели, вставая перед иконами на колени и целуя их, давали повод к такому обвинению. Видные мусульманские деятели, не видя никакой разницы между христианами и язычниками, стали призывать к тому, чтобы и к христианам применялись такие же жестокие законы, как к язычникам.

В 717 году на византийский престол взошел император Лев III. Его армия отразила натиск арабов. Укрепив границы Византии, он занялся внутренними реформами. На шестом году правления им был издан указ об обращении евреев в христианство. Хотя евреи подчинились этому указу, но в душе оставались приверженцами иудейской религии. Лев III понимал, что в вопросе иконопоклонения христиане впали в крайность. Это дало повод мусульманам объявить священную войну против идолопоклонства. Вняв совету некоторых епископов, говоривших ему, что иконопоклонение создает трудности в обращении иудеев и мусульман в христианство, он издал эдикт (указ), в котором повелевал иконы в храмах помещать так высоко, чтобы их нельзя было целовать. Ошибкой императора было то, что он действовал не силой убеждения, а указами. Нужно было возродить первохристианство, где глубокие проповеди о Христе были центром всех богослужений. В ответ на возмущение иконопоклонников Лев III издал второй эдикт: приказал иконы вообще убрать из храмов. Изъятие икон совершалось в самой грубой форме. Чиновники не просвещали народ, а оскорбляли религиозные чувства верующих. Иконопоклонники нападали

на солдат и офицеров, уничтожавших иконы. В Константинополе была особо чтимая икона Спасителя, называемая «Верное убежище». Когда один офицер поднялся по лестнице к иконе и начал рубить ее топором, толпа с диким воплем бросилась на него и разорвала на части. Император немедленно выслал войска, все схваченные на месте происшествия были истреблены. Волнение распространилось по всей империи.

Лев III пытался оказать давление и на римского папу. Второй эдикт должен был быть приведен в исполнение и в итальянских провинциях государства. Папа Григорий II отказался выполнять указ и послал императору необыкновенно дерзкое письмо: «Целых десять счастливых лет ощущали мы ежегодное утешение от твоих царских писем, которые ты писал собственной рукой красными чернилами; они были священными залогами твоей принадлежности к ортодоксальному вероисповеданию твоих отцов. Какая достойная сожаления перемена! Как страшен соблазн! Ты обвиняешь католиков в идолопоклонстве и выдаешь своей жалобой собственное нечестие и незнание. Это незнание принуждает нас к грубости формы нашего письма и наших доказательств. Первые элементы святого послания достаточны для твоего посрамления. И когда ты войдешь в латинскую школу и захочешь объявить себя врагом нашего богочитания, то наши простые благочестивые дети забросают голову твою своими письменными досками... Ты нападаешь на нас,— продолжает папа,— о тиран, с грубой военной силой... Ты объявляешь в безумной дерзости: я хочу послать мои приказы в Рим, я хочу порвать изображение святого Петра на куски... Разве ты не знаешь, что папы объединяют, служат посредниками мира между Востоком и Западом? Глаза народов обращены к нашему смирению, и они почитают, как Бога на земле, Апостола Петра, изображение которого ты угрозишь уничтожить».

Далее папа, обнаруживая свое незнание Библии, сравнивает Льва III с «нечестивым Озой, который,— как он говорит,— безбожным образом взял медного змея, поставленного Моисеем, и разбил на куски». К поразительному незнанию папой Слова Божьего можно было бы как-то снизить. Оза никакого отношения к медному змею не имел. Он желал поддержать ковчег, на что не имел права (1 Пар. 13, 10). Но это незнание перечеркивает Божью оценку действий благочестивого царя Езекии, который сокрушил Нехуштана (медного змея). Божье определение было таким: «И прилепился он [Езекия] к Господу и не отступал от Него, и соблюдал заповеди Его, какие заповедал Господь Моисею. И был Господь с ним: везде, куда бы он ни ходил, поступал он благоразумно». (4 Цар. 18, 6-7).

Иоанн Златоуст пишет: «От незнания Священного Писания происходят ереси и превратная жизнь». Вот почему официальная церковь так далеко отступила от первохристианства. Один, Лев III, не зная Священного Писания, хочет истину защитить грубой силой, другой, папа Григорий II, обнаруживая еще большее невежество, перепутав имена и действия Озы и Езекии, искажает Божьи определения. Вот к чему приводит замена живой проповеди обрядовой формой служения. В трудах Иоанна Златоуста мы находим проповеди по всем книгам Священного Писания (кроме Откровения Иоанна Богослова, об этом разговор пойдет позднее). За это Иоанн Хри-зостом (настоящее имя Златоуста) и назван Златоустом. Все его поучения начинаются одинаковым бесподобным эпиграфом: «Слава Богу за все! Аминь». Хоть и есть у Златоуста незначительные расхождения с догматикой первохристианской церкви, но его наследие вошло на все века в духовную сокровищницу всего христианства, а не только православной церкви.

Делая небольшое отступление, позволю себе вспомнить высказывание священника селения Кошкадены (Молдова), готовящегося к посвящению в епископы. Он бесцеремонно вторгся в наше евангелизационное богослужение, которое мы с христианским камерным ансамблем проводили в актовом зале средней школы. Вызвав нас на диспут, прижимая Библию к груди, он апеллировал к преданиям и защищал догматы православия. Когда ему было предложено местами из Священного Писания подтвердить свои высказывания, он ответил: «Я не фанатик, чтобы знать Библию наизусть». Думаю, здесь комментарии излишни.

Вернемся к нашему рассуждению об иконопочитании и иконоборчестве! Одним из ревностных защитников культа икон был Иоанн Дамаскин. Его отец был первым министром дамасского халифа Абдалмелеха. Иоанн, воспитанный пленным монахом, после смерти отца

занял его пост. Лев III, узнав о ревностной деятельности Иоанна в защите иконопочитания, поручил одному из своих чиновников изучить его почерк. Этим почерком было написано письмо якобы от Иоанна Дамаскина Льву III, в котором он обещал предать Византии Дамаск. Это сфабрикованное письмо Лев III отослал дамасскому халифу. Иоанн был арестован, но вскоре халиф понял, что он невиновен, и отпустил его. Такие нехристианские методы борьбы с отступлениями, конечно, только вредили утверждению истины.

Думаю, что читателю будет интересно знать мнение иконопочитателя VIII века об иконах. «Я почитаю,— пишет Иоанн Дамаскин,— не вещество, а Творца вещества, который сделался для меня вещественным, чтобы посредством вещества сделать мое спасение. Иконы поставляются для неученых.»

Вот кому нужны были иконы. Следовательно, знающим Священное Писание они совершенно не нужны. Казалось бы, благая цель породила такое искаженное представление об иконах, которое принесло большой вред всему христианству.

Как дальше развивалась борьба между иконоборцами и иконопочитателями? После Григория II римским папой стал Григорий III. Ревнуя об иконопоклонении, он стал угрожать Льву III отлучением от церкви.

В 741 году почти одновременно умерли император Лев III и римский папа Григорий III. Сын Льва III, Константин V, находясь на византийском престоле 34 года, продолжал вести борьбу с иконопочитателями. Он созвал в Константинополе собор всех византийских епископов. Римский папа отказался принять участие в соборе. Этот собор объявил все изображения, изготовленные в религиозных целях, языческими и идолопоклонническими. Было вынесено такое решение: ни в коем случае не помещать иконы в храмах. Храмы стали украшаться только картинами. Монах Стефан, добившись приема у императора, заявил ему, что грубые действия иконоборцев оскорбляют веру в Иисуса Христа. В доказательство он бросил на пол монету с изображением императора и стал топтать ее ногами. Император пришел в неопишумую ярость и приказал разорвать монаха на части.

Иконоборческую политику продолжал сын императора Константина V, Лев IV. Он пробыл на императорском троне с 755 года по 780 год. Сын Льва IV, Константин VI, был еще малолетним, поэтому правительницей при малолетнем наследнике престола была избрана его мать Ирина, очень жестокая женщина. Она приказала выколоть глаза родному сыну, чтобы сосредоточить всю власть в своих руках. Будучи яркой иконопоклонницей, Ирина начала борьбу с иконоборцами. В 787 году она созвала в городе Никее Вселенский собор, в котором приняли участие епископы Восточной и Западной церквей. Это был последний, VII, Вселенский собор. Римский папа сам лично не присутствовал, но прислал послание, в котором увещевал «исправить незаконные дела их предшественников восстановлением иконопочитания в церквях».

Вот постановление собора: «Иконы, то есть изображения нашего Бога и Спасителя Иисуса Христа, пречистой Матери Божьей, высокочтимых Ангелов и всех святых, должны содержаться как святые воспоминания; должно их почитать и ценить, однако не воздавать им поклонение, которое приличествует одному невидимому, непостижимому Богу». Угрожая иконоборцам и всем, кто будет иметь с ними общение, отлучением от церкви, собор высоко почтил римскую церковь и папу: «Вечная слава православным римлянам, Иоанну Дамаскину! Вечная слава Григорию в Риме!».

Хотя в постановлении собора содержалось упоминание о том, что не следует «воздавать поклонения иконам, которое приличествует одному невидимому, непостижимому Богу», но основная масса рядовых христиан не знала этого. Иконопочитание впоследствии вылилось в прямое идолопоклонство. По православной догматике постановления Семи Вселенских соборов не подлежат критике и считаются священными, но сейчас в большинстве православных храмов России и бывшего СССР в нарушение VII Вселенского собора «невидимый и непостижимый Бог» все же изображен в виде старца с седой бородой. Чтобы никто не сомневался, внизу стоит надпись: Бог Саваоф. Даже Троицу умудрились изобразить как трехликого Бога.

Воздаяние вечной славы римлянам И. Дамаскину и папе Григорию, в то время еще живым и здравствующим, тоже было отступлением от евангельской истины. Получается, что

авторитетом Западной римской церкви и папы Григория было восстановлено иконопочитание, так как предыдущий всевизантийский собор епископов (на него римский папа отказался прибыть) осудил иконопочитание. Но «ничто не вечно под солнцем». Противоречия между Римом и Константинополем будут все более обостряться и достигнут своего апогея в 1054 году, когда произойдет окончательный раскол церкви на римскую — католическую и византийскую — православную, то есть православную. (В дальнейшем повествовании они будут именоваться — Западная и Восточная церкви). Римский папа и константинопольский патриарх взаимно поотлучают друг друга и объявляют еретиками. Вот к какому финалу пришла некогда единая, но отступившая от Бога государственная церковь.

Мы немного вернемся к концу VIII и к началу IX веков, чтобы убедиться, до какого святотатства дошло самовозвышение римского папы, которому очень способствовали епископы и Западной, и Восточной церквей, участники VII Вселенского собора, провозгласив «вечную славу Григорию!».

Иконоборцы стали подвергаться безжалостному гонению. Неполные статистические данные того периода свидетельствуют, что только через потопление приняли смерть около 100 тысяч иконоборцев. Вот так утверждался культ икон!!!

Римские папы теперь не только называли себя наследниками или преемниками Апостола Петра, но и посылали послания от его имени. Приведем текст письма папы Стефана II к королям, в котором он просит защиты от лангобардов, напавших на Рим: «Я, Петр, Апостол, свидетельствую, увещаю и умоляю вас, всехристианнейшие короли Пипин, Карл и Карломан, со всей иерархией, епископами, аббатами, священниками и всеми монахами, а также все судьи, герцоги и графы и весь народ франков. Подобным же образом умоляют, увещевают и повелевают вам Матерь Божия, престолы и господства и все воинство небесное спасти возлюбленный Рим от гнусных лангобардов. Если вы послушаетесь, то обещаю вам я, Петр, Апостол, мое покровительство в этой и будущей жизни. Я приготовлю вам славные жилища на небесах и подарю вам вечную радость в раю. Делайте общее дело с моим народом в Риме, и я поручусь, что вы получите все, о чем бы вы ни попросили. Я заклинаю вас не допустить этот город до растерзания и страдания, чтобы не терзались и не страдали ваши души в аду с дьяволом и его зачумленными ангелами... повинуйтесь и повинуйтесь скорей! И Господь наш Иисус Христос даст вам по моим молитвам в этой жизни долготу дней, безопасность и победу, в будущей жизни умножит над вами Свои благословения среди святых Своих и Ангелов».

Для чего мы приводим текст этого письма? Для того, чтобы показать, в каком чудовищном отступлении была тогда государственная церковь. Вот таким было воспринято христианство Русью в 988 году. Позднее Русь будет именоваться «святой, православной». Так в чем же выражалась святость? Предоставляем серьезному читателю самому поразмышлять над этим вопросом.

Как смотрят на иконы современные православные и старообрядцы? По-разному. Более вдумчивые вполне понимают опасность иконопочитания. Приведу пример из своей жизни. В 1967 году, еще не приняв крещения по вере, я сделал предложение вступить в брак теперешней моей спутнице жизни. Она дала мне обещание, что летом (дело было ранней весной) мы вместе примем крещение по вере в братстве ЕХБ. Ее мать была убежденной старообрядкой. При отсутствии священника она даже исполняла роль наставницы. Еще до вступления в брак она убедила меня поехать к их священнослужителю на беседу. Как сейчас вижу этого мудрого глубокого старца (ему было более восьмидесяти лет). Он начал убеждать меня верить в Бога. Я сказал, что убеждать меня не нужно, так как я готовлюсь принять крещение по вере. В свою очередь я задал ему вопрос: «Достаточно ли Библии, чтобы постичь истинную веру в Бога?» — «Вполне». — был его ответ. «А если есть только Новый Завет?» — «И его достаточно», — сказал он. «Так для чего же все эти иконы (я показал на иконостас), если они не нужны для спасения и во всей Библии нет ни одного намека на иконопоклонение?» — снова спросил я. Моя будущая теща напряглась, как струна, ожидая веских аргументов в защиту иконопоклонения. Но вдруг, после долгой паузы, этот старец, внимательно посмотрев мне в глаза, сказал: «Дорогой мой, да я им тысячу раз говорил, чтобы не впивались глазами в икону, а смотрели дальше и выше, дальше

и выше...» Конечно, моя будущая теща была таким ответом просто обескуражена. Забегая вперед, хочу сказать, что после долгих колебаний и сравнительного изучения Библии на русском и славянском языках моя теща в 1973 году приняла крещение по вере в братстве СЦ ЕХБ, которое в то время испытывало сильные гонения со стороны атеистической власти. В 1980 году, видя, что ее дочь остается с семьей малыми детьми (старшему сыну было всего 12 лет) и ожидает восьмого, она, преодолевая боль (была больна онкологической болезнью), укараулила «воронок», который увозил меня из КПЗ в тюрьму, и, передав последнюю передачу, безропотно благословила меня на путь страданий за истину Христову.

Теща моего старшего брата по православному обычаю тоже была ревностной почитательницей икон. Как известно, простые верующие в православии очень слабо знают Священное Писание. Поняв, что Бог запрещает кланяться иконам, она искренне заявила: «Да для меня икона - как фотография. Вот сын мой служит в армии, а я гляжу на его фотографию и вспоминаю о нем». — «А если родной сын вернулся домой, стоит рядом и ждет материнского объятия, а мать на него и не смотрит, увлекшись фотографией?..» Да, поистине Иисус исполнил обетования, умолил Отца, и Он послал Духа Святого, о Котором сказано: «Он с вами пребывает и в вас будет» (Иоан. 14, 17). Только не принявшие Духа Святого будут увлекаться «фотографией», а принявшие — в «фотографиях» не нуждаются, но наслаждаются общением с Ним Самим.

Летом 2002 года к нам в дом молитвы пришел уже седеющий человек. Он откровенно просил оказать ему помощь, так как ушел из монастыря в Краснодарском крае и добирался в родное селение Черкасской области. Паспорт ему не отдали, он ушел тайком. В монастыре, будучи талантливым художником, он занимался иконописью. Родная сестра, искренне уверовав в Иисуса Христа и приняв крещение по вере, передала ему Новый Завет. «Прочитав Евангелие, я понял,— рассказывал наш посетитель,— что на моем искусстве живописи кто-то сильно наживается, а я умножаю грех. Православное учение «от образа — к первообразу» совсем забыто. Притом, если бы речь шла только о Христе, то Первообразу можно поклониться, а если там целая серия угодников? Им же нельзя кланяться. Но дело обстоит еще сложнее: почитается не образ, а сама икона. У Божьей матери, например, столько икон, что трудно все перечислить. Поклонение воздается не Марии, матери Иисуса, а каждой из ее многочисленных икон. Икона стала прямым кумиром. Поняв это, я решил немедленно уйти из монастыря. Настоятель отказался отдать мне паспорт. Мне пришлось уйти тайно» — так закончил он свой рассказ.

На примере борьбы иконопочитателей и иконоборцев читатель может сделать правильный вывод: истинный путь церкви — путь евангельский. Здесь будет уместно привести размышления вдумчивого рядового православного после прочтения Библии:

«Было непонятно многое. Например, читая Священное Писание, я много раз встречал категорические запрещения делать изображения для религиозного поклонения. Воздавать религиозное поклонение повелевалось Тому, Кто сотворил человека, то есть Богу. Если человек должен молиться и поклоняться Богу невидимому и неизобразимому, то зачем существуют иконы? Вскоре я с ужасом заметил, что Бога тоже изобразили в виде пожилого человека с седыми волосами и бородой. Сомнений быть не могло, потому что возле изображения была надпись „Бог“ или „Господь Саваоф“. Подобные изображения есть почти во всех храмах. Из Священного Писания я знал, что изображение Бога — это идол, поклоняющиеся ему или делающие подобные изображения — идолопоклонники, а место, где есть идол, называется капищем. Если же идол появляется в храме Божьем, то это называется в Священном Писании «мерзость запустения на святом месте» (Матф. 24, 15; Дан. 9, 27). (Горохов М. Г. Книга насущных вопросов о православной вере. М., 1998, с. 15).

Параллельно с этими рассуждениями рассмотрим аргументы, приведенные в защиту иконопочитания православным диаконом Андреем Кураевым в книге «Протестантам о православии». (М., 1997).

На семьдесят восьмой странице он пишет: «Православное богословие иконы начинается с запрета на изображение — но лишь начинается, а не кончается... В этом православии достаточно существенно отличается от католической церкви, которая просто исключила заповедь «не делай

себе кумира» из своих катехизисов, и, чтобы сохранить число десять в Моисеевых установлениях, разделила десятую заповедь надвое, сделав из нее две отдельные заповеди».

Признавая, что в Исх. 20, 4 и Втор. 4: 15—18, 23 Бог категорически запрещает делать кумиры и изображения и поклоняться им, Кураев предлагает православным странный способ защиты от нападения протестантов. Он пишет: «Если к вам подойдет протестант и спросит: „Как вы смеете делать иконы, если в Библии это запрещено?!“, — тихим, но твердым голосом попросите его предъявить документы. Попросите раскрыть документ на той странице, где находится фотография. Уточните затем, мужчина он или женщина. И затем напомните ему текст из Втор. 4, 16: „Не делай изображений... представляющих мужчину или женщину“. Итак, если понимать этот текст буквально, то протестанты сами окажутся нарушителями этого библейского установления. Утешить их можно только одним: указанием на то, что Сам Господь был „нарушителем“ ригористичности Своей заповеди. Он сказал, что нельзя делать изображение гада — и Он же повелел излить медного змея (Числ. 21, 8—9); нельзя изображать животных — и вдруг Иезекииль видит небесный храм, в котором есть резные изображения херувимов с человеческими и львиными лицами (Иез. 41, 17—19). Нельзя изображать птицу — и от Бога же исходит повеление излить херувимов с крыльями, то есть в птичьем облике» (с. 100,103).

Уважаемый Андрей (простите, что не знаю отчества!), в своей книге вы упоминаете, что проделали путь от «студента кафедры научного атеизма МГУ до студента духовной семинарии» (с. 229). Далее, вы называете коллегой по кафедре философии религии МГУ профессора И. Я. Кантерова (с. 231). Заявка на уважительное отношение к вам, прямо скажем, колоссальная, но логика ваша, если так можно выразиться, не логична. Да это и не логика, а, скорее, софистика, к которой вы прибегаете, желая во что бы то ни стало защитить иконопочтение. Уж не думаете ли вы, что примитивный довод с предъявлением документов по апологетическому размаху достоин сравниться с творениями Тертуллиана и Оригена? Неужели он сможет смутить водимого Духом Святым истинного почитателя библейских истин? Неужели вы думаете, что протестант не поймет, что у вас хаотически перепуталось Божье с кесаревым, духовное с плотским, церковное с гражданским, экклесивное с мирским? Притом, утверждать, что «Господь был „нарушителем“ ригористичности Своей заповеди», не только бесполезно, но и опасно. Бог не для поклонения велел Моисею сделать медного змея. Все изображения отвратительны для Бога, когда они становятся кумиром, предметом поклонения, идолом. Вы же отлично знаете Божий запрет: «Не служи им и не поклоняйся!» Зачем же вы вводите в заблуждение желающих поклоняться Богу «в духе и истине»? Такую софистическую увертку можно было бы ожидать в былые времена от какого-нибудь лектора общества «Знание», читающего лекцию о религии как пережитке капитализма, но не от богослова, диакона Андрея Кураева. Прочтите, пожалуйста, 4 стих 140-го псалма: «Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных вместе с людьми, делающими беззаконие», и, если у вас есть Божий страх, пересмотрите свои позиции!

На восемьдесят первой странице А. Кураев оправдывает возможность изображения Христа евангельским стихом: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоан. 1, 18).

На все, что записано в Евангелии, мы скажем «да» и «аминь». Но ведь и невоплощенного Бога Саваофа православные умудрились изобразить, как уже было упомянуто, старцем с седой бородой. И если пытаться изобразить Христа, то это будет лишь плоть от плоти через Марию, а Предвечного, Единородного Отцу, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного никто никогда из людей не изобразит. Да этого и не нужно делать, и запрещено Самим Богом. Поэтому Апостол Павел пишет: «А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего. Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем (2 Кор. 5, 15—16). Если нельзя поклоняться изображениям Христа, то поклонение иконам девы Марии и святых угодников в Священном Писании не имеет абсолютно никакого оправдания.

На восемьдесят третьей странице А. Кураев уже примирительным тоном советует: «В качестве первого шага я предложил бы протестантам отнестись к православным, как к детям.

Дети нуждаются в картинках? Ну вот и православные чувствуют себя теплее, спокойнее в окружении священных картин. Если протестантам угодно, пусть они считают православных детьми, „немогущими в вере“, привычки которых надо принимать по завету Апостола Павла „без споров о мнениях“ (Рим. 14, 1). И протестант, обличающий православную старушку в том, что она „кланяется идолам“, по правде, не умнее того, кто вырвал бы из рук ребенка книжку с картинками».

Это уже другой подход к делу. Но ребенок до определенного возраста может увлекаться «книжкой с картинками», а потом ему обязательно надо учиться читать, писать, считать и так далее. Если же книжки с картинками отвлекают его от усвоения необходимой науки, то не лучше ли родителям подумать о том, как от этой «книжки» избавиться. Первое, что мы можем предложить православным,— читать Евангелие, это «чистое словесное молоко», дабы от него возрасти во спасение (1 Петр. 2, 2). Апостол Павел увещевает: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни». (1 Кор. 14, 20). Кроме ласкового увещания Апостола Павла есть и строгое предупреждение Бога через пророка Осию: «Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною; и как ты забыл закон Бога твоего, то и Я забуду детей твоих» (Ос. 4, 6).

Учреждение праздников иконам (именно иконам, а не первообразу) Божьей матери, перед которыми ставят свечи, кадят ладан, отвешивают поклоны, целуя их,— это уже не «книжка с картинками», а, скорее, опасная бритва в руках ребенка.

На восемьдесят пятой странице А. Кураев правильно пишет, что «поклонение» как религиозное «самопосвящение» надо отличать от «поклонения» как «физического выражения почтения».

Но поклонение Корнилия Петру (Д. Ап. 10, 25—26), очевидно, было религиозным, так как Петр не принял такого поклонения. На таком же основании Ангел дважды запретил Иоанну поклониться ему (Откр. 19, 10; 22, 8—9). Физическое выражение почтения может быть, конечно, только живому человеку (физическому лицу), но можно ли назвать поклонение в храме неживому предмету «физическим выражением почтения»? Конечно, нет. Поэтому поклонение иконам — это религиозное, культовое священнодействие, неугодное Богу, Первые христиане за непочтение к статуе императора (отказ возлить вино и поклониться) осуждались на смерть.

На девяносто третьей странице А. Кураев, желая защитить иконопочитание, доходит до наивности. Он пишет: «Нам скажут: Христос нигде не велел писать иконы. Но, во-первых, замечу, что в Евангелии нет и запрета писать изображения Спасителя. Апостольский собор в Иерусалиме, обсуждая вопрос о том, что из израильского религиозного закона должен исполнять нееврей, принявший Новый Завет, оставил в силе лишь три установления: „Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленны, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите“ (Д. Ап. 15, 28—29)».

У поэта А. Савченко есть интересное стихотворное выражение:

Стоит Россия на трех китах:

Авось, небось и как-нибудь.

Да разве можно фундаментальную христианскую догматику строить на «авось»? Раз в решении собора не было запрета на иконы, авось можно делать изображения и поклоняться им — вот как выглядит на деле данный аргумент. Запреты, о которых знали

и пресвитеры Иерусалимской церкви, и, тем более, Апостол Павел, уже были, поэтому не было надобности их повторять, а язычников начинали просвещать с «начатков учения Господня».

В православии есть культ «чудотворных икон». Этого не отрицает и А. Кураев, только он пытается представить дело так, будто это «не вероучительный тезис, а обиходное выражение» (с. 96). Но откуда же это выражение вошло в обиход? Не от священников ли воспринял его простой прихожанин? Почему же тогда ни один священник не запретит своим прихожанам так выражаться?

На девяносто девятой странице А. Кураев, оправдывая свои же доводы, решил, наконец-то, выразиться без софистических зигзагов и пошел, как говорят, напропалую. Он пишет: «Да, практика — критерий истины. Чудотворение через иконы и по заступничеству святых есть факт, многократно и обильно подтвержденный во всей церковной истории».

После этих заверений нам остается только сказать: «Уважаемый диакон Андрей, благодарим за откровенность! Вы себя полностью разоблачили!» Если есть чудотворение через иконы, значит, есть чудотворные иконы. Почитание и поклонение самим иконам — это культ икон, это грубейшее нарушение заповедей Божиих, это создание кумира. Здесь уже забыта православная формула, оправдывающая наличие икон — «от образа к первообразу». Почитается сама икона, а не та личность, которая изображена на иконе. Вот почему знающий Слово Божье и любящий истину никогда не сможет опуститься до поклонения иконам. Эти сотворенные стопроцентные кумиры заслоняют Бога, чрез них не достучишься до Него. Кумир уже овладел сердцем, нужно вырвать его оттуда через искреннее покаяние. Православная догматика обязывает беспрекословно, не критикуя, исполнять решения Семи Вселенских соборов. Поклонение самим иконам — это нарушение постановления VII Вселенского собора, которое гласит: «Иконы должны содержаться как святое воспоминание; должно их почитать и ценить, однако не воздавать им поклонения, которое приличествует одному невидимому Богу».

Для оправдания этого полного отступления от Слова Божьего А. Кураев употребил вроде бы сильный, шокирующий поклонника истины Христовой, аргумент материалистической, безбожной философии: «Практика — критерий истины». Если читатель не разбирается в учениях различных философских школ, то приведенная выше формула для него может быть убедительной. Но тот, кто раньше сам многие годы варился в котле с материалистически-атеистическим соусом, непременно насторожится и постарается раскрыть опасную суть этого выражения искренним, но не посвященным в философскую казуистику, душам. Здесь в Андрее Кураеве, прямо скажем, проснулся «сотрудник кафедры философии религии» или даже «студент кафедры научного атеизма».

Дело в том, что в каждой философской системе есть свои общепринятые выводы. Материалисты, считая, что первичной была материя, а из нее произошел разум, с энтузиазмом воспринимают ленинскую теорию познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике». Таким образом, основой познания и критерием истины в этой философской системе (диалектический материализм) признается практика. Диалектика (учение о развитии, наука о наиболее общих законах развития природы, общества, мышления; первоначальное значение термина — искусство вести спор, беседу) была позаимствована материализмом у Г. Гегеля. Его теория познания включает в себя:

- 1) чувство,
- 2) разум,
- 3) откровение.

Взяв первые две ступени: чувство (созерцание) и разум (абстрактное мышление), материалисты, не признающие Бога и Его откровения, заменили гегелевскую третью ступень практикой, назвав ее «критерием истины». Но этот критерий ошибочен, так как, отрицая Бога, материалисты предоставили возможность практически проверить истинность любой гипотезы (предположения) человеку, то есть дали ему право экспериментировать или применять метод моделирования. Но если вы спросите: ошибается ли человек, то позвольте вам в ответ процитировать В. И. Ленина: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Следовательно, практика в качестве критерия истины не выдерживает критики.

Зачем же, уважаемый диакон Андрей, вы решили Божье измерять фальшивым материалистическим каноном?! Притом вы даже сами и не проверяли всех иконных чудес, а положились на чей-то опыт. Вера в иконные чудеса, утверждающая культ поклонения иконам, не Божья, а просто человеческая вера. Зачем же вы в эти дебри хотите заманить имеющих ясную Божью библейскую веру, которая является основой спасения?

На этом можно было бы закончить анализ материала об иконопочитании из книги А. Кураева, но хочется его поблагодарить еще за одну откровенность. На сотой странице он

приводит очень ценный вывод знаменитого византолога Андрея Грабаря: «С каждым десятилетием от II до VI века умножается число дошедших до нас памятников раннехристианского искусства, а в письменности следов иконопоклонения практически нет. Иногда раздаются голоса иконоборческого содержания (у Климента, Строматы. 6; 16; 377), Евсевия (Послание Константину), Епифания (Панарий. 27; 6; 10) и на Эльвирском соборе). Но нет текстов, объясняющих и предписывающих иконопочитание».

Бесподобное подтверждение того, что Церковь первых веков иконопоклонение не смущало!

Достоинно уважения смелое обращение А. Кураева к православным: «Мне представляется,— пишет он на сто второй странице,— что протестанты не подпадают под анафему VII Вселенского собора. Да, они не почитают изображения и формально к ним можно отнести прещение собора: „Веруя во Единого Бога, в Троице воспеваемого, мы с любовью принимаем честные иконы. Поступающие иначе да будут анафема!“». Но дело в том, что для собора это не был обрядовый спор. Аргументация тех иконоборцев была «христологическая». Их теория предполагала, что человеческая природа Христа настолько растворилась в Божественной Его природе, что изображать Христа уже невозможно. «Чему вы кланяетесь? — выпытывали у иконопочитателей иконоборцы. — Божеству Христову? Но оно - неизобразимо, и, значит, ваши картинки не достигают цели. Или вы кланяетесь Его человечеству — но тогда вы поклоняетесь чему-то, что не есть Бог, и вы, во-первых, язычники, а, во-вторых, несториане, разделяющие Христа на две части». Удивительная, восхитительная логичность и духовность мышления иконоборцев VIII века! А сколько их, как уже отмечалось, было замучено иконопочитателями при жестокой императрице Ирине! Можно частично согласиться и с риторическим выражением А. Кураева на сто шестой странице: «Первым же иконописцем был Сам Бог. Его Сын — „образ ипостаси Его“ (Евр. 1, 3). Бог же создал человека как свой образ в мире (в греческом тексте — как икону)».

Ваша искренность, Андрей, очень импонирует. Уж если риторически требуется назвать Бога «иконописцем», то против этого можно бы и не возражать, но ведь этот «Иконописец» (с большой буквы) разрешил поклоняться только Сыну, потому что Он — «Бог, явившийся во плоти» (1 Тим. 3, 16), но не человеку, утратившему богоподобие, а иногда и дошедшему до поношения своего Творца.

Позвольте напомнить повествование одного из древнегреческих мифов о том, как изваянная скульптором прекрасная статуя ожила и, указав на своего творца, сказала: «Какое ничтожество!». Если бы этот миф был реальностью, то, нетрудно догадаться, что сделал бы творец со своим творением.

Бог в Библии назван Ревнителем. А. Кураев пишет: «И природа может быть посредником в религиозном становлении человека, когда своей красотой и величием исторгает из его сердца молитву к Создателю». Поистине так, только нам необходимо помнить, что и природе поклоняться Бог тоже запретил. Вот Его заповедь: «Дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом» (Втор. 4, 19).

Как прекрасно вопрос отношения к природе разрешен у Августина Блаженного в «Исповеди»! Он пишет: «Я спросил луну: „Ты — Бог?“ Она ответила: „Нет. Смотри выше“. Я спросил солнце: „Ты — Бог?“ Оно ответило: „Нет. Смотри выше“. Я спросил звезды: „Вы - Бог?“ Они ответили: „Нет“. И вдруг все вместе хором воскликнули: „Он сотворил нас!“».

В какой-то мере можно согласиться еще с одним риторическим выражением А. Кураева, что «Библия тоже есть икона» (с. 105), но только на том основании, если иметь в виду, что «Слово было Бог» (Иоан. 1, 1).

Раздел об иконопочитании А. Кураев заканчивает такими словами: «Можно быть христианином и жить по Евангелию, не имея живописных изображений (православные, молясь в лагерных бараках, где не было икон Христа, не переставали быть православными). Но с главной заповедью Евангелия — заповедью любви — трудно совместима практика обвинений других христиан в язычестве только за то, что они иным путем выражают свое благоговение пред Тем

же единым Господом» (с. 107).

Думаю, что это высказывание можно только утвердить словами Апостола Павла: «Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1 Тим. 1, 5). , Проповедник Евангелия только тогда ценен в очах Божьих, когда любит людей, любит грешников, приближаясь в своих деяниях хоть на йоту к Иисусу Христу. Эта любовь — не греховно-чувственный эрос, не филантропия, переходящая порой в односторонний гуманизм, а та «любовь Духа» (Рим. 15, 30), Агапе, цель которой — спасение души грешника. Такую любовь может иметь только рожденный от Духа Святого (и от воды — Слова Божьего), рожденный свыше. Эта любовь — главная неотъемлемая часть плода Духа Святого (Гал. 5,22—23). Такая любовь неотделима от истины, она побуждает, хоть и со слезами, но обличить согрешающего. Апостол Петр дает такое наставление: «Послушанием истине чрез Духа очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (1 Петр. 1, 22).

Поэтому, диакон Андрей, дело не в «обвинении кого-то в язычестве», как вы пишете, а в «послушании истине». Я бы очень желал, чтобы вы поверили, что именно такой любовью истинные благовестники Евангелия любят православных христиан. Хочу признаться, что я тоже очень люблю свой народ, простой, искренний, добрый, но обманутый атеизмом и ветрами учений, чуждых Слову Божьему. Будучи почти девять лет лишенным свободы за проповедь Евангелия, я молился, чтобы Бог подарил возможность свободно проповедовать об Иисусе Христе нашему народу. Желание моего сердца — быть со своим народом. Я сознаю, что преклоняться перед западным протестантизмом опасно, но не менее опасно уклониться в славянофильство и тем более в панславизм, который , приводит к откровенному национализму, одетому в наряд патриотизма. Некоторые и поощряют православие лишь для того, чтобы возбудить патриотическое чувство в народе. Но истинный христианин далек от лицепрятия. Он любит всех людей, желая всем спасения в Иисусе Христе. Он — убежденный пацифист. Вы, Андрей, вместе с С. Кобзарем положительно отзываясь о Владимире Сергеевиче Соловьеве. Приклоните же ухо к его совету. Его «Повесть об антихристе» заставляет глубоко задуматься об истинном богопоклонении. Он повествует, что антихристом обольщены и католики, и протестанты, но что же происходит с православными? Антихрист признает, что для православных «всего дороже в христианстве священное предание, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения», и потому он намерен учредить в Константинополе «всемирный музей христианской археологии, с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности».

«Вслед за этим большинство православных иерархов, священников, монахов и мирян переходят на его сторону.»

Верными останутся лишь те, кто заявили, что „для нас в христианстве всего дороже Сам Христос“. Церковь, по В. С. Соловьеву,— это собор, собрание верующих из всех церковных групп; верующих во Христа, Им искупленных, любящих Его, исповедующих Его ценой страданий, даже до смерти мученической» (Марцинковский В. Ф. Соловьев и Евангелие, с. 52—55).

По В. С. Соловьеву, есть три вида христианства: храмовое, бытовое и вселенское. Храм привлекателен. Находясь в нем, человек смиряется, осознавая величие Бога, но вне храма он живет той же мирской греховной жизнью. В бытовом христианстве заветы Христовы приняты к исполнению. Они вписаны в быт, ими люди стараются руководствоваться во всех поступках. Вселенское христианство — это желание христиан приблизить пришествие Иисуса Христа, чтобы Царствие Божие было и на земле, как на небе. Но оно придет только после исполнения слов Христа: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Матф. 24, 14).

Вернемся к книге С. Кобзаря. На тридцать первой странице он восторженно отзываясь о Туринской плащанице. Со своей стороны, мы можем только сказать, что споры о ней до сих пор не утихли. Может быть, на ней отображен распятый Христос, а может быть, и нет. Для нас же достаточно свидетельств евангелистов и, как уже было отмечено, строить догматику на «может быть» и «авось» мы не намерены. Как видите, глава об иконопочитании заняла много страниц, потому что в этом вопросе раскрывается одно из основных противоречий между православием и

протестантизмом.

О молитвенном общении земной и небесной церкви

На тридцать пятой странице С. Кобзарь задает вопрос: «Можно ли молиться святым и Ангелам? — и поясняет: — Молитва — это благоговейная мысль всякого разумного существа, направленная к горнему миру, будь то к Богу, Ангелам или усопшим святым».

Никто не будет оспаривать, что в молитве мы поклоняемся Богу. Молитвенное поклонение — высшая степень священнодействия, поэтому Бог запрещает поклоняться кому-либо, кроме Него (Исх. 20, 4; Втор. 4: 15—18, 23). Иисус не запретил ни прокаженному, ни исцелившемуся слепому поклониться Ему, потому что Христос — воплощенный Бог (1 Тим. 3, 16).

А вот Апостол Петр не разрешил Корнилию «поклониться, падши к ногам» (Д. Ап. 10, 25—26), потому что знал о строгом запрете Бога поклоняться кому-либо, кроме Него. Этот запрет знают и Ангелы: Ангел дважды запретил Иоанну поклониться ему (Откр. 19,10; 22, 8—9). Жаль, конечно, что православным в храме вообще не читают Откровение Иоанна, может тогда они перестали бы святотатствовать. Запрещает Бог поклоняться и луне, и солнцу, и звездам, и всякому воинству небесному (Втор. 4, 19). После всех этих запретов как только можно додуматься молиться умершим?! Это и бесполезно, и греховно. Правда, на тридцать пятой странице С. Кобзарь пытается провести грань между спиритизмом (вызыванием мертвых) и молитвой к святым.

«Спиритизм,— пишет он,— это когда человек с помощью бесовских сил вызывает душу умершего». Далее он делает такое заключение: «Спиритизм есть бесообщение. Молитва святым — это, конечно же, не бесообщение». Ни логической аргументации, ни подкрепления выводов Словом Божиим мы не находим. Зачем только, Сергей, ты предлагаешь людям попытку пройти по лезвию бритвы? Библия однозначно утверждает: «Не должен находиться у тебя... вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых» (Втор. 18, 10—11). Мы видим, что и вызывающий, и вопрошающий мертвых принадлежат к категории чародеев, а участь чародеев — озеро огненное (Откр. 21, 8). В огненном озере людям будет уже поздно разбираться, бесообщение было у них или нечто иное. Лучше при жизни внять библейским запретам и ограждать себя от возможности быть там, где будут диавол, зверь и лжепророк.

Если нельзя молиться умершим, то, может быть, можно за них молиться? В 48-м псалме мы читаем: «Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» (ст. 8). В повествовании о богаче и Лазаре сказано, что между праведниками и грешниками учреждена великая пропасть, через которую перехода уже нет (Лук. 16, 26). Апостол Павел пишет: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 7—8).

Каноническая Библия не дает права молиться за умерших. Панихиды, сорокоусты, поминовения годовые, на сороковой и девятый день, мытарства душ — хитрое искусство оболъщения людей, не знающих Священного Писания. Мало того, что за все это люди платят деньги, но самое страшное во всем этом, что непросвещенные светом Слова Божьего часто уходят из жизни без покаяния, успокоенные ложной надеждой, что кто-то замолит их грехи.

На двести пятьдесят девятой странице А. Кураев признается, что «православное богословие немало взяло за последние века у католического». По сути, платные молитвы за умерших — это трансформированное католическое учение о чистилище и индульгенции в кредит.

Однажды я спросил православного священника: «Вы действительно при отпевании покойника имеете право отпускать грехи, когда произносите: „Отпускаются грехи рабу Божьему“?» Он посмотрел на меня, чуть смутился и тихо ответил: «А знаете, как я стал немного добавлять в этом месте?» — «Нет, не знаю». — «Я начинаю: „Отпускаются грехи рабу Божьему,— а потом быстро и негромко, чтобы никто не успел разобрать, добавляю,— за которые он попросил прощение“». Какой вдумчивый священник! Мне пришлось даже похвалить его. Но я еще задал ему вопрос: «А если он попросил прощение за грехи у Бога, то что их отпускать? Они

уже прощены...» — «Так уж у нас принято»,— ответил он.

Да, хотя и кладут в православии покойнику на лоб «пропуск в царство небесное» и покрывают дорогой накидкой, ничто не поможет, если душа ушла в вечность без покаяния. «Если не покаетесь, все так же погибнете»,— сказал Христос дважды (Лук. 13: 3, 5). На покрывале для усопшего написаны слова из Никейского символа веры: «Чаю воскресения мертвых». Но ведь будет два воскресения: первое воскресение для умерших во Христе (Откр. 20, 4—5), а после Тысячелетнего царства Христа на земле будет второе воскресение и суд над грешниками (Откр. 20,11—15).

«Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти» (Откр. 20, 6), а вот второго воскресения, наверное, никто бы не пожелал «чаять», то есть с радостью ожидать, так как это будет воскресение для суда над грешниками. Если бы обратиться к православному священнику: «А на какое воскресение вы отпели покойника, на первое или на второе?» Он с удивлением посмотрит на вас и пожмет плечами. Для них Откровение Иоанна Богослова — не открытая, а закрытая книга. Об этом мы будем рассуждать подробнее несколько позднее.

В подтверждение молитвы Ангелам С. Кобзарь приводит поэтическое выражение Давидом своего восторга: «Благословите Господа, все Ангелы Его, крепкие силою... Благословите Господа, все воинства Его, служители Его, исполняющие волю Его» (Пс. 102, 20—21). А также: «Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его» (Пс. 148, 2).

' Но где же здесь молитва? Разве это слова молитвы, обращенной к Ангелам? Любой школьник скажет: «Нет!» А вот диакон С. Кобзарь уверяет: «Здесь псалмопевец прямо молится Ангелам» (с. 36).

Ни святые, ни Ангелы не могут быть ходатаями и посредниками между Богом и человеком. Даже Ангелу-хранителю мы не должны возносить молитвы. Ангелы исполняют повеления и волю своего Творца (Пс. 102, 20). Посредником между Богом и людьми является только Христос. «Един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех» (1 Тим. 2, 5—6). Он же является и Ходатаем. «...И за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53, 12). «...Он есть Ходатай нового завета» (Евр. 9, 15; 12, 24). «Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (Рим. 8, 34). «Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника» (1 Иоан. 2, 1).

Единственно, Кто может быть еще Ходатаем, кроме Иисуса Христа,— это Дух Святой. «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными... Потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим. 8, 26—27).

Зачем же нам идти к другим, не имеющим силы, посредникам и ходатаям? И если Ходатаем может быть только Христос и Дух Святой, то Спасителем тем более никто не может быть, кроме Иисуса Христа. Молитвы: «Пресвятая Богородица, спаси нас» и «Святой Николай, помоги» — не имеют силы, нарушают заповеди Священного Писания и оскорбляют Сына Божьего.

В доказательство своего утверждения, что одновременно с земной на небесах уже пребывает церковь, православные приводят место из Евангелия от Луки: «А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лук. 20, 37—38).

Эти слова Христос сказал во свидетельство саддукеям, не верившим в воскресение мертвых. Здесь нет и намека на небесную церковь. Слова Иисуса «а что мертвые воскреснут» указывают на будущее воскресение, а слова «ибо у Него все живы» указывают лишь на бессмертие души, но воскресать люди еще только будут или в первое, или во второе воскресение. Даже души праведников только ожидают воскресения мертвых и могут лишь надеяться на будущее воздаяние.

Обратимся к Слову Божьему: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле

за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6, 9—11).

Приводя на сорок пятой странице слова из 131-го псалма, С. Кобзарь пытается доказать, что Соломон молится за своего отца, Давида. Чтобы убедиться в ложности вывода С. Кобзаря, давайте обратимся к этому месту Священного Писания: «Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его» (Пс. 131, 1). Не за Давида молится здесь Соломон, а просит, чтобы Бог его благословил ради верности Давида. Это очень ясно видно из 10-го стиха этого же псалма: «Ради Давида, раба Твоего, не отврати лица помазанника Твоего».

Единственное место, похожее на молитву о погибших, мы находим во 2-й Маккавейской книге. Иуда Маккавей на поле битвы в молитве обратился к Богу. Это не была молитва в храмовом служении. Притом, Маккавейские книги - это апокрифы, не входящие в библейский канон. Сам С. Кобзарь говорит: «Мы не признаем эту книгу [2-ю Маккавейскую] за богодухновенную».

Таким образом, в библейском каноне нет подтверждений ни молитве умершим, ни молитве за умерших. На сорок шестой странице С. Кобзарь пытается апеллировать к преданиям, но мы уже много раз упоминали: предания имеют догматический вес лишь тогда, когда они не противоречат Священному Писанию. Нужно согласиться, что Дух Святой, Автор Библии, не мог забыть вписать в библейский канон то, что необходимо для спасения души.

О почитании девы Марии

На пятьдесят седьмой странице С. Кобзарь, становясь на точку зрения протестантов, возмущенно спрашивает: «Почему мы не ублажаем Марию, если она предсказала, что ублажат ее все роды? Почему мы не величаем ее, если сотворил ей величие Сам Господь?»

Прочитаем евангельский текст. Елисавета сказала о Марии: «Благословенна ты между женами, и благословен плод чрева твоего!» (Лук. 1, 42). Она назвала Марию «матерью Господа» (ст. 43). Нам необходимо обратиться к толковым словарям, чтобы точно знать истолкования восхвалений, относящихся к Марии. Елисавета называет ее «благословенной». В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы находим такое объяснение слова «благословенный» — счастливый, благополучный. Именно такой мы и считаем Марию, даже самой счастливой между женами, потому что чрез нее воплотился Бог. Иисус Христос — это едиnorodный Сын Божий, «рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле» (Кол. 1,15—16). Конечно же, Им созданы Адам и Ева, а от них — дева Мария. Рожденное от Бога есть Бог, рожденное от плоти есть плоть. Две сущности в Иисусе Христе — Божественную и человеческую — мы должны ясно представлять. «Христос, входя в мир, говорит: „Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне“» (Евр. 10, 5). Именно через Марию Бог «уготовал тело» Иисусу Христу. Елисавета, как благочестивая иудейка, безусловно, ожидала приход Мессии, поэтому она назвала Марию матерью Господа. Даже перед вознесением Иисуса Христа Апостолы задавали Ему вопрос: «Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» (Д. Ап. 1, 6). Несомненно, и Елисавета представляла Младенца, которого должна родить Мария, будущим Царем, Мессией, Господином, Господом. Поэтому называть Марию «Владычицей» и «Царицей небесной» мы не имеем права.

Является ли она «славной приснодевой» (всегда девственной)? Такой неприличный вопрос никто бы ей не задал во время ее жизни на земле.

С. Кобзарь в защиту звания приснодевы приводит пророчество Иезекииля: «И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не откроются, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены» (Иез. 44, 2).

На наш взгляд, такие апологетические натяжки очень странны. Что общего между приснодевой и пророчеством о воротах будущего Иерусалима? Мы бы посоветовали С. Кобзарю и ему подобным оставить эти «мудрствования отцов церкви» и заняться лучше проповедью Евангелия для погибающих грешников.

Воображение католиков сделало Марию уже совершенно безгрешной, не имеющей даже первородного греха. Им нужно было придумать, что и сама Мария была непорочно зачата и живой взята на небо. Лучше бы православным предоставить эти вопросы разрешить в свое время Самому Богу, чтобы не пойти в своих измышлениях вслед за католиками.

Что же сказала о себе Мария? Вот ее слова: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, что призрел Он на смирение рабы Своей; ибо отныне будут ублажать меня все роды; что сотворил мне величие Сильный, и свято имя Его, и милости Его в роды родов к боящимся Его» (Лук. 1, 46—50). Назвав Бога своим Спасителем, Мария тоже признала себя грешницей, нуждающейся в прощении.

Смиренный ее нрав выражен в желании «величить Господа», Который призрел на «смирение рабы Своей». В этом Мария видит великую милость Бога к ней и воспринимает ее как особое проявление благосклонности Божьей, выразив это словами «сотворил мне величие Сильный». Усматривать в этих словах желание Марии быть возвеличенной нельзя, так как этим мы лишь унижим ее величие, заключающееся в особом смирении. Мария и не называет себя иначе, как «раба Господня» (Лук. 1, 38). Если бы Иисус усматривал большее возвеличение Своей матери, то, поручая ее Иоанну, он не назвал бы ее просто «жёно», то есть женщина (Иоан. 19,26).

На слова Марии: «Отныне будут ублажать меня все роды» надо обратить особое внимание. Ублажать Марию мы должны, и мы ублажаем ее, но что значит слово «ублажать»? Ублажать — считать блаженной. В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы читаем: блаженный — в высшей степени счастливый; блаженство — полное, невозмутимое счастье. В. И. Даль поясняет так: блаженный — благополучный, благоденствующий; блаженство — высшая степень духовного наслаждения. И все же, на наш взгляд, эти словари не раскрывают еще одного важнейшего значения слова «блажен». У М. Лютера это слово приобретает особый смысл. Для перевода на немецкий язык он использует прилагательное *selig*, производное от существительного *Seele*, то есть душа. Так вот, блаженство — это высшее, невозмутимое счастье бессмертной души. Обладающий таким счастьем блажен.

Вот такой мы и почитаем Марию и так «ублажаем» ее. Но при всем «ублажении» Марии мы никогда не должны забывать, что кроме Иисуса Христа, «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Д. Ап. 4, 12). Спасает нас только Иисус Христос, будучи единственным Ходатаем и Посредником между Богом и людьми.

О православном богослужении

Пышность православного храмового служения внешне, конечно, очень впечатляет, и непосвященный в православную символику при посещении храма, вероятно, испытывает чувство восхищения, удивления, даже, может быть, благоговения, но выходит из храма таким же непрощенным грешником, как и пришел. Для успокоения или, точнее, для усыпления совести, смотря на других, он купит свечку, зажжет ее, поставит перед приглянувшейся иконой, подаст нищим несколько монет и уйдет в свой прозаический греховный быт. Если это простолудин, то ему непонятны ни язык, ни символика, и диавол может вложить в сердце мысль: все равно этого тебе не понять, это не для тебя. Любопытный посетитель, может быть, прислушается к совету более посвященных, научится осенять себя крестным знаменем, попросит помощи у различных заступников, угодников и ходатаев, то есть согласится исполнять роль того пациента, который решил на долгое лечение без малейшей надежды на выздоровление. Мудрый же посетитель обязательно захочет найти Евангелие. Если ему удастся пробиться через вековые нагромождения преданий и, вкусив, как благ Господь, воскликнуть вместе с В. Ф. Марцинковским: «Ужас бесцельности исчез для меня в лучезарном свете Евангелия», то у него сразу же возникнет вопрос: а зачем нужна вся эта дорогостоящая храмовая пышность? Больному опасной болезнью нужен не шикарный пансионат, а конкретное лекарство, опытный врач, гарантирующий излечение недуга. Апостол Павел высказывает опасение: «...боюсь, чтобы, как змей хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2 Кор. 11, 3).

Вот этой-то простоты и нет в православии. Как ни критикуют православные протестантов, но они после проповеди прежде всего предложат Евангелие, которое одинаково у всех народов, на основании которого может формироваться личная вера.

Удивляет свидетельство бывшего православного священника из города Черновцы, что, отлично закончив семинарию и несколько лет прослужив священником, он не знал не только Ветхий, но даже и Новый Завет. Пелена спала с его глаз только при исследовании евангельских страниц. Даже наставники монастыря, где он находился, советовали ему не увлекаться Библией, а то «сумасшедшим будешь». Обратившийся священник свидетельствовал: «Когда первый раз я открыл Евангелие от Матфея и стал читать родословную Иисуса Христа: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова и так далее, то подумал: а прав был наставник. Действительно сумасшедшим можно стать: ведь женщины рожают, а тут — мужчины». Читая дальше 3-ю главу Евангелия от Матфея, этот священник открыл для себя, что Иисус взрослым принял крещение.

И католическим, и православным иерархам приходится отговаривать мирян от чтения Библии, чтобы они больше доверялись преданию, чем Священному Писанию. Еще в 1229 году собор в Тулузе (Франция) постановил: «Мы запрещаем мирянам читать книги Старого и Нового Заветов за исключением Псалтиря». (И. Барчук. Ереси, вошедшие в церковь, с. 52).

На шестидесятой странице С. Кобзарь признается: «В Деяниях Апостолов Церковь действительно жила намного проще, чем сейчас в смысле обрядности и традиций. Но разве не очевидно то, почему это так было? Было две причины, по которым Церковь жила гораздо проще. Во-первых, Церковь только родилась. Разве могла она сразу, за десять лет, отстроить храмы, создать семинарии и написать необходимые для этого книги, осмыслить и сформулировать свои догматы, установить величественные и богословски точные обряды и ход богослужения, определить, какая утварь нужна в храме? Разве могла она сразу создать школы иконописания, выдержанные в хороших традициях, и всю символику?.. Конечно же, нет. Во-вторых, Церковь была почти всегда гонима в первые века. Вся забота и все силы были направлены на то, чтобы сохранить верность Христу и выжить... Поэтому IV век заслуженно считается расцветом церкви».

Возрожденный христианин не согласится с этими доводами. Церковь три века сохраняла самое главное — верность Господу Иисусу Христу и Его заветам. Поэтому-то она и была гонима. Кто-то из современных богословов сказал: «Церковь не потому отступила от истины, что стала государственной, а скорее наоборот: церковь стала государственной, потому что отступила от истины». Если бы была сохранена верность Господу, то, безусловно, и в IV веке церковь была бы гонимой. Это можно утверждать на основании слов Апостола Павла: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). В первые три века среди гонений, без величественных храмов, без пышных обрядов и нарядов, без семинарий, без школ иконописи, рождались души для Царствия Божия. Никогда не надо забывать, что Создатель Церкви, Иисус, через Духа Святого всегда оставался ее руководителем. Если бы ей нужны были все эти прикладные атрибуты, то разве Творец миров не создал бы условий для их осуществления? Безусловно, создал бы. Но внешняя пышная формальность как раз нужна была для прикрытия поблекшего внутреннего содержания.

Иисус Христос, давая откровение Апостолу Иоанну, обращается к семи церквам Азии. Послания Ефесской и Смирнской церквам соответствуют состоянию церкви до императора Константина. Смирнская церковь не имеет нареканий. Переноса гонения, христиане оставались верными до смерти, удаиваясь венца жизни (Откр. 2, 10). Пергамский и Фиатирский периоды соответствуют состоянию церкви от Константина до средних веков и от средних веков до Реформации. Если у С. Кобзаря IV век «заслуженно считается расцветом церкви», то Иисусом Христом пергамскому периоду дано другое определение (Откр. 2, 12—17). Слова: «Ты живешь там, где престол сатаны», — сразу заставляют глубоко задуматься. Разве на престоле сатаны может расцвести Христова Церковь? Пергам был престольным городом Эскулапа (бога врачевства). В честь него был построен храм, где содержался огромный змей. Эмблема змея, обвившего чашу и пускающего в нее яд, перекочевала в медицину с трактовкой: от всякого яда есть противоядие. Но ведь яд — у змея. Согласно этой трактовке, нужно бы в раскрытый рот

змея из чаши вливать противоядие, но здесь же наоборот змей пускает яд в чашу. Читающий да разумеет!

Жрецы Эскулапа не потерпели конкуренции, когда Антипа (по преданию, пресвитер церкви) стал исцелять людей именем Иисуса Христа. Его сожгли во чреве раскаленного железного быка.

Какое же нареkanie высказано Христом Пергамской церкви? «Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали» (Откр. 2, 14).

Обращаясь к истории Израиля, вспомним, что Валаам не проклял Израиля, но, очевидно, он дал совет, после которого произошла печальная перемена в избранном Богом народе: «И жил Израиль в Ситтими, «и начал народ блудодействовать с дочерьми Моава, и приглашали они народ к жертвам богов своих, и ел народ жертвы их и кланялся богам их. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору. И воспламенился гнев Господень на Израиля» (Числ. 25,1—3). Тогда поражение Израиля было прекращено рукою Финееса, сына Елиазара, сына Аарона, который поразил Зимри, сына Салу, начальника поколения Симеонова и Маданитянку Хазву (Числ. 25, 7—15). А вот поражения церкви при Константине, ее слияния с мирской властью никто не предотвратил. Наоборот, Константин, оставшийся верховным языческим жрецом, еще не принявши крещения, председательствовал на I Вселенском соборе в Никее. До этого церковь повиновалась только Христу. Хотя она испытывала жестокие гонения, но стояла в свободе, которую даровал Христос (Гал. 5, 1). Теперь же, прельстившись мирской свободой и мирскими богатствами, она на многие века стала служанкой государства.

В своей книге С. Кобзарь эксклюзивно заявляет, что под редакцией Лопухина выпущена лучшая Толковая Библия. Мы не хотим омрачить память Александра Павловича Лопухина, почившего в 1904 году, но необходимо сказать, что в редакции принимали участие еще около двадцати православных толкователей, которые выпустили Толковую Библию за год до войны 1914 года. К толкованию Нового Завета Лопухин не причастен. Откровение Иоанна толковал некий протоиерей Николай Орлов. Хотя он и отмечает, что «семь малоазиатских церквей суть состояние вселенской Церкви и ее последователей» (Толковая Библия под ред. А. П. Лопухина, т. III, с. 511—512), но, конечно, не раскрывает сущности Пергамского и Фиатирского периодов. Почему-то Бог помог это уразуметь не православным, а протестантским толкователям Откровения. Среди них Исаак Ньютон, великий английский ученый. Он считал толкование Апокалипсиса одним из главных трудов своей жизни.

Благословенному труженику на Божьей ниве Ивану Вениаминовичу Каргелю Господь положил на сердце провести аналогию каждого из семи посланий церквям Азии с семью притчами 13-й главы Евангелия от Матфея. Послание Пергамской церкви соответствует третьей притче. Напомним ее: «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Матф. 13, 31—32). Традиционный толкователь притчи скажет, что именно при Константине так разрослась церковь, но глубокомыслящий муж веры обратил внимание на неестественный рост горчичного зерна. Оно стало не злаком, а деревом, и в его ветвях укрываются птицы. Согласно первой притче о сеятеле, птицы — это лукавый, который «похищает посеянное в сердце» (Матф. 13, 19). Он-то и укрылся в формально разросшемся дереве Царства Божьего и похитил драгоценную духовную свободу церкви. Произошла секуляризация, то есть обмирщение, церкви. Смешиваясь с миром, церковь становится Вавилоном.

Пагубность этого смешения еще более видна в следующем, Фиатирском, периоде, где Иезавель, называющая себя пророчицею, заняла главенствующую позицию и учит «любодействовать и есть идоложертвенное» (Откр. 2, 20). Этот период полного отступления от истины начинается примерно с 600 года и продолжается до Реформации. Конечно, папство с инквизицией и индульгенциями в этом преуспело больше, чем Восточная церковь, но до разделения в 1054 году они были вместе.

Вот каковы истоки православной обрядности. Заиклившись на преданиях, толкованиях

«отцов церкви» и на семи Вселенских соборах, догматика и обрядность православия, в основном, остаются такими же и в наши дни.

На примере толкования Откровения Иоанна Богослова современными православными богословами можно увидеть, как трудно им перешагнуть через постановления соборов.

Когда Западная церковь канонизировала Откровение Иоанна, признав его авторство, в Восточной церкви еще и в IV веке некоторые опасались включить его в библейский канон. Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский использовали цитаты из Откровения в своих трудах, а вот Иоанн Златоуст в своих трудах их не приводит. Тертуллиан, Поликарп, Ириней, Киприан, Климент Александрийский, Ориген не сомневались, что автором Откровения является Апостол Иоанн.

Протоиерей Николай Орлов в Толковой Библии хотя и дает высокую оценку Апокалипсису, но отойти от старых традиционных толкований, противоречащих духу Апокалипсиса не решается.

Вот как он излагает традиционные взгляды православных на второе пришествие Иисуса Христа:

«Второе пришествие Господа будет одновременно: с общим воскресением и непосредственно будет предшествовать страшному суду, не оставляя никакого промежутка... Теперь, со времени смерти Христа Спасителя и с распространением христианства, диавол связан в своей деятельности общего развратителя народов и руководителя земными идолопоклонническими царствами...»

Все люди перед страшным судом должны претерпеть изменение своего тела — мучительное для нечестивых, как бы предначаток вечных мучений... Всеобщий суд... будет судом над всеми людьми без исключения, как дожившими до второго пришествия Господа, так и умершими к этому времени, как праведными, так и грешниками. Все люди без исключения должны предстать перед престолом Судии» (Толковая Библия под ред. А. П. Лопухина, т. III. с. 598, 602).

На основании Священного Писания можно убедиться в несостоятельности такого толкования. Воскресение мертвых будет не всеобщим. Сначала Иисус возьмет с земли Свою Церковь, чтобы сохранить «от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле», то есть от великой скорби (Откр. 3, 10). Апостол Павел разъясняет, как это будет: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4, 13—17).

Иисус, будучи еще на земле с учениками, не оставил их в неведении относительно Своего пришествия за Церковью. «...Так будет и пришествие Сына Человеческого,— поясняет Он,— тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется» (Матф. 24, 39—41).

Вот так Церковь, отделенная от мира, будет восхищена к Господу. Относительно второго пришествия Иисуса Христа и всеобщего суда православные обычно приводят слова Христа: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других» (Матф. 25, 31—32).

Да, Иисус будет явлен всем как грозный Судья. Но здесь Он приходит «в славе Своей», то есть со Своей возлюбленной Церковью. Апостол Павел, говоря об отношениях мужа и жены, раскрывает тайну Церкви Христовой (Еф. 5, 32). Как «жена есть слава мужа» (1 Кор. 11, 7) и «венец» его (Притч. 12, 4), так и Церковь будет славой Иисуса Христа. С ней-то Он и явится, исполняя обещание, данное ученикам: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на

двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Матф. 19, 28). Где же здесь всеобщий суд? Разве Иисус будет судить тех, кого Он «соделал царями и священниками Богу» (Откр. 1, 6)? Может быть, православные толкователи сделали вывод, что суд будет всеобщим и над праведниками, и над грешниками на основании слов Апостола Павла: «Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5, 10)? Судилище Христово не следует отождествлять с судом над грешниками у белого престола (Откр. 20, 11—15). Даже в Толковой Библии Лопухина поясняется: «Заметить нужно, что в этом отделе (2 Кор. 5, 10) Апостол явно различает двойкий посмертный суд над людьми» (т. III, с. 151). Судилищем в Палестине назывался не центральный, а провинциальный суд. Христос будет судить Своих верных не в отношении их вечного спасения или осуждения, а в отношении награды (1 Кор. 3, 13—15; 4, 4—5), иначе не сбудутся слова: «Верующий в Него [Христа] не судится» (Иоан. 3, 18). Иисус Христос сказал: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Иоан. 5, 24).

Чтобы ни у кого не осталось сомнений, каким будет пришествие Христа, Иоанну было дано откровение относительно воскресения мертвых. Необходимо поверить, что будет не одно всеобщее воскресение, а два воскресения. Вот эти слова, записанные Иоанном: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не покорились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр. 20, 4-6).

А вот после Тысячелетнего царства воскреснут грешники, чтоб предстать на суд: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им : места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим, и смерть и ад повержены в озеро огненное. Это — смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Откр. 20, 11—15).

Возникает удивляющий искренних детей Божьих вопрос: почему православные, принимая Апокалипсис, не принимают до предела ясных пояснений относительно воскресения мертвых и Тысячелетнего царства Иисуса Христа? Да потому, что они не имеют права переступить через решение II Вселенского собора, который, не разобравшись в богодухновенности Откровения Иоанна, осудил хилиазм — учение о Тысячелетнем царстве. Напомним, что II Вселенский собор был созван в Константинополе императором Феодосией в 381 году. Дебаты относительно Откровения Иоанна все еще продолжались. Теперь, приняв Откровение и в то же время подчиняясь решению Константинопольского собора, православные толкователи Апокалипсиса вынуждены пускаться в длинные софистические рассуждения. Они начало Тысячелетнего царства теперь относят к моменту смерти Христа на Голгофе. Если любому православному священнику задать вопрос: что сейчас делает сатана, он ответит, что тот «ходит, как рыкающий лев». Так какое же сейчас Тысячелетнее царство, если диавол не скован, а ходит? В Тысячелетнем царстве «перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы» (Ис. 2, 4). А сейчас мы видим сплошные войны, висит угроза атомно-водородной войны, люди устали от терактов и так далее, и тому подобное. Сами православные обеспокоены числом зверя 666, пишут воззвания, чтобы люди не принимали идентификационные номера с этим числом и в то же время уверяют, что Миллениум (Тысячелетнее царство) продолжается. Полный абсурд!!!

Вразумитесь, опутанные этими ложными толкованиями. Не бойтесь смотреть правде в глаза! Не связывайте себя обещаниями беспрекословно исполнять решения Вселенских соборов, так как там были явные ошибки. Обратитесь к Священному Писанию и примите Библию, а не

предания, как фундамент веры. По предведению Божьему Библия заканчивается словами из Апокалипсиса: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей: и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни...» (Откр. 22, 18-19).

Ищущие правду, убойтесь этих слов и поступайте по Священному Писанию! Да осветит вас Господь светом истины и чрез книгу «Откровение Иоанна Богослова», которая, к сожалению, у православных в пренебрежении. Через нее Господь хочет «показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре» (Откр. 1, 1; 22, 6).

Однажды, беседуя со студентом православной академии, я спросил: «Почему в православном богослужении не применяется Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)?» Он ответил: «О, там много непонятого! Дай волю, так натолковано будет столько, что никто не разберется...»

Очевидно, не вникнув в глубины этой пророческой книги, православные священники решили вообще не использовать ее в богослужении. Но правильно ли это будет перед Богом?(!!!)

Не разобравшись, что по Апокалипсису будет два воскресения, I Вселенский собор в Никее даже не отразил этого в символе веры. II Вселенский собор в Константинополе тоже не внес поправок. Так до сих пор и повторяют православные: «Чаю воскресения мертвых». Но какого, первого или второго?(!) Как важно правильно ответить на этот вопрос и помнить слова: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти» (Откр. 20, 6).

Об отношении прихожан к священнику

Сложившаяся в православии и католицизме традиция называть священника отцом (падре) или батюшкой и целовать ему руку (католики целовали даже ногу) не соответствует учению Иисуса Христа.

С. Кобзарь и его коллега А. Кураев в оправдание этой традиции приводят места из Священного Писания, где употребляется слово «отец». Понятно, рождение каждого человека не произошло без участия земного отца, и называть своего земного родителя отцом никому не запрещается. Употребимы также слова «дедушка» и «бабушка». В Ветхом Завете Авраам, Исаак, Иаков по праву названы патриархами, то есть «высокими отцами». В немецком языке дедушка тоже назван большим отцом (*Grossvater*), а бабушка — большой матерью (*Grossmutter*). Мать отрока Иисуса, нашедши Его в храме, воскликнула: «Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и я с великой скорбью искали Тебя» (Лук. 2, 48). Здесь даже Иосиф назван отцом. Логично звучит такое обращение к людям старшего возраста. Так, например, Стефан обратился к синедриону: «Мужи братия и отцы!» (Д. Ап. 7, 2). Иоанн также употребляет слово «отцы» (1 Иоан. 2, 13—14). Апостол Павел назвал Авраама «отцом всех верующих» (Рим. 4, 11). Блудный сын обращается к родному отцу: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим» (Лук. 15, 21). Это все естественно и логично. Весьма странным было бы услышать, как пожилой отец сына назвал бы батюшкой. А в православии зачастую так и бывает, да еще, кланяясь, к ручке прикладываются. Это уже не вежливая форма гражданского или родственного почтения, а культовый обряд, который Иисус не поощрял. Он имел ввиду книжников и фарисеев (Матф. 23, 2), когда давал наставление ученикам: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос» (Матф. 23, 8-10).

Оправдывая обряд целования руки священнику, С. Кобзарь пишет: «Происходит это тогда, когда человек просит священника: „Благословите, батюшка“. Священник отвечает: „Бог благословит“, осеняет просящего крестным знаменем, и человек уже целует руку священнику не как простому человеку, а как самому Богу, священнику как представителю и служителю Бога, эту благословляющую руку Божию. Мне один батюшка как-то сказал: „Запомни, не мне, грешному, целуешь руку: я больший из всех грешных“. Чествуется ведь не лицо, а сан,

священство человека» (с. 74).

Вот это «чествование священства человека» привело к полному отделению прихожан (мирян) от клира (священства). Вместо приветствия друг друга «лобзанием святым» (2 Кор. 13, 12; 1 Фес. 5, 26) — целование руки священника, которому нет оправдания в Священном Писании. Это привело к тому, что батюшки стали владыками, патриархами, римскими папами. Как прекрасно и просто определил Христос: «...все же вы — братья» (Матф. 23, 8). Иисус за всех умер. Кровь Его при исповедании грехов очищает всех одинаково. Только протестантизм возвратил церковь к евангельскому принципу всеобщего священства: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9). Апостолы были все равны между собой. Когда у сыновей Зеведеевых возникло желание сесть по правую и по левую сторону Иисуса при Его воцарении, то другие Апостолы «вознегодовали на двух братьев». (Марк. 10, 37—41).

Иисус принял образ раба (Фил. 2, 7), Он Сам омывал ноги ученикам (Иоан. 13, 5). Он, пришедший «послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Марк. 10, 45), дал такое наставление ученикам: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Матф. 20, 25—26). Никто из Апостолов не целовал руку Иисусу, и им никто не целовал руки. Откуда взялись все эти титулы и саны: Ваше преподобие, Ваше высокопреподобие, Ваше высокопреосвященство, Ваше святейшество и тому подобное? Конечно же — не из Евангелия.

Многие знают повествование о том, как брату Рябошапке учинили допрос в присутствии патриарха и самого царя. Когда сообщили, что сейчас в зал войдет владыка-патриарх, то все встали. Рябошапка попросил у царя разрешения задать вопрос владыке. Получив его, он сказал, что знает Владыку небес Бога, знает князя мира сего, владычествующего над землею, а откуда взялся третий владыка? Патриарх не смог ответить на этот вопрос и попросил у царя разрешения удалиться для размышления над этим вопросом. Ответа Рябошапка так и не получил.

Если людям надавали таких титулов и таких званий, то, конечно, и одевать их нужно не в простое одеяние, подобное хитону Иисуса, а в одежды, шитые золотом, с богатыми воскрилиями и головным убором. А откуда воскрилия? Из Ветхого Завета. Для чего они? Ответ дал Иисус: «Все же дела свои делают [фарисеи] с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих» (Матф. 23, 5). А на каком основании православные священники молятся с покрытой головой, тогда как Апостол Павел конкретно говорит: «Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову» (1 Кор. 11, 4). Такое же несоответствие с Новым Заветом мы видим в длинноволосом батюшке. Апостол Павел написал и об этом: «Не сама ли природа учит вас, что, если муж растит волосы, то это бесчестье для него?..» (1 Кор. 11, 14).

Пытаясь снять «бесчестье» с головы батюшки, А. Кобзарь на семьдесят пятой странице пишет: «Теперь о ношении длинных волос. В 1 Кор. 11, 14 Апостол Павел говорит о правиле, из которого, что совершенно очевидно, могут быть исключения... Этот общий закон о волосах был справедлив и для Ветхого Завета, раз этому учит, по словам Апостола, сама природа; тем не менее, Авессалом, Самсон и другие назореи носили длинные волосы (Числ. 6, 5). Сам Христос и Иоанн Креститель имели длинные волосы, как то видно на Туринской плащанице и на многих других иконах. Священники — это тоже назореи. Они посвящены Богу для особого служения, а потому имеют право носить длинные волосы. Эта ветхозаветная традиция была продолжена Церковью с первых веков...»

Эти «аргументы» С. Кобзаря нуждаются в комментариях и поправках. Во-первых, почему Авессалом попал в назореи? Во-вторых, делать догматические выводы не по Священному Писанию, а по древним иконам и Туринской плащанице нельзя. В-третьих, если брать в пример Христа, то необходимо заметить, что православный переводчик Евангелия явно спутал слово «назореи» с названием города Назарет.

В повествовании об Иосифе, муже Марии, сделан такой перевод: «...и пришед поселился в

городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророка, что Он [Иисус] Назореем наречется» (Матф. 2, 23). Что же пророки предвещали об Иисусе? Обратимся к 11-й главе книги пророка Исайи: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (ст. 1—2). Бесспорно, речь идет об Иисусе Христе. Но слово «отрасль», по-еврейски «наиер», ничего общего не имеет со словом «назореи». Название же города Назарет действительно происходит от «напер» (отрасль). Последние слова 2-й главы Евангелия от Матфея надо было бы перевести так: «назарянином [а не назореем] наречется». Такой же смысл заключен и в Матф. 26, 71; Марк. 14, 67; Лук. 18, 37; Иоан. 18, 5; Иоан. 19, 19. В-четвертых, утверждать, что батюшка «тоже назореи» — безосновательно, так как назореям категорически запрещалось употребление вина и крепких напитков (Числ. 6, 3), а православные священники, как правило, очень любят приложиться к чарке с вином и даже с водкой. Им это не возбраняется, да и другим они советуют: «Пей, но не упивайся!».

Эти и им подобные деяния давно обезличили православных священников. Ф. М. Достоевский писал: «Легко, очень легко русскому человеку сделаться атеистом, и русский человек непременно уверует в атеизм как в новую религию, не замечая того, что уверовал в нуль». Почему же он так просто «уверует в атеизм?» Да потому, что сами священники были преткновением для простых людей.

Вся обрядность, о которой идет речь, является ветхозаветной традицией. Это подтверждает и С. Кобзарь в своей книге. Христос же сказал: «Вино молодое надобно вливать в мехи новые» (Матф. 9, 17; Марк. 2, 22).

В наше время гласности, когда возможен доступ к «совершенно секретным» материалам, в очень неприглядном виде предстают православные архиереи, большинство из которых были сотрудниками и даже штатными работниками КГБ. Защитники преемственности священства, неужели и здесь вы сможете сказать: «Ничего страшного, лишь бы на них была преемственность священства»?! Тогда надо просто закончить разговор о полномочиях православного священнодействия.

В своих книгах и С. Кобзарь, и А. Кураев приводят явно завышенные данные о страдальцах за веру из православных в бывшем СССР. В сталинское время, конечно, были такие страдальцы. А вот за период с 1961 по 1988 годы нам известны только два : священника (Якунин и Дудко), отстаивавшие свободу совести. Я около девяти лет (с 1980 года до конца 1988 года) был в узах за проповедь Евангелия, но ни одного страдальца за веру из православных не встретил, в то время, когда из братства СЦ ЕХБ за 27 лет гонений столько братьев и сестер были лишены свободы за истину Христову, что сложенные вместе их сроки составят огромное число — более 5 тысяч лет.

Обезличиванием православного священства являются и решительные заявления бывших православных узников на Соловках. Они считают, что все православные священники, сотрудничавшие с атеистами, не имеют права на священство. Передвинутый жертвенник (4 Цар. 16, 10—14), сдвинутый с места светильник (Откр.2, 5) утрачивают свое назначение. Преемственность священства не имеет никакой силы, если священнослужители потеряли свое достоинство. Вот Божье определение о таковых: «Никакой сын чужой, необрезанный сердцем и необрезанный плотью, не должен входить во святилище Мое... Равно и левиты, которые удалились от Меня... блуждали вслед идолов своих, понесут наказание за вину свою... Они не будут приближаться ко Мне, чтобы священно действовать предо Мною и приступать ко всем святыням Моим» (Иез. 44: 9-10: 13).

О постах

Никто из искренних детей Божьих не будет возражать против пользы поста и молитвы. И

в Ветхом Завете, когда трудности постигали народ Божий, иудеи прибегали к постам.

С. Кобзарь в подтверждение приводит место из Священного Писания — Есф. 4, 3. Мы читаем: «...было большое сетование у Иудеев, и пост, и плач, и вопль», — потому что вышел указ об истреблении иудеев. Правильно приведено место Священного Писания — Зах. 8, 19. А вот два других места — Иоиль 1, 4 и Иер.3, 6, приведенные С. Кобзарем на семьдесят шестой странице, взяты, прямо скажем, невпопад. Мы далеки от мысли, что Сергей не знает Священное Писание или манипулирует им, рассчитывая на неопытность читателя. Вероятно, здесь произошла ошибка при наборе текста, поэтому два последних места Писания мы не берем во внимание.

Продолжим рассуждения о посте. Постились Давид (Пс. 108, 24) и Даниил (Дан. 10, 3), Апостол Павел часто пребывал в посте (2 Кор. 11, 27), постом и молитвой служила Богу старлица Анна (Лук. 2 37). Это примеры индивидуальных постов. Общий пост, как правило, обуславливался необходимостью, а не традицией. Очень точно это выражено в просьбе Есфири: «И сказала Есфирь в ответ Мардохею: пойди, собери всех Иудеев, находящихся в Сузах, и поститесь ради меня, и не ешьте и не пейте три дня, ни днем, ни ночью, и я с служанками моими буду также поститься, и потом пойду к царю, хотя это против закона, и если погибнуть, погибну» (Есф. 4, 15—16). Вот образец общего целенаправленного поста.

Посты были и есть в братстве МСЦ ЕХБ. Соблюдается общебратский тематический пост каждую пятницу, по средам — пост о личных нуждах. А вот обязательные в православии четыре больших поста не все люди могут выдержать. Эти посты — сугубо церковное, а не евангельское постановление — могут быть «бременем тяжелым и неудобноносимым», возложенным на плечи людям (Матф. 23, 4). Часто сами священники не соблюдают эти посты и служат соблазном для простых верующих. Богатые могут вместо запрещенного мяса употреблять осетрину и черную икру, а бедный человек изнемогает. Апостол Павел «умоляет» представить наши тела «в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения» (Рим. 12, 1). Пост полезен, но он не должен разрушать телесного храма (1 Кор. 3,16—17). В православии пост превратился в принудительное законничество. Угождение плоти очень опасно, но не менее опасно погрязнуть в свободу во Христе (Гал. 5, 1), необходимую для нормальной жизни христианина. «Итак никто да не осуждает вас,— пишет Апостол Павел,— за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело — во Христе. Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел... Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти» (Кол. 2: 16—18, 23).

Господь желает, чтобы наш пост имел прежде всего духовный смысл. Через пророка Исайю Он говорит: «Вот пост, который Я ' избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого,— одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя» (Ис. 58, 6—8).

Само слово «пост» должно нам напоминать часового, стоящего на посту. Полезно будет напомнить рассуждение о посте В. С. Соловьева: самообладание, господство духа над плотью, упражняется постом. При этом Соловьев различает три вида поста. Пост ума — воздержание от мудрствования. «Не давай пищи праздному мудрствованию. Подчиняй умственную деятельность нравственным требованиям». Пост воли: «Не давай пищи своему самолюбию». Пост чувства — обуздание чувственности. При этом Соловьев советует воздерживаться от пищи. (Марцинковский В. Ф. Соловьев и Евангелие, с. 17—18).

О заученных молитвах

Молитва — это наше общение с Богом. Через молитву мы выражаем наше желание быть в общении с Ним, нашу нужду, нашу благодарность Ему. Если Бог — наш Отец, то Он, конечно же, желает быть с нами в общении. Как земные родители радуются первым словам ребенка, так Господь желает слышать от нас обращенное к Нему «Отче наш», но «грешников Бог не слушает»

(Иоан. 9, 31). Исайя описывает ситуацию, сложившуюся в отношениях Бога с человеком: «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать. Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лицо Его от вас, чтобы не слышать» (Ис. 59, 1-2).

Первая молитва, которую Бог принимает от грешника — это молитва покаяния. Она может быть очень короткой. Мытарь в молитве покаяния употребил всего шесть слов: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лук. 18,13). Вартимерю потребовалось всего пять слов: «Иисус Сын Давидов! помилуй меня» (Марк. 10, 47). Утопающий человек будет кричать одно и то же: «Люди, спасите!» Осознающий себя грешником будет взывать: «Господи, прости меня!» Подменить этот крик души другими красивыми словами просто невозможно, так как здесь принимает участие Дух Святой. Апостол Павел пишет: «...никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). Молитва — это не подбор красивых слов, тем более чужих, а наше непосредственное общение с Богом в Духе Святом.

«Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших,— пишет Апостол Павел,— ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией» (Рим. 8, 26—27).

На основании вышеизложенного нужно сделать вывод: всякая чужая, заученная молитва не будет «ходатайством» за нас Духа Святого. Молитвой другого мы можем назидаться, восхищаться, как, например, стихотворением талантливого поэта. Но ведь декламатору стихотворения никогда не придет в голову мысль объявить, что это его произведение, а если он так сделает, то это будет откровенная ложь.

С. Кобзарь правильно пишет, что все начинается с подражания, но, подражая кому-то, исполнитель, поэт, композитор в творческом преломлении все равно преподносит что-то свое. Заученную же молитву никто не имеет права назвать своей. Своей молитва будет тогда, когда Дух Святой будет «ходатайствовать за нас», а ходатайствует Он тогда, когда живет в нашем сердце. Проблема заключается в том, живет ли Дух Святой в сердце православного? А если живет, то почему православные на вопрос, спасены ли они, отвечают отрицательно и удивленно пожимают плечами. Апостол Павел пишет: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы -дети Божий... Сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8,16—17).

Оправдывая целесообразность заученной молитвы С. Кобзарь ссылается на протестантских евангелистов Билли Грэма и Виктора Гама, которые людей, вышедших на призыв к покаянию, заставляют хором повторять за ними молитву. Да будет всем известно, что такой метод евангелизации нас не привлекает. Мы предпочитаем проводить евангелизационные служения с меньшей аудиторией и стараемся дать возможность каждому, кто вышел для покаяния, помолиться при побуждении Духа Святого пред всеми самому, потому что «сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10, 9—10). Устыдиться молитвы перед людьми нельзя, так как Христос сказал: «„Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным" (Матф. 10, 32); а кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей" (Лук. 9, 26)».

Так мы поступаем со всеми, кто пожелает искренно покаяться перед Богом и стать чадом Божьим, в том числе и с православными.

О монашестве

С. Кобзарь старается представить монашество только с положительной стороны. Слово «монах» является производным от греческого *monachos*, означающее «одинокий». Истоки монашеского движения надо искать как в церкви, так и за ее пределами. Например, Ориген последовал платоновскому идеалу мудрой жизни. Он ограничивал себя самым необходимым и

начал вести крайне аскетический образ жизни. Также гностики¹ учили о непримиримом противоречии между телом и духовной жизнью. По их мнению, по-настоящему духовная жизнь требует подчинения и наказания тела. Хотя гностицизм был отвергнут церковью, но его влияние на многих христиан сохранилось (Августин Блаженный только в двадцать восемь лет порвал связи с манихейством, разновидностью гностицизма).

В Священном Писании, особенно в посланиях Апостола Павла, есть поощрение безбрачной жизни, так как у человека, не связанного узами брака, больше возможностей служить Богу. Мотивы, побуждающие к безбрачию, подкреплялись надеждой на скорое возвращение Господа. К монашеской жизни побуждали различные школы классической философии. Они утверждали, что тело представляет собой тюрьму или гробницу души, которая не сможет вырваться оттуда, пока не выйдет за рамки связывающего ее тела.

Кто стал первым монахом? Это трудно определить. Иероним называет Павла, Афанасий — Антония. Иероним, описывая жизнь Павла, александрийского юноши-христианина, упоминает, что он ушел в пустыню в середине третьего века, спасаясь от жестоких гонений, разразившихся при императоре Деции. (Вот еще одна причина возникновения монашества.) Для Антония, по словам Афанасия, решающим было повеление Христа богатому юноше: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Матф. 19, 21). Антоний продал имение, но слова Христа истолковал по-своему и удалился в пустыню. Он был крайне недоволен роскошной жизнью епископов, получавших от императора Константина многие привилегии.

Мы вполне согласны с правильным суждением С. Кобзаря о главной причине распространения монашества: «Монашество получило свое широкое распространение после Константина, когда в Церковь хлынуло много номинальных верующих. Многие истинные христиане не могли этого выносить, но и не в силах были изменить эту ситуацию и уходили в пустыню», (с. 85).

Этим выводом С. Кобзарь сам разбивает то утверждение православных, которое он защищал на шестидесятой странице своей книги, что IV век является расцветом христианства.

С. Кобзарь безапелляционно заявляет: «Хулят протестанты путь безбрачия, как будто бы Христос никогда не говорил о скопцах, оскотивших себя для Царства Божия; как будто у нас нет примеров Христа, Иоанна Крестителя, Апостола Павла и многих других отцов церкви, сознательно, не по причине физической болезни, отказавшихся от брака, а ради Господа».

Я лично за 62 года своей жизни среди евангельских христиан-баптистов не слышал подобной «хулы». Она вообще не свойственна тем, кто, зная Священное Писание, помнит поучение Христа: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Матф. 12, 36). Есть огромная разница между монахами и монахинями, ведущими отшельнический образ жизни, и благословенными тружениками и труженицами на ниве Божьей, отказавшимися ради Господа от брачной жизни и всецело посвятившие себя распространению Евангелия. Я бы никогда не решился причислить Апостола Павла к монахам. Он нес благую весть в народные массы, а не убегал в пустыню от гонений. Довольствуясь самым необходимым, он умел жить и в скудости, и в изобилии; имея великое преимущество принадлежать к избранному Богом народу, он от всего отказался и горел желанием нести весть о спасении в самые отдаленные места. Мы не «хулим», а приветствуем решение молодых сестер по вере в Иисуса Христа, которые, соблюдая евангельский принцип, не пожелали связать свою судьбу с мирскими людьми, а в суровые годы гонений за истину Христову посвящали свою жизнь Господу и трудились до изнеможения. Многие из таких прошли через тюрьмы и остались верными Богу. Для посвященных Господу более приемлемо не монашеское отшельничество, а самоотверженный труд по распространению благой вести среди мирских людей. Такие труженники хотя и находятся в мире, но на самом деле от мира отделены.

Дуйат Моуди сказал: «Христианин должен быть подобен лодке, плывущей по бурному морю. Лодка — в море, но моря в лодке не должно быть». Если бы в Божьем плане спасения было предусмотрено распространение Евангелия через монахов, то таких бы Христос избрал Апостолами. Но Апостол Павел свидетельствует: «Или не имеем власти иметь спутницу сестру

-жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?» (1 Кор. 9, 5). Значит, ни Апостолы, ни братья Господни не были монахами. Христиане, за исключением некоторых, имеющих особое дарование и расположение к безбрачной жизни, образовывали семью и несли совместный труд во славу Господа (Матф. 19, 11—12).

Если монахи Павел и Антоний стремились к уединению, то Пахомий уже стал образовывать монастыри. Когда монастыри и монашеские ордены получили власть, то уклонений от Слова Божьего становилось все больше и больше. (Напомним, что и инквизиция осуществлялась орденом Доминиканцев.) Священное Писание ничего не говорит о монашествующих пресвитерах. Наоборот, Апостол Павел пишет: «...епископ должен быть непорочен, одной жены муж... Хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1 Тим. 3, 2; 4—5). Также Титу Апостол Павел повелевает: «Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности» (Тит. 1, 5—6). Конечно, на ниве Божьей могли быть труженики, подобно Апостолу Павлу, не связанные узами брака, но монашество привело к принятию целибата (безбрачия): у католиков все священники, от низших до стоящих на самой высокой ступени, должны быть безбрачными; у православных низшие церковнослужители до протоиерея могут состоять в браке, а епископы, архиепископы, митрополиты и патриарх должны быть избираемы из «черноризцев», то есть из монахов. Где в Библии найти оправдание таким действиям? Подмена Священного Писания «заповедью на заповедь и правилом на правило» (Ис. 28, 13) привела к отступлению от евангельских принципов. Поэтому, отдавая должное уединенной деятельности Василия Великого, Иоанна Златоуста и других подвижников, не вступавших в брак, а также признавая полезной самоотверженную деятельность просветителей славян Кирилла и Мефодия, необходимо сказать, что монашеский путь развития церкви не соответствует Священному Писанию (1 Тим. 4, 1—3). Христос повелел Апостолам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Матф. 28, 19—20). Если бы все уходило в монахи, то кто бы исполнил это повеление?

О спасении в православии: по делам или благодати? Об уверенности в спасении

Спасение души — самый важный вопрос. Богословы любят повторять изречение Августина Блаженного: «В главном — единство, во второстепенном — свобода, а во всем — любовь». Но что делать, если и в главном — вопросе спасения души — нет единства? Выход один: познакомившись с догматикой разных деноминаций, отдать исключительное предпочтение Священному Писанию.

Хорошо зная точку зрения протестантов по данному вопросу, С. Кобзарь в обширных рассуждениях теперь пытается показать ее несостоятельность и убеждает протестантов принять православную догматику. Ниже мы предоставим возможность читателю познакомиться с его рассуждениями, а сейчас кратко изложим доводы по этому вопросу коллеги С. Кобзаря, А. Кураева. Получив философское образование, А. Кураев простую веру в Евангелие хочет подменить критическими рассуждениями.

Используя общепринятые выводы, что Иудея дала миру религию, Греция — философию, а Рим — право, он рисует картину вселенского суда и пишет: «Трагедия человеческой истории превратилась в судебный акт, во вселенский трибунал. В этом трибунале Бог - судья, человек — подсудимый, Христос — адвокат, дьявол — прокурор» (с. 51).

Может быть, философ и юрист согласятся с таким распределением ролей, но только не христианин, знающий из Священного Писания, что «Господь, Бог человеколюбивый, милосердый» (Исх. 34, 6), исполняя предвечный план спасения, Сам «явился во плоти» и пришел

на землю не судить мир, а спасать (Иоан. 12, 47). Апостол Павел называет это действие «великой благочестия тайной» (1 Тим. 3, 16). Но, очевидно, философу А. Кураеву эта тайна не открыта, и он кощунственно называет Бога шизофреником. Вот как он пишет: «Бог здесь рисуется как шизофреник, в котором борются две стороны. С одной стороны — Он хочет простить и любить, с другой — Он жаждет наказать» (с. 53).

Благочестивая душа содрогнется от такого сравнения и вряд ли захочет внимать дальнейшим философско-юридическим измышлениям А. Кураева, но, чтобы иметь более полное представление о его мировоззрении, мы приведем еще одно его довольно обширное рассуждение, в котором он, критикуя протестантских проповедников и ставя себя на место Бога, допускает дерзость. Он пишет: «Если юридически мыслящие богословы так озабочены сохранением «справедливости», то разве можно назвать «справедливой» казнь безвинного? И разве согласуется с откровением «Бог есть любовь» такой стиль мысли? Представьте, что мне посадили некоторые люди, я совершенно справедливо рассердился на них... в общем, грешников. Но затем я решил все-таки их простить. Я решил изменить свое отношение к ним и не гневаться за их безобразия и их недостойные поступки по отношению ко мне, а сказать, что я более не буду поминать им бывшего. И вот для того, чтобы засвидетельствовать им свое прощение, я беру своего сына, убиваю его, а затем посылаю моим обидчикам телеграмму: вот, я на вас больше не сержусь, потому что убил своего любимого сына. Сумасшедшая картина?» (с. 54).

Подобные «картины», скажем прямо, нам пытались нарисовать лекторы-атеисты, чтобы разрушить веру в Божье милосердие, но когда такое преподносится православным богословом, то невольно возникает вопрос: какую же он преследует цель? Апостол Павел призывает «уразуметь превосходящую разумение любовь Христову» (Еф. 3, 19). Человек, не уразумевший этой любви, конечно соблазнится, но это не смущало великого Апостола. Он пишет: «А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев — соблазн, а для Еллинов — безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов,— Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1, 23—25).

«Католики и протестанты уверяют,— пишет далее А. Кураев на пятьдесят восьмой странице,- что причиной нашей греховности является наше участие в грехе Адама. Греховность является уголовно наказуемым последствием греха. Грех Адама вменяется нам, как вменяется нам и праведность Христа».

Не соглашаясь с этим выводом, А. Кураев предлагает право-: славную догму. «В православной традиции,— пишет он,— преподобный Марк Подвижник не считает людей соучастниками Адамова греха: „Мы наследовали по преемству не преступление, но смерть: ибо нельзя было нам, происшедшим от мертвых, быть живыми"» (с. 58—59).

Следует заметить, что, если мы наследуем смерть, то, значит, наследуем и грех: «возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6, 23). Оценивший и принявший этот дар с благодарностью воспоет:

В Иисусе Бог мне не судья, Он — Друг и Пастырь мой; Он мой покров и жизнь моя, И радость, и покой.

«Для православных грех не столько вина, сколько болезнь,— излагает А. Кураев далее свою точку зрения. — Бог не наказывает человека, как судья наказывает грешника. Здесь скорее отношения врача и больного. Если я пришел к дантисту с запущенным кариесом, он, конечно, меня отчитает за то, что я навредил себе, не заботился о своем здоровье».

Пример, конечно, простоватый и не отражает трагического состояния согрешившего человека. Одно дело остаться с больными зубами или лишиться зуба, другое — испытать возмездие за грех, смерть. Считает или не считает православное богословие человека причастным к первородному греху, это не меняет сути дела. Человек рождается грешником.

«Кто рождается чистым от нечистого? Ни один»,— говорит Иов (Иов. 14, 4). Давид подтверждает: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50, 7). Нельзя легковесно разрешить проблему греха. У Бога нет желания мстить человеку, Бог его любит как свое творение. Но Бог свят, и Его закон — «возмездие за грех — смерть» — неизменен. Сам себя человек никак не спасет. Добрые дела не изглаживают вины греха. Заплатить за жертву Иисуса

Христа человеку тоже нечем, его сердце «лукаво и крайне испорчено» (Иер. 17, 9). Человеку свойственно грешить. Без Иисуса Христа он гибнет.

Рассказывают, на Чукотке придумали такой способ уничтожения волков. Обоюдоострый нож ставят лезвием вверх и обливают кровью оленя. Волк начинает лизать замерзшую кровь, не замечая, что дошел до острого лезвия. Лезвие ранит язык. В жадности волк этого не замечает и начинает пить свою кровь, и пьет, пока не истечет кровью. Обессилев, хищник тут же падает.

Подобно и ненасытное желание человека грешить убивает его. Сам он не может спастись и вопиет: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7, 24). Но, благодарение Богу, Избавитель есть! Христос Своєю смертью попрал смерть. Понятно это нам или нет, применима или нет здесь римско-философская юриспруденция, но так предсказано пророками, а значит, так и должно быть. Этому надо искренно верить. «...Как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен...— читаем мы у пророка Исаяи,— за преступления народа Моего претерпел казнь» (Ис. 53, 7—8).

Кажется, яснее сказать и невозможно. Казнь и смерть необходимо было претерпеть Иисусу, чтобы выкупить (искупить) нас из царства смерти. «Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению: когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное» (Ис. 53, 10) — так через пророка Бог открывает Свой план спасения. Да уразумеет каждый, как отвратителен грех в очах святого Бога! Только великая «жертва умилостивления» исполнением Божьего закона — «возмездие за грех — смерть» - спасает нас от смерти. Сначала нужно спасение от смерти, а потом — исцеление от болезни. Мертвого исцелять бесполезно. Вот что необходимо усвоить православным, и тогда пятый стих 53-й главы Исаяи приобретет для них особый смысл: «Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились».

Всем, в отчаянии взывающим: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» — необходимо перейти от 7-й главы Послания к Римлянам к 8-й, где мы читаем: «Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (ст. 1—2). Нужна перемена сущности человека, нужно новое сердце, нужно рождение свыше от воды и Духа. Как родиться свыше? На этот вопрос мы будем отвечать позднее, а сейчас проанализируем изложение вопроса о спасении по обширным рассуждениям Сергея Кобзаря.

Он вырос в среде баптистов, и, конечно, на его богословское мышление баптизм имел положительное влияние. Мне кажется, что, если бы он находился с теми, кто встали в проломе, который произвели атеисты и отступники в церковной ограде, то и жизнь его сложилась бы по-другому. Формализм веры и увлеченность миром в последнее время овладели даже положительными (с догматической точки зрения) протестантскими деноминациями: Чувствуется, что душа Сергея стремилась к полной отдаче Господу, но где-то преткнулась и оказалась на пути, «кажущемся прямым» (Притч. 14, 12).

Вот что С. Кобзарь пишет в своей книге: «Христос говорил о том, что не все верующие достойны Его: „Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня: и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня" (Матф. 10, 37—38). Опять явствует, что для спасения нужна не только вера во Христа, как своего личного Спасителя, но и любовь ко Христу превыше всего, и несение креста. А сколько из нас веруют во Христа, но любят детей, свое удобное положение, репутацию или даже телевизор на деле более, нежели Христа, и, что самое главное, даже не подозревают об этом?» (с. 87—88).

Дорогой Сергей, в братстве МСЦ ЕХБ, где прошла вся моя христианская жизнь, твое увещание вызвало бы сильный резонанс. Мне много раз приходилось быть на бракосочетаниях и самому давать наставление новобрачным. Во времена гонений (с 1961 по 1988 годы), вопреки книге Я- Н. Пейсти «Библейские основы семейной жизни», где говорится, что муж сначала принадлежит Христу, потом семье, а потом церкви, мы невесте задавали вопрос: согласна ли она будет вступить в брак с таким избранником сердца, который сначала принадлежит Христу и церкви, а потом уже жене и семье. Слава Богу, многие жены посвящали своих мужей на

служение, страдания и даже на лишение свободы за Иисуса Христа. А мнение о телевидении, развращающем особенно детей, у нас однозначно во всем братстве: в домах верующих телевизору места нет. Один брат образно назвал его сатаной с доставкой на дом.

Теперь порассуждаем об уверенности в спасении, Ранее мы уже касались этого вопроса, но необходимо еще раз вернуться к нему. Апостол Павел с полной уверенностью говорит: «...готовится мне венец правды, который даст мне Господь» и добавляет: «...и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4, 8). В Послании к Римлянам мы также читаем дерзновенное заявление Апостола: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38—39). Свидетелем спасения является Дух Святой, Который живет только в сердцах рожденных свыше христиан. Почему же не все верующие имеют это свидетельство? Потому, что не все имеют свидетеля — Духа Святого. А что же тогда? Апостол Павел однозначно говорит: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Сразу нужно сделать пояснение, что уверенность в спасении и невозможность потери спасения — понятия совершенно разные.

Учение о предопределении и вытекающем из него принципе невозможности потери спасения имеет глубокие исторические корни. Оно фигурировало еще в гностицизме, и Августин Блаженный, только в двадцать восемь лет порвавший с манихейством (разновидностью гностицизма), не избавился от учения о предопределении. Ж.-Кальвин, французский реформатор церкви, ссылаясь на Августина, разработал целую теологическую систему. Принцип невозможности потери спасения приняли западные баптисты-кальвинисты, но нашему братству (МСЦ ЕХБ) он чужд, так как не имеет твердого основания в Слове Божьем и располагает к беспечности и либеральному образу жизни. Мы должны признать, что православный образ мышления (невозможно при земной жизни знать о своем спасении) был заградительным барьером для учения о невозможности потери спасения.

С. Кобзарь правильно приводит места из Священного Писания, подтверждающие то, что можно отпасть от благодати, то есть потерять спасение (2 Тим. 4, 10; Евр. 2,1; 3: 6, 12, 14; 4, 1; 6: 4-6, 9, 12; 10, 38; 12, 4; 1 Кор. 10, 12 и др.). Но зачем смущать искренних детей Божьих своими доводами, что и мормоны, и расцелесты (свидетели Иеговы) уверены в спасении (с. 88)? Происхождение мормонов вообще связано со спиритизмом, а учение свидетелей Иеговы — это воскресшая ересь Ария, утверждающая, что Христос не является Богом и Дух Святой не личность, а просто сила. Как же они могут без свидетельства Духа Святого, без Его возрождающего действия иметь свидетельство спасения? Такими рассуждениями С. Кобзарь просто обезличивает себя.

Заявление, сделанное им на восемьдесят девятой странице: «Кстати, можете не сомневаться, мои дорогие протестанты, что если вы не прекратите упорствовать в своем отступлении и лжи, то непременно окажетесь на суде среди той группы верующих, которым Христос сказал: „Я никогда не знал вас“», — исключает его из разряда мыслящих по Слову Божьему. Иоанн Креститель сказал о Христе: «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Матф. 3, 12). Веющая лопата в руке Самого Иисуса Христа. Кто ее доверил тебе, диакон Сергей Кобзарь? Зачем ты отправляешь в адские места верующих в Иисуса Христа? Или ты сам взял эту лопату и веешь? Взгляни критически на себя. Ведь ты всего-навсего несостоявшийся протестантский богослов и православный диакон! Зачем ты берешь на себя то, что совершит в свое время Сам Христос?!

Оправдывая православный принцип, что спасение будет по делам, а не по вере, С. Кобзарь приводит слова Христа: «„Алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне" (Матф. 25, 42—45). „Но так как вы верили в Меня — войдите в радость Господина" — так ли заканчивается этот разговор? Нет. „И пойдут сии в муку вечную!" Так от дел или от веры спасение? Здесь наше отношение к ближнему, наши дела становятся в прямую зависимость от нашего спасения» (с. 89). Для человека, мало сведущего в Евангелии, слова Иисуса Христа, как их приводит С.

Кобзарь, могут показаться подтверждающими учение православных, что спасение дается не по вере, а по делам. Но знающий Священное Писание сразу обнаружит нечестный прием С. Кобзаря. Он сознательно из приведенного текста выбрасывает 44-й стих: «Тогда и они скажут Ему в ответ: „Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?“» В этом стихе заключается разгадка всей притчи. Она относится ко времени пришествия Христа, когда Он придет «во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы» (Матф. 25, 31—32). Как уже пояснялось, это пришествие Христа будет видно всем жителям земли. Он придет «во славе Своей». Что является славой Христа? Как добродетельная жена является «венцом» (Притч. 12,4) и «славой мужа» (1 Кор. 11, 7), так и восхищенная Церковь будет славой Иисуса Христа. Церковь является тайной, сокрытой даже от Ангелов (1 Петр. 1,11—12; Еф. 5, 32). Но эта тайна будет открыта пред всеми (Откр. 10, 7; 19, 6—8). Восхищение же Церкви произойдет раньше, невидимо для мира (Матф. 24, 40—41; 1 Фес. 4,15—17). Вот в этой славе, с восхищенной Церковью, и придет Спаситель судить народы. Мы уже отмечали, что православные толкователи даже в конце IV века не решались признать богодухновенность Откровения Иоанна Богослова, где разъяснено, что будет первое и второе воскресение, поэтому им пришлось и верующих, и неверующих представить на Божьем суде в одной общей массе. Это в корне неверно. С. Кобзарь приводит место из Священного Писания (Матф. 25, 42—45), повествующее о событии, когда Церкви уже не будет на земле. Это суд над народами, не жившими по учению Иисуса Христа, поэтому кто-то и будет спрашивать: «Господи! когда мы видели тебя алчущим или жаждущим?..» Они не знали Господа, не имели веры, не вошли в число восхищенных от земли (1 Фес.4, 15—17), поэтому они судятся по делам. Сейчас, когда Евангелие Проповедуется всем народам, каждый человек, приняв верой благую весть и покайся перед Господом, может стать спасенным, ибо «праведный верою жив будет» (Рим. 1, 17).

Напомним еще раз, что суд Божий не будет всеобщим. Он будет включать в себя три этапа. Церковь не судится (Иоан.5,24). Член церкви предстанет не пред судом, а пред судилищем», чтобы дать отчет в своем уповании и получить награду (2 Кор 5, 10). Но своеобразный суд над церковью идет сейчас. В чем же его своеобразие? Член церкви должен судить сам себя. Апостол Павел пишет: «Ибо, если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы; будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11, 31—32).

Вторая стадия суда — суд над народами, о котором мы рассуждали выше и который С. Кобзарь ошибочно представил как всеобщий суд (Матф. 25, 31-46).

Третья стадия суда — суд над грешниками после Тысячелетнего царства Христа на земле при втором воскресении мертвых (Откр. 20: 4—5; 12—15). Христос с Церковью будет судить мир (Матф. 19, 28).

На девяностой странице С. Кобзарь допускает резкое выражение (А. Кураев тоже), сравнивая благодать Иисуса Христа со «всеобщей индульгенцией». Разве можно небесную, Божью милость сравнить с порочным порождением разложившейся государственной церкви?! За индульгенции платили большие деньги, благодать Иисуса — это подарок. За подарок не платят, за него благодарят. «Ибо благодатию вы спасены,— пишет Апостол Павел,— чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2, 8). Конкретнее не скажешь, что спасение «не от дел», а по вере. Бог не лицеприятен. Он хочет, «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 3—4). «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков» (Тит. 2, 11). Спасенными мы становимся после рождения свыше от Божьего Слова (воды) и от Духа Святого (Иоан. 3, 3—6). Рожденный свыше исполняется Духом Святым, Который входит только в чистое сердце и производит плод в нашем духе (Гал. 5, 22—23). Сделать сердце чистым своими силами мы не можем. Очистить его от грехов может только Кровь Иисуса Христа. Но когда очистить? При нашем искреннем покаянии, при исповедании грехов (1 Иоан. 1, 9). В Своей первой проповеди Иисус призывал к обязательному покаянию: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк. 1, 15). Без покаяния спасения нет: «Если не покаетесь, все так же погибнете» (Лук. 13: 3, 5).

Покаявшись, рожденный свыше с новым преображенным сердцем и с плодом Духа обязательно будет творить дела по вере. Это становится его искренним желанием, он просто не сможет жить недобродетельной жизнью. Если же у называющего себя христианином не будет добрых дел, это значит — его вера мертвая (Иак. 2, 14—17). Добрые дела — это следствие истинной веры, они являются свидетельством рождения свыше, если же дел по вере нет, то этот человек просто не рожден свыше. Не рожденный свыше может пытаться творить добро, но, как написано в 13-й главе 1-го Послания к Коринфянам, без любви пользы от добродетели нет (а любовь - плод Духа Святого в нашем духе). Спасается человек только верою, а добрые дела творит не для того, чтобы заслужить спасение, а потому что спасен. Иначе жить он и не может, и не хочет. Тогда понятными становятся слова Иакова: «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: „веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим"» (Иак. 2, 20-23). Сколько бы добрых дел Господь ни позволил нам совершить, сколько бы заслуг мы ни имели при жизни на земле, все равно мы спасаемся только верой в Иисуса Христа. За добрые дела мы можем получить награду (Дан. 12, 3), но не спасение. Награду же, конечно, получают только спасенные.

С. Кобзарь заявляет: «Спасение по вере, но не всякая вера спасительна». Это точно. Спасительная вера — это вера Божья, побеждающая (Марк. 11, 23; 1 Иоан. 5, 4). А Божья вера одна. «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5). Эта вера, безусловно, евангельская, потому что Христос сказал: «...покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк. 1,15). Когда не было еще ни католиков, ни православных, ученики Иисуса Христа стали называться Христианами (Д. Ап. 11, 26). Эту веру Апостол Павел называет евангельской (Фил. 1, 27).

А вот человеческих вер очень много, когда на заповедь придумывается новая заповедь, на правило — новое правило. Есть и бесовская вера, когда внимают «духам обольстителям и учениям бесовским» (1 Тим. 4, 1).

Без веры (конечно же, Божьей) угодить Богу невозможно (Евр. 11, 6). Божья вера ведет к Спасителю. Как утопающий, когда его извлекли из воды и привели в чувство, знает, что он спасен, точно такое же свидетельство вечного спасения имеет рожденный свыше.

Далее на этой же странице С. Кобзарь пишет: «Ни один святой никогда при жизни не был уверен, что спасется». Таких «святых» стоит просто пожалеть, как мы жалеем больного, истратившего на врачей много денег, но не получившего исцеления. Христос всех зовет в Свою небесную школу: «Придите ко Мне все».

Пришедшим Он предлагает: «Возьмите иго Мое на себя» Вот это иго, этот крест должны мы взять и безропотно нести, а не маленький крестик на позолоченной цепочке. Самое же главное в небесной школе Христос предлагает только взявшим иго: «...и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Матф. 11, 28—30). Надо обратить внимание, что глагол «научитесь» употреблен в форме совершенного вида. Действие должно быть обязательно завершенным, чтобы нам не быть похожими на людей, «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим. 3, 7). Уподобляться Христу мы должны через освящение, исполняя в этом тоже Божью волю (1 Фес. 4, 3). Освящение должно совершаться всю жизнь до последнего дыхания. Какого бы совершенства мы ни достигли, перед Богом мы все равно должны быть «нищими духом» (Матф. 5, 3). Даже Апостол Павел не почитал себя достигшим (Фил. 3, 13). «Святой да освящается еще» (Откр. 22, 11). На путь освящения может встать, конечно, только покаявшийся, рожденный свыше. В греческом оригинале понятие, которое переведено на русский язык словом «покаяться», означает поворот в противоположную сторону, то есть на 180 градусов. Покаяние должно иметь завершенное действие. В сердце созревает решение отвернуться от греха, встать к нему спиной, а лицом — ко Христу. Этот поворот нужно осуществить через молитву покаяния один раз и навсегда. Обычно задают вопрос: а если покаявшийся согрешит? Тогда нужно конкретное исповедание совершенного греха. Иоанн наставляет: «Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника» (1 Иоан. 2, 1). Когда Христос омывал

ноги ученикам, то Петр сначала воспротивился, а после просил омыть его всего. Тогда Иисус сказал слова, полные духовного смысла: «...омытому нужно только ноги умыться, потому что чист весь» (Иоан. 13, 10). После омытия всех грехов Кровью Христовой при искреннем обращении у покаявшегося появляется отвращение ко греху. Один новообращенный юноша о происшедшей в нем перемене сказал так: «Раньше я бегал за грехом, а теперь — грех за мной». Для победы над грехом Бог дает силу (1 Иоан. 5, 4). И все же в нашем жизненном хождении мы можем согрешать. Тогда надо конкретно попросить прощение за совершенный грех — вот символическое значение омытия ног. Если согрешит обращенный и вступивший в завет с Господом через крещение, то после исповедания совершенного греха, он получает прощение и остается членом церкви. Ему не надо снова давать Богу обещание доброй совести, как не нужно неполадившим между собой супругам после примирения снова идти в ЗАГС за свидетельством о браке.

Со стороны Христа для нашего спасения сделано все. А что же нужно с нашей стороны? Мы имеем свободную волю, можем или принять спасение, или отвергнуть его. Этой свободы выбора Бог нас не лишает.

Во времена господства атеизма в бывшем СССР дочь верующих родителей была смущена хитрым софистическим вопросом лектора: если Бог всемогущ, то может ли Он создать такой камень, который бы не смог поднять? Она засомневалась во всемогуществе Бога и ее духовное состояние резко ухудшилось. В беседе с отцом она открыла причину своего сомнения. Мудрый отец дал такой ответ: «Доченька, такой камень Бог давно создал. Он называется — свободная воля».

Нам несколько раз с разных сторон приходится освещать самый главный вопрос в жизни человека — спасение души. А как православные смотрят на покаяние и спасение? С. Кобзарь пишет: «Для православного покаяние есть содержание и образ жизни, настроение духа до конца своих дней. Сказать в общем смысле „я каюсь" значит: „Я стал святой, как Христос, я отвернулся и избавился от всякого греха". Неужели протестанты действительно это хотят сказать? А если мы никогда не перестаем грешить, то почему перестаем каяться?» (с. 93).

«Церковь [православная] учит, что от первого обращения к Богу и до самой смерти — это период, данный нам Богом для покаяния... Поэтому православие — это не просто иное догматическое учение, а иной, построенный на покаянии образ жизни» (с. 94).

Какой догматический сумбур! Мы уже пояснили, что покаяние — это поворот в противоположную сторону. Если у православного процесс покаяния совершается всю жизнь, то сколько же раз ему надо поворачиваться на 180 градусов? Если один раз повернулся в противоположную сторону, то второй поворот — возврат в исходное положение. Получается так: грешу и каюсь, каюсь и грешу, чтобы еще раз покаяться; и так всю жизнь кручусь на месте, как юла. У православных произошло смешение понятий — покаяние и освящение. Если покаяние длится всю жизнь, то повеление Христа: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк. 1, 15) остается неисполненным, и вступает в силу Его приговор: «Если не покаетесь, все так же погибнете» (Лук. 13: 3, 5). Если бы женщина рожала младенца несколько месяцев (или еще дольше), то ни мать, ни дитя не остались бы живы. На основании Священного Писания мы можем утверждать, что рождение свыше происходит только после искреннего покаяния. А если нет покаяния, то, значит, нет и рождения свыше. Христос сказал Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Иоан. 3, 3). Как опасно остаться на точке зрения православных! Если за всю жизнь не было подлинного покаяния, то, значит, не было рождения свыше, а если человек не родился свыше, то не увидит Царствия Божия.

О бесполезности крещения младенцев мы будем рассуждать позднее, а сейчас только напомним два из семи условий для получения Духа Святого. «Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов,— и получите дар Святого Духа» (Д. Ап. 2, 38). Напрашивается вывод: если нет покаяния и крещения по вере после покаяния, то нет и дара Святого Духа. «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9).

На вопрос: как стать спасенным и получить дар Святого Духа, Апостол Петр в день Пятидесятницы дал предельно ясный ответ. Вместо этого С. Кобзарь предлагает: «Не менее 40 или даже 120 раз за службу и каждый день сотни раз повторять: „Господи, помилуй“. Это один из верных путей для освящения и стяжания Святого Духа» (с. 95). После всех предписаний на этой же странице делается печальный, пессимистический вывод: «Итак, мы, живя на земле, не можем до конца быть уверенными, что будем спасены. Бог это решает, и, может быть, Его суд будет не таким, как человеческий; может, наша вера и покаяние окажутся не истинными, как нам кажется. Кроме веры, по Писанию, нужно оказаться еще достойными Христа, а мы не знаем, отречемся ли от Него при гонениях, ведь таких случаев немало было».

Какая мрачная картина полного недоверия Богу! Этим выводом перечеркивается все Евангелие, благая, радостная весть о спасении. Перечеркивается 11-я глава Послания к Евреям, провозглашающая веру как оплот и залог спасения. А каким опасным является вывод С. Кобзаря: «Кроме веры, по Писанию, нужно оказаться еще достойным Христа!» Да в чем же наше достоинство? Чем мы можем заслужить спасение, если вся «праведность наша — как запачканная одежда» (Ис. 64, 6)? Чем мы заплатим за смерть Сына Божьего?! «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно чрез Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3, 5—7). Вот в чем наше блаженное упование, вот в чем совершенная радость спасенного благодатью! Мы хвалимся не нашими достоинствами, у нас их нет, но хвалимся Господом (1 Кор. 1, 31), Который по великой любви и милости подарил нам вечное спасение. Вот почему нам хочется любить, прославлять Его и возвещать другим о спасении, которое Он предлагает. Каким контрастом всему православному пессимизму звучит гимн:

Ликуй, ликуй спасенный!
Пусть будет славой, радостью твоей
Спаситель, вознесенный
За все твои грехи на крест скорбей.

Хочется вместе с пророком Исайей засвидетельствовать всему миру: «Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня» (Ис. 61, 10). Эти светлые ризы Божьей праведности несравненно прекрасней длиннополых черных монашеских ряс самоправедности.

Христос предлагает воду жизни: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Иоан. 7, 37). Эта живая вода евангельской веры и для тебя, дорогой читатель, сделается источником, текущим в жизнь вечную, только поверь в Евангелие, покайся с желанием принять крещение по вере, и тогда сам сможешь удостовериться в Божьей благодати. «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33, 9).

О проповеди в православии

В этой главе С. Кобзарь проявляет себя как апологет православной проповеди. Но проповедует ли православная церковь Евангелие так, как повелел Христос? Преподается ли там полноценная Божья истина? Апостол Павел пишет: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3, 16). Христиане первых трех веков настолько жертвенно жизнью и смертью проповедовали Евангелие, что вся Римская империя узнала об Иисусе Христе. С IV века в Восточной и Западной церквях обрядовая статичная форма богослужений стала вытеснять живую евангельскую проповедь. Конечно, и там были единичные подвижники, которые несли Божье Слово в народные массы, были миссионерами, но, как правило, храмовые служения с затверженными, постоянно повторяющимися литургиями, мессами и другими службами далеко не соответствовали повелению Христа: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Марк. 16, 15). Сейчас в православных храмах раз в год прочитывается Евангелие, книга «Откровение Иоанна

Богослова» вообще не применяется в служении. Ветхий Завет (за исключением Псалмов) прихожанам читать не рекомендуется. Многие священники прямо говорили мирянам, что от чтения Библии можно сойти с ума. Хорошо ответил таковым Адриан Югский: «Говорят, что Библия сведет с ума. Да, сведет с греховного ума на ум Христов». Как хотелось бы, чтобы многие из православных последовали этому совету и перестали внимать священникам, не просвещенным библейской истиной.

На девяносто шестой странице С. Кобзарь пишет: «Сейчас в нашей стране, к примеру, нет такой необходимости провозглашать Евангелие на улице, так как все до одного знают, что есть Церковь». Как этот вывод не соответствует словам Ф. М. Достоевского: «Благовестуйте народу Евангелие неустанно — гибель народу без Слова Божьего!» А как же исполнятся слова Христа: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам: и тогда придет конец» (Матф. 24, 14)? Сколько страдальцев за веру молились, чтобы Господь послал «дождь поздний», то есть свободу проповеди Евангелия в нашей стране! Сколько узников, лишенных свободы за истину Христову, с благодарностью увидели, как открылись двери тюрем и поднялся «железный занавес»! И если кто-то, видя гибнущих грешников, посвятил себя самому благородному делу, спасению душ через евангельскую проповедь, то другие, к сожалению, ринулись за океан, кого-то увлек комфорт и бизнес. Каждый даст отчет пред Господом. Всем ринувшимся за «синей птицей», мы можем только сказать, что дело Божье все равно совершится, Евангелие будет проповедано, но не станут ли для кого-то пророческими слова Мардохея, которые он сказал своей двоюродной сестре Есфири: «Если ты промолчишь в это время, то свобода и избавление придет для Иудеев из другого места, а ты и дом отца твоего погибнете» (Есф. 4, 14)?!

Хочется еще раз напомнить, что, по В. С. Соловьеву, есть храмовое, бытовое и вселенское христианство. Как мало все же вселенских христиан, которые воздыхают: «Да приидет Царствие Твое»! Но Христос не придет, пока не будет проповедано Евангелие во свидетельство всем людям.

Мне вспоминается случай, когда молодые опоздали на бракосочетание на сорок минут. Служитель наедине выговорил жениху, что он поступил очень некрасиво, заставив многих ждать. «А что я мог сделать?!» — искренне произнес жених. «Как что? Ты должен был вовремя прибыть со своей невестой», — сказал пресвитер. «Не мог!» — «Почему же?» — «Невеста не была готова», — опустив голову, ответил жених.

Наверное, поэтому Христос и медлит с пришествием, так как Церковь еще не все исполнила из завещанного небесным Женихом.

С. Кобзарь признает, что Апостолы использовали «Андреевский метод» проповеди, то есть передавали благую весть от сердца к сердцу, от дома к дому, но сейчас он считает этот метод ненужным, так как есть телевидение, газеты, журналы, фильмы, интернет. Мы прямо хотим сказать, что все перечисленные средства информации преисполнены развращающими душу и сердце элементами. Слово Божье нас учит: «Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братья мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы: также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду» (Иак. 3, 11—12). С. Кобзарь утверждает, что православный храм сам по себе проповедует. Может быть, он и привлекает внимание людей, но прихожанам нужна проповедь, нужно Евангелие. Служение на непонятном языке не побуждает пришедшего в храм к покаянию, да еще слушателям внушают, что он должен каяться всю жизнь, но при этом уверенности в спасении он все равно не получит. Подобное может порождать только подобное. Это равносильно строительству прекрасных онкологических центров, которые — увы! — не излечат от рака и саркомы.

Иисус повелел ученикам: «Идите, научите все народы» (Матф. 28, 19). У Мартина Лютера это место переведено так: «Идите и сделайте все народы учениками» (Darum genet hin und machet zu Jiingen alle Volker). Забывая это повеление Иисуса, С. Кобзарь с негодованием пишет: «У человека должен быть поиск Бога, и тогда он сможет познать и найти Его. Протестанты же часто просто навязывают, и это уже может стать метанием бисера перед свиньями» (с. 91). А как же тогда понимать слова Христа: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти» (Лук. 14, 23)?

Христос назван «другом мытарей и грешников», и свиньями несчастных именовать не надо. Имя как раз и нужно Евангелие. Свиньями и псами названы отступники и хулители (2 Петр. 2, 20—22).

Оправдывая пассивность православной церкви в распространении Евангелия, С. Кобзарь аргументирует тем, что проповедь можно услышать в храме, да и сам храм, по его мнению, проповедует; но следующее признание все ставит на свои места: «Во время коммунистического правления священникам запрещалось проповедовать принародно и христианской литературы было практически невозможно достать... Священник Дудко, который все же проповедовал общественно в то время, несмотря на все запреты, советовал читать русских классиков как источник для духовного питания, так как Библию было почти невозможно достать» (с. 28).

Горькая правда! А ведь коммунистическое правление длилось семьдесят лет, и православные служители, послушные атеистам или действовавшим заодно с ними, молчали о Христовой правде. Сколько же душ погибло по их вине! Это еще одно доказательство того, что официальное православие всегда было религией, угождающей государственной власти. А где же сейчас Дудко, Якунин? Почему их сейчас нет в высших православных кругах? Значит, требование Соловецких православных узников относительно признания утери священства теми, кто сотрудничал с атеистами, верны?!

В конце этой главы С. Кобзарь со скорбью восклицает: «Никому и знать не хочется того, чему учит православие». Да потому и не хочется, что у всех на виду жизнь попов. Подражать им никто не желает. Грешники жаждут истины, хотят быть спасенными, а спасение в православии — вещь нереальная, потусторонняя, неопределенная. Напрасно, Сергей, ты накладываешь вето на проповедь протестантов. Апостол Павел был рад, если кто-то даже притворно проповедовал (Фил. 1, 18). Господь дал право проповедовать всем рожденным свыше, а вы на рождение свыше даже не претендуете. Не надо уподобляться еврейским священникам, которые запрещали ученикам Иисуса и славить Господа, и возвещать о Нем. На их запрет Христос ответил: «Если они умолкнут, то камни возопиют» (Лук. 19, 40).

О деньгах и платных требах в православии

Уже в самом словосочетании «платные требы» мы не видим несоответствие Священному Писанию. Брала ли плату за свои деяния ветхозаветные пророки? Даже когда Нееман предлагал многоценные дары, Елисей ответил: «Жив Господь, пред лицом Которого стою! не приму» (4 Цар. 5, 16). Своих пророков Бог питал или через бедную вдову из Сарепты Сидонской (3 Цар. 17, 9—15), или через богобоязненного Авдия (3 Цар. 18, 3—4), или через любящую Господа Сонамитянку (4 Цар. 8, 10), а для пророка Илии у потока Хорафа пищу приносили даже вороны (3 Цар. 17, 5—6). Если говорить о служении при Моисее, Давиде, а потом при Соломоне в храме, то там была теократическая система правления, власть принадлежала священству, а потом — царям.

Ж. Кальвин в первые годы Реформации пытался в Женеве учредить систему правления по образцу теократии, но его идея оказалась неосуществимой, так как церковь не может на себя брать роль карателя преступников.

Будучи привилегированным со времен Константина, православное духовенство стало забывать слова Апостола Павла: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы (2 Тим. 3, 12). Верные Иисусу Христу никогда не имели привилегий от мира сего. В Новом Завете мы можем найти подтверждение тому, что пожертвования были и во времена Апостолов (Иоан. 12, 6; 13, 29; Д. Ап. 4, 34—37; 1 Кор. 16, 1—2). Созидая Церкви, Апостол Павел разрешал «проповедующим Евангелие жить от благовестования» (1 Кор. 9, 7—14), хотя сам этим правом не пользовался.

Одно дело иметь небольшое содержание от церкви, но совершенно недопустимо брать деньги за духовные требы. Мне несколько раз приходилось видеть торговлю при храме и в самом православном храме не только свечами, но и крестиками, иконами, духовной литературой. Но самое поразительное: там же вывешиваются расценки на поминовение усопших. У человека

формируется опасное убеждение, что его грехи могут быть замолены после смерти. Это лишает его стремления покаяться пред Господом и оставить грех при жизни. Кто-то надеется на спасение, завещая деньги, приобретенные часто нечестным путем, в пользу православной церкви. Вся панихидная и поминальная система у православных — это индульгенция в рассрочку.

На какие же средства распространялась благая весть гонимыми евангельскими христианами-баптистами? Позвольте привести выдержку из отчета П. В. Павлова на Всемирном Конгрессе баптистов 21 июля 1923 года в Стокгольме:

«Русские баптисты не спорят — они бедны, бедны материально. Наш социальный состав — рабочие и крестьяне. Но мы богаты, богаты духом! Мы переживаем эпоху энтузиазма. Движение наше растет и ширится, потому что в нас жив дух древнеапостольской церкви. И этим энтузиазмом восполняется недостаток материальных средств.

У нас почти нет профессиональных проповедников, регулярно получающих жалованье. Наши работники, в большинстве своем, по примеру Апостола Павла, собственными руками зарабатывают хлеб и проповедуют Евангелие. Голодные, оборванные и часто босые, но влекомые и побуждаемые духом, странствуют они по обширной нашей земле и не всегда (за неимением средств) могут пользоваться железной дорогой. Им известны все нужды и горе братьев, они живут с ними одной жизнью.

Не в пример другим странам, где начиналось баптистское движение, мы до сих пор, существуя в России уже 60 лет, ниоткуда не получали пособия на пропаганду своих идей, хотя враги наши всегда объявляли нас, смотря по политическому моменту, ставленниками то Вильгельма, то Англии, то иностранных капиталистов. Но наш успех — во внутренней силе, которую дает Бог. Поэтому мы не имеем нужды в проповедниках, приезжающих в Россию из-за границы для проповеди Евангелия. Мы обойдемся собственными силами. Успех может быть усилен средствами, достаточными, чтобы хотя немного помогать нашим братьям-проповедникам, отрывающимся от повседневного профессионального труда» («Баптист», №3, 1925 год).

П. В. Иванов-Клышников, выступая на Всемирном Конгрессе баптистов в Торонто 25 июня 1928 года, также отмечал:

«С самого начала работа баптистов в нашей стране находилась в руках природных жителей России. На протяжении всей истории нашего братства нам приходилось упорно отстаивать чистоту баптистских принципов в связи с работой заезжих иностранных миссионеров» («Баптист», №7, 1928 год)

Думается, эти свидетельства говорят о многом.

Мы не можем отвечать за всех протестантов (особенно за неопротестантов и детокрещенцев), но хочется сказать, что за сорок три года братство МСЦ ЕХБ ни с кого не брало никакой платы за проповедь Евангелия и бесплатно распространяло духовную литературу. На всех экземплярах духовной литературы издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ есть пометка: «Распространяется безвозмездно. Продаже не подлежит».

На основании приведенных выше отчетов на конгрессах баптистов, а также свидетельства о жизни братства МСЦ ЕХБ в настоящее время, с нас снимается ранее упомянутый упрек, брошенный в наш адрес А. Кураевым, что будто мы учим «жителей России дружно скандировать: Спасибо тебе, Америка, за то, что ты есть» (с. 7). Мы очень желали бы, чтобы жители бывшего СССР, да и всего мира, воздали славу Богу за Спасителя Христа и за святую Библию, чрез которую Бог учит, как поступать нам во всех жизненных ситуациях. А Библия говорит: «„Несите воды навстречу жаждущим; с хлебом встречайте бегущих" (Ис. 21,14); „Даром получили, даром давайте"(Матф. 10, 8); „Жаждущему дам даром от источника воды живой" (Откр. 21, 6); „Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром" (Откр. 22,17)».

О грехах и грешниках в православии

Так озаглавил С. Кобзарь 13-ю главу своей книги. На сто первой странице он пишет: «На деле православные всего этого не знают [что изложено в православных книгах], пьют, живут, как хотят, в церковь пару раз в году приходят; все смешивают с язычеством и суеверием. Разберемся с этим очень важным вопросом. Во-первых, действительно, если посмотреть, сколько людей приходит на Пасху и посчитать, сколько из них истинно верующих, то, возможно, 80—90% из них окажутся действительно такими, как мы думаем. В Матф. 13, 24—30 Христос предсказал, что среди пшеницы, истинно верующих, всегда будут плевелы, мирские люди... Если человек не ходит в церковь, не исповедуется и не причащается, не читает Писание, не молится, то он сам отлучает себя от церкви. Это не прихожане вовсе, а просто „захожане"... Но сами себя они называют православными».

Спасибо, Сергей, за откровенность. При всей твоей антипатии к братству ЕХБ, из которого ты вышел, такого о нем ты никогда бы не смог написать. Таких членов церкви там нет, они были бы отлучены. В православном же храме эти, как ты их называешь, «захожане», приходя, причащаются хлебом и вином. Можно ли при таком составе участвующих в Евхаристии чашу назвать «чашей благословений» (1 Кор. 10, 16)? Конечно, нет. Христос тайную вечерю совершил после общей пасхальной трапезы. Многие богобоязненные исследователи Евангелия полагают, что Иуды здесь уже не было, он, взяв кусок хлеба, ушел (Иоан. 13, 21-30). Апостол Павел поясняет, приняв все от Самого Господа, что чашу Иисус взял «после вечери» (1 Кор. 11, 23-25).

Почему же в православии не отлучены от церкви эти девяносто процентов «захожан»? Потому что там и церковного членства, такого, какое учредили Апостолы, нет. «Плевелы» в церкви не должны расти. Ссылаться на Матф. 13, 24—30, где плевелы оставлены расти до жатвы, дорогой Сергей, нельзя. Почему? Да потому, что Христос, предельно ясно растолковал ученикам эту притчу, сказав, что поле, где враг посеял плевелы, есть не церковь, а мир. (Матф. 13, 36—38). Вот в мире Христос нам не поручал вырывать «плевелы». Мы не касаемся его политических интриг, предоставляя «мертвым погребать своих мертвецов» (Матф. 8, 22). Церковь же — это особое создание Христово. О ней в Священном Писании оставлено свидетельство: «возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!» (П. Песн. 5, 2), «единственная моя» (П. Песн. 6, 9). Так вот, или нужно начинать основательную «прополку» православия, чтобы оно стало церковью, или же, согласно Священному Писанию, нужно его называть миром. Может быть, и правильно прихожан зовут «мирянами». Но даже клир (православное священство) нельзя назвать церковью, и там нужна «прополка».

Мэр одного из городов Украины проделал интересный эксперимент. Когда православный священник стал обвинять его за то, что он позволил баптистам построить очень красивый дом молитвы и перед ним оградить озеро с лебедями, то мэр неожиданно вызвал своего шофера. «Сажай священника и быстро едем»,— приказал он. «Куда?» — удивленно спросил священник. — «В тюрьму»,— был короткий ответ мэра. Там он велел начальнику тюрьмы провести их по камерам. Когда открывалась дверь камеры и заключенные вопросительно смотрели на священника, мэр задавал вопрос: «Баптисты есть?» - «Нет»,— хором отвечали арестанты. -«А кто же вы?» — «Мы православные»,— везде был один и тот же ответ. «Вы все поняли?» — спросил мэр священника. Тот молчал.

С. Кобзарь с сожалением отмечает: «Библию многие люди, секты искажают» (с. 101). Мы тоже очень сожалеем об этом и очень боимся искаженных новых переводов, где или «Бруклин», или «Новая эра» производят подтасовку под свои догматы. Но что понимают православные под словом «секты»? Конечно же, протестантов, и даже распространяют брошюру столетней давности «Баптисты — самая злобная секта». Давайте рассудим, кто же является сектантом.

На диспуте в православном храме г. Краснодара, на который самоуверенно пригласил настоятель храма наш христианский камерный ансамбль после благовестия в самом большом кинотеатре города, был задан подобный вопрос: «Почему православные называют баптистов сектантами?». Настоятель храма ответил: «Потому что вы отделились от вселенской Церкви». Вопросы и ответы далее последовали в таком порядке: «Вселенская Церковь — это римско-католическая?» — «Нет. Римские паписты — еретики, православные от них отделились в 1054

году». — «Но если православные отделились от римских католиков в 1054 году, а протестанты от них же в 1520 году, то сектантами надо называть и тех и других, и православных, и баптистов?» — «Ни в коем случае! Круг всегда остается кругом. А от него отсекается сектор или сегмент. Все отсеченные — сектанты». — «Но если и те, и другие отсекались от католической (в переводе — вселенской) церкви, которая, по вашему определению, является еретической, то не лучше ли нам за круг принять единое для всего мира Слово Божье, каноническую Библию?» — «Можно и так», — был ответ.

При дальнейшем рассуждении выяснилось, что баптистов никак нельзя назвать сектантами, так как каноническую Библию они принимают всю как Слово Божье без всяких апокрифических дополнений и преданий, не соответствующих библейской истине, а вот о православных этого сказать нельзя. Из Ветхого Завета в богослужениях они, в основном, употребляют только Псалтирь, а из Нового Завета совсем не читают Откровение Иоанна Богослова. Притом, кого считать православными? Спросить старообрядцев — они в один голос скажут, что они на истинном пути. Но старообрядцы поделились на множество течений и толков. Кто же из них прав? Непринявшие советскую власть после революции 1917 года назывались истинно-православными христианами (ИПХ). Православные узники Соловецких островов только себя считают достойными представителями православия, как и украинские «филаретовцы».

Напрашивается парадоксальный вывод: уходил С. Кобзарь от тех, кого называют сектантами, а пришел к настоящим сектантам.

Далее С. Кобзарь делает самоуверенное заявление, вызывающее на лицах тех, кто идет за Господом узким путем, невольную улыбку. Он пишет: «Нет более тернистого пути спасения, чем который предлагает православие» (с. 103).

Еще сто пятьдесят лет назад в «Письме к Гоголю» В. Г. Белинский назвал его за попытку защищать православие обскурантом'. «Что общего, — задает он вопрос Н. В. Гоголю, — между Христом и попом, тем более православным? Христос первый поднял знамя равенства, свободы и братства и мученической смертью запечатлел, утвердил их на кресте». Уже тогда В. Г. Белинский отметил, что если говорить об истинной вере, то она сохранилась лишь в отдельных раскольнических сектах.

Если православие есть «самый тернистый путь спасения», то как же тогда сопоставить с этим выводом С. Кобзаря дальнейшие его рассуждения на той же сто третьей странице: «А сколько сейчас всяких колдунов, знахарей, целителей и прочих слуг сатаны фотографируются на фоне храмов, с крестом или Библией в руках, выдавая себя за православных? Разве это православные люди? Это волки в овечьей шкуре». Почему же этим «волкам» так просто удается подделка под православных? Почему они не фотографируются у баптистских домов молитвы, окружив себя, если она женщина, десятком собственных детей и покрывшись «знаком власти над ней мужа», косынкой? Почему никто из них не называет себя баптистом? Потому что такая подделка будет сразу разоблачена истинными последователями Христа.

Довод С. Кобзаря на сто четвертой странице: «Сколько бы ни было плевелов в православии — смотреть нужно всегда на лучших», — уже был опровергнут раньше на основании Матф. 13, 38. Христос однозначно сказал, что «поле есть мир», а не церковь. Из истинной церкви плевелы удаляются, а не культивируются в ней.

Страницы 106—108 книги С. Кобзаря — это апология винопития. Он даже решается назвать «хитрым ходом сатаны» стремление баптистов на основании Евангелия вообще не употреблять алкогольных напитков. Вот его довод: «Многие протестанты, в частности баптисты, вообще не пьют ни вина, ни каких других спиртных напитков, считая, что это Библия запрещает. Это еще один хитрый ход сатаны — назвать грехом то, что не грех, а потом обвинять всех, кто это делает».

Здесь же С. Кобзарь приводит места из Ветхого Завета, подтверждая, что тогда пили вино. Мы этого не отрицаем, но просим принять к сведению, что и виноградный сок в древности тоже назывался вином. Такой вывод можно сделать из слов виночерпия, рассказавшего свой сон Иосифу: «Мне снилось, вот виноградная лоза предо мною; на лозе три ветви. Она развилась, показался на ней цвет, выросли и созрели на ней ягоды. И чаша фараонова в руке у меня. Я взял

ягод, выжал их в чашу фараонову, и подал чашу в руку фараону» (Быт. 40, 9—11).

Время евангельских событий — это время перехода от Ветхого к Новому. Вполне возможно, что тогда были случаи употребления вина. Но утверждать, как это делает С. Кобзарь на основании Матф. 11, 19 и Лук. 7, 33-34, что и Христос пил вино, нельзя. Мы уже упоминали, что вином могли называть и виноградный сок, а одно предположение, что Христос употреблял крепкие напитки и был, следовательно, в какой-то стадии опьянения - святотатство. Притом в приведенных местах из Священного Писания не Христос говорит о Себе, что пьет вино, а люди говорили о Нем: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам».

В Ветхом Завете мы находим повеление для назорей: «...Он должен воздержаться от вина и крепкого напитка... во все дни назорейства своего» (Числ. 6, 3—4). Кто внимательно читал предыдущие страницы, тот вспомнит, что, говоря о «длинноволосом батюшке», С. Кобзарь доказывал, что «батюшка - тоже назорей». Но какой же тогда он назорей, если пьет и вино и водку? Ни правды, ни логики — одни парадоксы.

С. Кобзарь или забыл, или сознательно не упоминает о повелении Бога, данном священникам: «И сказал Господь Аарону, говоря: вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою, когда входите в скинию собрания, чтобы не умереть. Это вечное постановление в роды ваши» (Лев. 10, 8-9). Через пророка Иезекииля Бог также дает повеление священникам: «И головы своей они не должны брить и не должны отпускать волос, а пусть непременно стригут головы свои. И вина не должен пить ни один священник, когда идет во внутренний двор» (Иез. 44, 20-21). Мы видим, что «длинноволосые батюшки» дважды нарушают Божье постановление: растят волосы и пьют вино.

Когда Христос умер на Голгофе, то завеса в храме разодралась Божьей силой сверху до низу. Теперь доступ в Святое Святых открыт Иисусом Христом каждому без посредников. Апостолом Петром преподан новозаветный принцип всеобщего священства: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9). Если по Своей великой милости Господь так высоко поставил нас (царственное священство), то как мы можем предстать перед Его лицом, употребляя вино и крепкие напитки? А предстояние наше перед Ним должно быть непрерывным. Вот на каком основании, дорогой Сергей, мы не употребляем ни вина, ни других крепких напитков. Господь при искреннем покаянии избавляет новозаветное священство от этого порока.

В Послании Апостола Павла к Тимофею есть такие слова: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина пади желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5, 23). Использовать это место Священного Писания как доказательство, что в Новом Завете позволительно пить вино, нельзя. Сама логика подсказывает: если бы христиане в то время пили вино, то зачем бы Апостолу Павлу давать такой совет Тимофею? Это разрешение как раз свидетельствует, что первые христиане вина уже не употребляли. Никто не осудит брата или сестру по вере, если в лечебных целях они употребят «немного вина», но пить вино для «поднятия тонуса», чтобы развеселить себя — это пьянство, а пьяницы Царствия Божия не наследуют (1 Кор. 6, 10; Гал. 5, 19—21).

«Не грех пить, но грех упиваться, становиться пьяным, когда ум уже не контролирует действия тела», — пишет С. Кобзарь на сто девятой странице. Какое опасное определение! Все, кто стал алкоголиком, начинали с одной рюмочки. Народная мудрость гласит: «Нет молодца, который обманул бы винца: винцо обманывает всякого: и Петра, и Якова». Да и где та грань между «пить» и «упиваться»? Каждый пьяница будет утверждать, что пьет «в меру», и «на своих ногах домой приходит», и в доказательство даже перекрестится. Один из таковых даже огорчился, когда его назвали пьяницей и много слов употребил, убеждая, что он «вовсе не пьяница, а только выпивоха». Сельские батюшки тоже скажут, что по одной чаше можно выпивать, но когда на Пасху или другой праздник они заходят в дома для поздравления и в каждом доме выпивают по «одной чаше» (да и чаша у всех разная), то частенько им нужен не один, а двое провожатых.

Правда, зная наш народ, С. Кобзарь дает еще совет: «Многим славянам, для которых

алкоголь, как известно, является национальной слабостью, может, лучше отказаться от спиртного совсем, чтобы не искушать себя. Но если кто и пьет вино и какие другие спиртные напитки, но он не упивается и не зависит от них, то его нельзя за это обвинять».

Не «национальной слабостью», а национальной трагедией, национальным грехом является алкоголизм во многих народах, и участвовать в нем христианам ни в коем случае нельзя. Чуть раньше С. Кобзарь, по обязанности неопита¹, риторически заявлял, что нет более тернистого (а значит и более узкого) пути, чем православие. Нет, Сергей, это не узкий путь, а либерализм, секуляризация чистой воды. Поэтому-то вчерашние дипломированные атеисты предпочитают теперь называть себя не баптистами, а православными (хотя и здесь есть исключения).

В заключение раздела хочется убедить читателя, что не только «упиваться», но и «выпивать» — грех.

По логике С. Кобзаря, если бы два вора-карманника прошли в троллейбусе по карманам пассажиров, и один вытянул бы сто долларов, а другой — один рубль, то второго вором назвать нельзя. Но они оба — преступники, так как завтра второй может вытянуть из чужого кармана больше первого.

Пройдет очень немного времени, и «пьющие» прихожане, с благословения С. Кобзаря станут «дипломированными» пьяницами. Дай Господь, чтобы хоть кто-то из них вырвался из этой греховной трясины и начал жить по Евангелию. А по Евангелию — христианину можно при воспоминании смерти Господа Иисуса Христа принять глоток вина из общей чаши. Христос сказал: «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание» (1 Кор. 11, 25).

Часть II

О таинствах церкви

Так озаглавлена вторая часть книги С. Кобзаря. Он пишет: «Баптисты, отделившись от Церкви, отвергли всю обрядовую сторону поклонения Богу... кроме обрядов, отвергли таинства, а без них Церковь уже не мыслит себя полноценною... Таинство — это такое действие, которое совершается в Церкви и Церковью, при котором через видимые элементы невидимо подается благодать Святого Духа. Семь таинств церкви суть следующие:

1. Крещение.
2. Миропомазание.
3. Священство.
4. Брак.
5. Исповедь.
6. Евхаристия.
7. Елеосвящение» (с. 109).

Давайте при свете Библии, с Божьей помощью, разберемся и в этом вопросе. Нам необходимо перенестись на пять веков вглубь истории, чтоб иметь четкое представление о Реформации. Реформация — это эпоха религиозного движения XVI века, направленная против жестокостей и мертвых форм католицизма. Результатом Реформации явилось новое христианское вероисповедание - протестантизм. Основные требования Реформации: возврат к первохристианской церкви, упразднение прибавлений к учению Иисуса Христа, протест против крайнего формализма и безжизненности, против жестокого деспотизма над умами, против насилия и денежных вымогателей со стороны папской власти.

Католицизм и православие — это близнецы, порожденные государственной церковью. Требования, предъявленные Реформацией к католицизму, конечно же, относятся и к православию (надо признать, что католичество отступило от учения Иисуса Христа еще дальше, чем православие). Хотя реформаторами было сделано очень много, чтобы вернуть церковь к первоапостольскому служению, но до конца реформа не была осуществлена: где-то церковь не была отделена от государства, где-то глава государства был главой церкви, осталось крещение детей (хотя где-то ввели конфирмацию). Трудно согласиться и с тем, что возрожденное общинное пение простых гимнов (для этого Лютер на первых порах даже использовал народные песни, заменяя слова духовными стихами) стало вытеснять хоровое пение *a capella* и в сопровождении музыкальных инструментов. У. Цвингли даже приказал выломать орган и выбросить его из храма.

Многие толкователи Откровения Иоанна Богослова отмечают, что средневековый период до Реформации соответствует посланию Фиатирской церкви (Откр. 2, 18—29). Это время полного господства Иезавели (Иезавель — дочь Сидонского царя, которая стремилась уничтожить Божьих пророков [3 Цар. 18, 4]), здесь она олицетворяет церковь, полностью соединившуюся с миром и поправшую евангельские истины.

И. В. Каргель для истолкования четвертого, фиатирского, периода обращается к четвертой притче из 13-й главы Евангелия от Матфея, где «женщина положила закваску в три меры муки, доколе не вскисло все» (Матф. 13, 33).

Традиционное ортодоксальное (православное) толкование этой притчи таково: «В притче... изображается внутренняя сила и влияние на людей Царства, его внутренний рост» (Толковая Библия под ред. А. П. Лопухина, т. III, с. 251). Надо признать, что в средневековый, фиатирский, период видимый рост храмового христианства был неестественно бурным, но это было «заквашенное» христианство. Закваска в Священном Писании — символ нечистоты. «Итак, очистите старую закваску, — пишет Апостол Павел, — чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Кор. 5, 7-

у8).

Вот почему нужна была Реформация, которой соответствует пятый, сардийский, период. Но почему же такая печальная оценка дается Ангелу Сардийской церкви: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3, 1)? И что это за люди, о которых мы читаем в 4-м стихе: «Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах»? Духовно живым является только христианин рожденный свыше. Формальное соблюдение обрядов (назови их хоть таинствами) не может возродить человека. Самое великое, что Бог совершил через деятелей Реформации, — это возможность каждому читать Слово Божье на родном языке и соблюдать его.

Из реформаторов Бог воздвиг тех, кто решился соблюсти Слово истины Христовой до конца, облекшись в белые одежды праведности по вере в Иисуса Христа (Откр. 3, 4).

Пятому, сардинскому, периоду соответствует пятая притча из 13-й главы Евангелия от Матфея. «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, нашед, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то» (ст. 44). Мы поем гимн: «Иисус — сокровище святое!». Вот за это Сокровище стоит отдать абсолютно все, даже жизнь. Лишь посвятившие Иисусу каждую клеточку своего сердца будут ходить с Ним в белых одеждах. Из них и создается Его Невеста, вселенская Церковь.

С начала Реформации Бог нашел таких последователей. Их в насмешку называли анабаптистами, то есть перекрещенцами, так как они, поняв бесполезность детского крещения, принимали крещение вторично, уже взрослыми, по вере. Они были жестоко преследуемы как католиками, так и реформаторами-детокрещенцами. Об анабаптистах мы еще будем рассуждать позднее, а сейчас только отметим, что за 100 лет сотни тысяч из них приняли мученическую смерть, как повествует Хусто Л. Гонсалес во 11 томе «Истории христианства». Это число мучеников за чистоту веры Христовой превышает количество умерщвленных христиан за все десять римских гонений.

На основании вышесказанного отпадает обвинение С. Кобзаря, что «баптисты отвергли обрядовую сторону поклонения Богу». Они не отвергли, а не приняли многие, выдуманные католиками и православными, обряды как не соответствующие слову Божьему. Да и самого слова «таинство» мы не найдем в Библии. В то же время все священнодействия, упомянутые в Евангелии, братство МСЦ ЕХБ свято соблюдает. Утверждение, что через семь таинств «подается благодать Святого Духа» тоже не соответствует Священному Писанию. Для получения Святого Духа в Слове Божьем через Апостола Петра нам указан такой путь: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов,— и получите дар Святого Духа (Д. Ап. 2, 38).

Прежде чем перейти к рассуждениям о каждом из семи православных таинств в том порядке, как их излагает С. Кобзарь, следует подчеркнуть, что самым главным и первым таинством (будем говорить языком православных) должно быть возрождение или рождение свыше, которое немыслимо без покаяния. Без него все семь других перечисленных действий будут лишь формальными обрядами. По данным И. Барчука, впервые в Западной и Восточной церквах стали дискутировать о семи таинствах в 1139 году, и только через триста лет эти выдуманные таинства стали доктринами (И. Барчук. Ереси, вошедшие в церковь, с. 45).

О таинстве священства

Приводя место из Евангелия от Иоанна 20, 21—23: «...Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого»,— С. Кобзарь с восхищением добавляет, что только в православии он услышал правильное объяснение этого места. Каково же оно? «Дух Святой здесь был дан только двенадцати Апостолам, и никому более, как власть и особая благодать для совершения таинств» (с. 111).

Мы бы посоветовали православным вместе с С. Кобзарем воздержаться от восхищения таким толкованием, так как оно не соответствует священной истине. Мы можем понять, что православным толкователям очень желательно так изъяснить это место Писания, чтобы иметь

приоритет в преемственности священства, но они сами же себя опровергли. Ты, Сергей, веришь их толкованиям, что эта «особая благодать дана двенадцати Апостолам»? В логике есть так называемый метод единичной аргументации. Суть его в том, что, если в какой-то одной составляющей части логического строения обнаружен явный изъян, значит, рушится все строение. Толкование, претендующее на статус принципиальной догмы, тем более по всем параметрам должно соответствовать евангельской истине.

Все, читающие эти строки, могут убедиться, что «особая благодать для совершения таинств» не была дана двенадцати Апостолам по следующим причинам: во-первых, в тот первый день недели, когда воскресший Иисус явился Апостолам, среди них не было Иуды, он уже удавился. Значит, в то время их было не двенадцать. Если кто-то возразит, что на место Иуды двенадцатым Апостолом стал Матфий, то необходимо напомнить, что избрание Матфия было уже после вознесения Иисуса Христа (Д. Ап. 1, 26). Во-вторых, в тот вечер были собраны не только Апостолы, но и ученики. Об этом ясно сказано в 19-м и 20-м стихах 20-й главы Евангелия от Иоанна. В-третьих, среди собранных было не двенадцать Апостолов, и даже не одиннадцать, а только десять, потому что там не было Апостола Фомы. Об этом повествуется в 24-м стихе этой же главы. Таким образом, логическое строение данного толкования оказывается несостоятельным.

Бог Сам избирает на служение и поручает священнодействие тому, кто будет «сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело» (2 Тим. 2, 21). О таких Иисус ходатайствовал перед Отцом Небесным в первосвященнической молитве (Иоан. 17, 17—21). Нет сомнения, что эта молитва Иисуса услышана и срок ее действия — до скончания века. Каким убогим, в связи с этим, выглядит довод С. Кобзаря относительно преемственности священства «батюшками», ведущими греховную жизнь. По его мнению, грех священников не устраняет их права священнодействовать. «Через грешного священника благодать все равно подается» (с. 121). Этот вывод опровергается местом Священного Писания: «Никакой сын чужой, необрезанный сердцем и необрезанный плотью, не должен входить во святилище Мое... Равно и левиты, которые удалились от Меня во время отступничества Израилева... понесут наказание за вину свою; они не будут приближаться ко Мне, чтобы священнодействовать предо Мною и приступать ко всем святыням Моим...» (Иез. 44, 9—13).

Пишущий эти строки только что прибыл с общения, прошедшего в городе Железногорске, Курской области, на котором бывший православный священник, рукоположенный патриархом Пименом, со слезами раскаяния свидетельствовал, что сам очень увлекался спиртным и что не менее девяноста процентов православных священников — алкоголики. «Прости меня, Господи,— молился он,— что я столько лет обманывал народ!» Теперь он радуется в Господе, приняв вместе с женой (матушкой) крещение по вере в Иисуса Христа в братстве МСЦ ЕХБ.

Утверждением об отсутствии у протестантов преемственности священства были смущены единичные души, ушедшие из протестантизма в православие. Но хочется сказать всем этим душам, что преемственность священства, даже в том плане, как ее понимают православные, в протестантизме есть. Священниками и богословами из протестантов, оставшимися на позициях детокрещения, были Цвингли, Лютер, Меланхтон, Кальвин. Но нас более интересует преемственность священства по линии анабаптистов, отстоявших среди невообразимых гонений со стороны и католиков, и протестантов-детокрещенцев евангельский принцип крещения по вере.

Священниками из анабаптистов были Георг Блаурок и Валтасар Губмайер. В 1535 году стал анабаптистом католический священник Менно Симонс. Его последователи стали называться меннонитами. От меннонитов принимали крещение по вере украинские штундисты. Так называли тех, кто приходил к меннонитам на час молитвы (по-немецки «час» — *stunde*).

Православные могут возразить против такой преемственности священства от католиков, которых они считают еретиками. В таком случае стоит напомнить, что до 1054 года православные и католики были вместе.

Церковная история гласит:

«16 июня 1054 года, когда глава Восточной церкви, константинопольский патриарх

Михаил Кируларий в Софийском соборе готовился совершать причащение, кардинал Гумберт подошел к главному алтарю и положил на него от имени римского папы приговор от отлучения „еретика“ Михаила Кирулария и всех его последователей. Затем он вышел из собора, отряхнул пыль от ног и отправился в Рим. Разрыв между Востоком и Западом стал свершившимся фактом» (Хусто Л. Гонсалес. История христианства, т. 1, с. 245) .

Михаил Кируларий не замедлил в свою очередь предать анафеме римского папу.

Не стоило бы, конечно, православным так гордиться преемственностью священства, потому что преемственность от отлученного еретика» силы не имеет. Лучше бы им обратиться к Священному Писанию и на примере Апостола Павла убедиться, что Божье избрание на священство гораздо важнее, чем человеческая преемственность. Всем известно, что Апостол Павел был гонителем христиан (тогда его имя было Савл). Когда он шел в Дамаск, чтобы репрессировать христиан, Христос обратился к нему с вопросом: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» Слепленного Савла привели в Дамаск. Там ученик по имени Анания по повелению Господа возложил на него руки, чтобы он «прозрел и исполнился Святого Духа» (Д. Ап. 9, 17). Прозрев и крестившись, Савл стал проповедовать об Иисусе, что Он есть Сын Божий, сразу, без апостольского рукоположения. В 13-й главе Деяний Апостолов повествуется об избрании Савла на служение по повелению Духа Святого (ст. 2). Савл стал Апостолом Павлом, который более других потрудился для Господа. Он свидетельствует о личной встрече с Иисусом Христом и принятии служения «от Самого Господа» (1 Кор. 11, 23). Никогда не надо забывать, что Иисус Христос соделал нас «царями и священниками Богу и Отцу Своему» (Откр. 1, 6). Ему дорога каждая душа и пред Ним все мы равны.

На сто тринадцатой странице С. Кобзарь пишет: «Церковь никогда не верила во всеобщее священство». А надо бы поверить, потому что протестантский принцип всеобщего священства основан на Слове Божьем. Напомним еще раз это место Священного Писания: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9). Иисус, умывая ноги ученикам, дал пример подлинной любви. Если бы эта любовь пребывала в православии, то не было бы деления церкви на клир и мирян, не появилась бы церковная иерархия, о которой нет упоминания в Новом Завете (архиепископы, митрополиты, кардиналы, патриархи, папы). Не надо было бы священников облачать в драгоценные одежды и целовать им руку. Иисус учил: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Матф. 20, 26). Пресвитеры и диаконы в первоапостольской Церкви избирались не для возвышения над паствой, а для служения ближним, чего ни у католиков, ни у православных мы не видим. До какого святотатства дошло возвышение епископа, наглядно видно из постановления I Ватиканского собора в 1870 году. Вот некоторые положения о папе (римском епископе):

Папа Римский — это божественный человек и человеческий бог. Во власть и волю папы отдано все, и никто и ничто не может ему противиться. Если бы папа потащил за собою в преисподнюю миллионы людей, то никто не имел бы права спросить его: отец святой, почему вы это сделали? Папа непогрешим, как Бог, и может все делать, что Бог делает. Папа может изменять сущность вещей, делать из ничего что-то. Он во власти из неправды сотворить правду, против правды, без правды и наперекор правде делать все, что ему угодно. Он может противоречить Апостолам и действовать против заповедей, которые передали Апостолы. Он во власти исправить все, что признает необходимым в Новом Завете, может менять сами таинства, основанные Иисусом Христом. Сомневаться в его могуществе — святотатство. Власть его выше и обширнее всех святых и ангелов. Никто не имеет права даже думать опротестовать его решения. Власть папы не имеет границ. Кто противится верховной власти папы, тот грешит против Духа Святого, разделяет Христа и является еретиком. Тройственная корона папы означает троичность его власти: над ангелами на небесах, над людьми на земле и над бесами в преисподней. Бог отдал во власть папы все законы. Если папа вынес решение против суда Божия, то суд Божий должен быть исправлен и изменен».

Комментировать постановление собора излишне, только следует заметить, что все началось с возвышения епископа.

С. Кобзарь все же соглашается с тем, что русские протестанты были рукоположены западными реформаторами, но считает это рукоположение не имеющим силы, так как реформаторы вышли из католиков (с. 114). Мы уже поясняли, что для нас важнее Божье избрание, чем человеческая преемственность, но С. Кобзарь, наверное, забыл, что Русь-то приняла христианство в 988 году, когда не было еще разделения на католиков и православных. Раскол произошел через 66 лет, а до него церковь была единой и называлась католической (вселенской). Выходит, что и князь Владимир, и киевляне приняли крещение от католиков. Непосредственным административным и духовным руководителем русской церкви считался Константинопольский патриарх; русская церковь была одной из его митрополий. В списке митрополий Константинопольского патриарха она стояла на самом последнем месте, хотя по территории была самой крупной. Первый епископ из русских, Илларион, был избран в 1051 году. (Это значит, что он был возведен в сан католическим священником.)

В заключение этого раздела следует ответить на вопрос С. Кобзаря: «Я согласен, что священники — грешные люди, но устраняют ли грехи священства их право священнодействовать?» (с. 120).

Из ветхозаветной истории мы видим, что сыновья Илия, Офни и Финеес, за греховную жизнь были преданы смерти, а дом Илия навеки наказан «за ту вину, что он [Илий] знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их» (1 Цар. 3, 13). Сыны Аарона, Надав и Авиуд, за небрежность в служении были наказаны смертью (Лев. 10, 1-2).

В Новом Завете, если священство отступало от Господа, то отступившей считалась вся церковь. Это видно из 2-й главы Откровения Иоанна Богослова. Бог говорит о Иезавели (церкви, соединившейся с миром): «Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покаялась. Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертью...» (ст. 21—23). Детей, конечно, надо разуметь в духовном смысле, наследников такой церкви. Хочется только добавить: имеющий ухо слышать, да слышит!

Удивительное подтверждение об избрании отдельных личностей и ниспослании им благодати для священнодействия Самим Богом. без человеческой преемственности священства, пишущий эти строки нашел у современного православного историка, игумена Иоанна Экономцева, в его историческом исследовании «Православие. Византия. Россия.» (М., 1992). Повествуя о Симеоне Новом Богослове (949—1022), который был выразителем «эпохи самоуглубления и психоанализа, мучительного исследования подполья человеческой души, напряженной аскезы, мистических озарений, жажды личностной встречи с Богом» (с. 39), И. Экономцев приводит свидетельство Симеона о своем наставнике. Мы читаем:

«Говоря о своем духовном отце Симеоне Благоговейном, сыгравшем решающую роль в его жизни, Симеон Новый Богослов заявляет, что тот, не имея священнического сана, „стал причастником Его [Христа] дарований и получил от Него власть вязать и разрешать согрешения Духом Святым“. Не по этому ли праву божественного избранника преподобный Антоний Печорский, „по смирению“ также не имевший священнического сана, осуществлял пострижение в монахи и назначал игуменов? Не отсюда ли берет начало русское старчество, огромное влияние которого среди народа на протяжении тысячелетия основывалось не на авторитете церковной власти, а на зримом проявлении харизматических даров, получаемых непосредственно от Бога?» (с. 42).

Благодарение Богу, что устами самих защитников православия разрушается догмат (таинство), что только через имеющих преемственность священства свершается священнодействие. На ранее упомянутом диспуте в православном храме г. Краснодара баптистский проповедник задал священнику вопрос: по какой линии он имеет преемственность священства, от Мелхиседека или от Аарона. «Наверное, от Мелхиседека», — был ответ. «А твой владыка доказывает, что от Аарона. Вы хоть бы сговорились между собой, какая у вас преемственность, да и есть ли она», — ответил проповедник.

О крещении

Вопрос о крещении С. Кобзарь предлагает разбить на два подвопроса:

1. Что есть крещение?
2. Можно ли крестить детей?

Одним росчерком пера он пытается устранить исторические данные относительно детокрещения. Конечно, они не подходят защитнику православия. На тридцать шестой странице он, непочтительно отзываясь о верном служителе Божьем и серьезном исследователе истории христианства П. И. Рогозине, пишет: «Мнение, что детокрещение было установлено уже после Константина в IV—V веках, как предлагает Рогозин в своей, видимо, ему приснившейся хронологии, неосновательно». В подтверждение этому С. Кобзарь приводит некоторые высказывания церковных деятелей, относящихся к концу II и началу III веков, в которых якобы поощряется крещение детей. Но от высказывания мнения до принятия решения иногда проходит много столетий. Пытаться перекраивать историю бесполезно и неэтично.

Прежде чем рассмотреть вопрос о крещении в предложенном С. Кобзарем порядке, приведем еще свидетельства вдумчивого исследователя истории христианства Ивана Барчука. Его книга «Ереси, вошедшие в церковь» написана на украинском языке и переведена на русский. На четырнадцатой странице он пишет: «Теперь мы подошли к седьмой ереси, одной из наибольших, которая основательно разрушила церковь Христову — это крещение младенцев. Об этой ереси разговоры начались в 342 году, но борьба из-за этой ереси кипела почти сто лет. Только в 416 году эта борьба начала утихать, но еще долго не было ни единого убеждения, ни единой практики, так как в этот период крестили еще и взрослых, но уже крестили и младенцев, и, наконец, в VI столетии крещение младенцев окончательно пересилило».

Перейдем к рассмотрению первого подвопроса: что есть крещение? В греческом оригинале слово «крещение» (*baptizo*) означает погружение в воду. Крещение, преподанное Иоанном Крестителем, символизировало покаяние, чтобы люди верили в грядущего Иисуса Христа (Д. Ап. 19, 4). Крещение во имя Господа Иисуса Христа (Д. Ап. 19, 5), или во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (Матф. 28, 19), имеет более глубокое значение. Апостол Павел раскрывает духовную сущность такого крещения: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. 6, 3—5); «...бывши погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога» (Кол. 2, 12).

Погружение в воду символизирует погребение нашего ветхого греховного человека. «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27). Тот момент, когда крещаемый поднимается из воды после полного погружения, символизирует воскресение для новой жизни во Христе Иисусе. Живых в могилу не закапывают, только мертвых. Крещение не покаявшихся в грехах, не получивших прощения и живущих греховной жизнью не имеет никакого смысла. В то же время, покаяние без желания принять крещение не есть покаяние. Вот почему эти два слова — покаяние и крещение — в Священном Писании часто встречаются рядом. Эти два действия являются необходимым условием для получения дара Святого Духа (Д. Ап. 2, 38). Из I Петра 3, 21 мы узнаем о главном значении крещения. Это «обещание Богу доброй совести». Доброй совесть может быть только у покаявшегося, прощенного, рожденного свыше. Рожденный свыше, безусловно, имеет спасение, а обещание Богу доброй совести является подтверждением спасения и желания служить Господу, открыто исповедуя Его перед людьми.

Солдат может быть призван в армию, одет в военный мундир, но пока он не принесет присяги, никто ему не даст ответственного поручения. Только после крещения мы становимся полноценными воинами Иисуса Христа. Сейчас очень важно выяснить, кто является рожденным свыше. В беседе с Никодимом Иисус сказал: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан. 3: 3, 5). Ни православные, ни католики не будут

оспаривать, что без Духа Святого не может быть рождения свыше, но что значит «родиться от воды»? Появившееся в III веке толкование, что под водой надо подразумевать купель или водоем, в который священник погружает крещаемого, является человеческой выдумкой и никак не подтверждается Словом Божиим. Это толкование породило ересь — детокрещение. В беседе с самарянкой Христос говорит о воде, которая «сделается... источником воды, текущей в жизнь вечную» (Иоан. 4, 14). Всем ясно, что это не вода из колодца Иаковлева, а Слово, исходящее из уст Христа. Подобное иносказание мы видим в Иоан. 7, 37. Христос говорит: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей». Апостол Павел поясняет: «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова» (Еф. 5, 25—26); «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом» (Тит. 3, 5). Христос дает «воду жизни даром» (Откр. 22, 17). Значит, рождение свыше совершается посредством Слова Божьего и Духа Святого. Одним из ключевых догматов ЕХБ является сознательное крещение по вере рожденных свыше, спасенных Иисусом Христом.

Мы еще будем касаться рассуждений о крещении так называемых отцов Церкви, мнение которых С. Кобзарь будет приводить в защиту детокрещения, а сейчас необходимо заметить, что Иоанн I Златоуст, Григорий Богослов (Назианзин), Василий Великий, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный крещение принимали по вере, взрослыми. Значит, по таинству крещения их вполне можно назвать баптистами. Может быть, при этих словах кто-то из поборников православных детокрещенцев возмутится, но это — факт. Обратимся еще к одному обвинению, возводимому С. Кобзарем на протестантов. Он пишет: «Протестанты отошли от Никео-Константинопольского символа веры, который они признают теоретически, ведь он утверждает: „Исповедую единое крещение во оставление грехов“. У нас же [здесь С. Кобзарь себя ставит на место протестантов] оно и не единое — мы ведь перекрещиваем православных; и не оставляет грехи» (с. 124).

Относительно связи покаяния с крещением во оставление грехов речь уже шла выше, где на основании Священного Писания был дан ответ, а о Никео-Константинопольском символе веры необходимо сказать, что этот символ не вполне отражает доктрины Священного Писания. Он был составлен против ереси Ария, но в нем совершенно не отражено эсхатологическое откровение, данное Богом через Иисуса Христа Иоанну Богослову. Слова символа: «Чаю воскресения мертвых» не дают даже намека на то, что будет первое и второе воскресение мертвых, а между ними — Тысячелетнее царство Иисуса Христа (Откр. 20, 4—6). Мало того, 11 Вселенский собор в Константинополе в 381 году осудил учение о хилиазме, так как Откровение Иоанна Богослова еще не считалось богодухновенным. Мы уже ранее упоминали, что даже Иоанн Златоуст в своих трудах не делает ссылок на книгу Откровения. Положение символа веры: «Исповедую единое крещение» — евангельские христиане-баптисты соблюдают на основании вывода Апостола Павла: «Один Господь, одна вера, одно крещение» (Еф. 4, 5). Сущность слов «одно крещение» заключается в том, что образец крещения дан в Священном Писании и иного не может быть. Обратимся к 3-й главе Евангелия от Матфея. Перед тем, как крестить народ, Иоанн Креститель призывал к покаянию (ст. 2). «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (ст. 5—6). Из этих стихов мы видим, что крещение происходило в естественном водоеме, в Иордане, а не в какой-то купели; люди крестились, «исповедуя грехи свои», что свойственно только взрослым. Фарисеям и саддукеям Иоанн не преподавал крещения, так как им необходимо было «сотворить достойный плод покаяния» (ст. 7—8). Иисуса Христа не крестили в детстве, Он пришел к Иоанну креститься взрослым (ст. 13). Сын Божий был безгрешным, Ему не надо было исповедовать грехи, но Он, назвав это крещение «правдой», утвердил образец такого единственного крещения (ст. 13—15). Крещение совершалось погружением в воду, а не окроплением и не рисованием водой крестика на лбу (ст. 16). Вот таким крещением должен человек один раз креститься, давая Богу обещание доброй совести (1 Петр. 3, 21).

На упрек, что протестанты перекрещивают православных, следует сказать, что их не перекрещивают, а они, покаившись, принимают то одно крещение, которое заповедано в

Священном Писании. Обряд же, который в православии совершается священником над восьмидневным несмышлением считать крещением ни в коем случае нельзя, так как креститься и дать Богу обещание доброй совести может только обладающий свободой воли взрослый, мыслящий, покаявшийся человек. Если Христос, принимая крещение, сказал Иоанну: «Так надлежит нам исполнить всякую правду» (Матф. 3, 15), если за эту правду сотни тысяч анабаптистов шли на смерть, то и мы должны так принимать крещение.

Если кому-то неубедительными покажутся эти доводы, мы предлагаем рассмотреть шедевр русского художника А. А. Иванова «Явление Христа народу». Он двадцать лет писал эту картину, а перед этим столько же лет провел в Италии, постигая искусство живописи и тщательно изучая Евангелие. Картина изображает момент прихода Иисуса на Иордан креститься от Иоанна. Иоанна окружает народ: кто-то готовится принять крещение, кто-то уже принял. О многом говорит фигура «дрожащего». Он весь мокрый, значит, крещение совершалось погружением в воду. Младенцев на картине нет, потому что крестились только взрослые.

Может ли человек быть спасенным, не приняв крещение? На этот вопрос Слово Божье отвечает утвердительно. Крещение принимает уверовавший в Иисуса Христа, но спасает все же вера, а не крещение. «Праведный своею верою жив будет» (Аввак. 2, 4; Рим. 1, 17). «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Иоиль 2, 32). «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься» (Д. Ап. 16, 31). Распятому на кресте разбойнику Христос сказал: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лук. 23, 43). Войдут ли уверовавшие в Иисуса Христа, но не успевшие принять крещение в число Его Церкви или будут среди спасенных народов — это другой вопрос, но основой спасения является вера в Господа Иисуса Христа. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Д. Ап. 4, 12). Поэтому для знающих Священное Писание беспочвенно утверждение С. Кобзаря на двенадцатой странице: «Смыть в крещении не нечистоту плоти, а грехи может только Церковь». Этот догмат опасен. Он опять приведет к индульгенциям и новому папству, от которого протестанты, слава Богу, отошли, чтобы вернуться к первоапостольскому принципу спасения по вере.

Абсурдно звучит и вопрос, заданный С. Кобзарем на сто двадцать седьмой странице: «Да и разве достойных только нужно крестить?» Наше достоинство в Иисусе Христе. Мы все согрешили и лишены славы Божьей, но мы спасаемся благодатью чрез веру (Еф. 2, 8). Христос облек нас «в ризы спасения», одел «одеждою правды» (Ис. 61, 10). Если же человек неверием отвергает благодать, не умер для греха, не облекся верою в ризы спасения, то как ему преподавать крещение? Его совесть еще не добрая, он не может дать обещание Богу. Конечно, кто-то может обманым путем проникнуть в поместную церковь. Апостол Павел предупреждал, что по отшествии его войдут «лютые волки, не щадящие стада» (Д. Ап. 20, 29), но преподавать «волку» крещение, заведомо зная все о нем, — это святотатство. Необходимо опять вспомнить притчу о плевелах (Матф. 13, 24-30) и не забывать, что поле с подсеянными плевелами есть мир, а не церковь (Матф. 13, 38).

Может быть, С. Кобзарю и пора бы поставить вопрос перед вдумчивыми людьми: чем является православие — миром или церковью? Бога обмануть невозможно. Он — сердцеведец. Каждый в свое время получит должное воздаяние. «С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним — искренно, с чистым — чисто, а с лукавым - по лукавству его» (Пс. 17, 26—27). Кто хочет обманым путем проникнуть в церковь, не желая исповедовать и оставить грех, тот в конечном итоге обманет только себя.

Перейдем ко второму подвопросу: можно ли крестить детей?

Если для ответа на данный вопрос руководствоваться учением Иисуса Христа и Апостолов, то ответ будет однозначным — нельзя! У кого-то возникнет вопрос: почему нельзя? Да потому, что Христос и Дух Святой, о Котором Иисус сказал, что Он «наставит на всякую истину» (Иоан. 16, 13), ничего нужного для спасения человека упустить не могли. Перечитайте весь Новый Завет, и ни одного конкретного примера крещения детей вы не найдете. Если Иисус спасает по вере в Него, а не через крещение, которое нужно для служения Богу, то ясно, что младенцев крестить не нужно. Если вдруг дитя умрет до сознательного возраста, оно не судится. Всем известно, что ни один гражданский суд не будет судить ребенка в таком возрасте. Даже

взрослым суд не вменяет преступления, если у них расстроена психика. Поэтому их и называют невменяемыми.

Родители должны воспитывать детей «в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4). На наших богослужениях на покаяние иногда выходят дети дошкольного возраста, понимая, что всякая неправда и непослушание родителям есть грех. Конечно, между детьми верующих и неверующих родителей есть разница. Апостол Павел по данному вопросу дает такое пояснение: «Ибо неверующий муж освящается женою (верующею), и жена неверующая освящается мужем (верующим); иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (1 Кор. 7, 14). Куда идут души умерших детей неверующих родителей — это тайна Божия, но что они не судятся — это однозначно.

Большой вред от детского крещения в том, что дитя, крещенное у православных, считается членом церкви. Но сплошь и рядом мы видим, как так называемые «члены церкви», вырастая с крестиком на шее, ведут самую распутную жизнь и тем порочат имя Иисуса Христа и звание члена Церкви Христовой. У евангельских христиан-баптистов этого, конечно, нет.

Прежде чем продолжить исследование данного вопроса по Евангелию, полезно еще раз напомнить мнение анабаптистов по вопросу крещения детей. Заглянем вновь в книгу Хусто Л. Гонсалеса.

«... Компромисс между церковью и государством, достигнутый в результате обращения Константина, сам по себе был предательством раннего христианства. Истинное повиновение Писанию требует, чтобы начатая Лютером реформация пошла гораздо дальше рамок, установленных этим реформатором. Церковь не надо путать с обществом в целом. Коренное различие заключается в том, что членом общества человек становится просто-напросто в силу факта своего рождения в нем, не требующего принятия решения с его стороны, тогда как членом церкви он может стать, только самолично приняв данное решение. Исходя из этого, крещение младенцев недопустимо, так как оно подразумевает, что человек становится христианином просто потому, что он родился в обществе, считающемся христианским. Это делает необязательным принятие личного решения, в котором и заключается суть христианской веры» (Хусто Л. Гонсалес. История христианства, т. 2, СПб., изд. Библия для всех, 2002, с. 53).

Теперь обратимся непосредственно к Новому Завету. Ко Христу приносили (Марк. 10, 13) и приводили детей (Матф. 19, 13). Иисус возлагал на них руки и благословлял (Марк. 10, 16). Вот так нужно приносить и приводить детей в церковь для благословения, но не крестить их, пока они, покаявшись, сами не пожелают дать Богу обещание доброй совести через водное крещение. Евангелие от Матфея заканчивается такими словами Иисуса Христа: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Матф. 28, 19—20). Люди должны быть перед крещением научены, а научить можно только пришедших в разумный возраст. Мы уже говорили, что крещение без веры в Иисуса Христа не имеет смысла. Христос дал такое последнее наставление ученикам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». (Марк. 16, 15—16). Здесь важно отметить, что сначала нужно уверовать, а потом креститься, у православных же все наоборот. А кто же будет осужден? Кто не будет веровать. Нужно обратить внимание, что в предупреждении неверующим опущено слово «креститься». Потому что даже принявший крещение человек подвергнется осуждению, если он не будет иметь веры.

Чем все же православные пытаются обосновать крещение детей? Только возникшими позднее преданиями. Когда же предания стали внедряться в жизнь, под них стали, в полном смысле слова, подтасовывать Священное Писание. Мы уже говорили, что многие православные обряды корнями уходят в Ветхий Завет. Крещение младенцев совершается на восьмой от рождения день, потому что в Ветхом Завете над мальчиками в этом возрасте совершалось обрезание (Лев. 12, 2—3). Очень неподходящая аналогия! Разумный человек спросит: «Но там же только над мальчиками совершалось обрезание, а зачем же вы и девочек крестите на восьмой день?». Как опасно заповедь Божию превратить в обряд, пусть даже он и назван таинством!

Православные пытаются использовать три факта из Деяний Апостолов, где упоминается о

крещении целого дома. Но строить догматику на «авось там были и дети» очень опасно и крайне нелогично.

На эту тему позвольте привести рассуждения из книги И. Барчука «Ереси, вошедшие в церковь». Он пишет:

*«Что это, беспрекословно, ересь /крещение младенцев/ видно даже из того, что в Новом Завете нет нигде намека о крещении младенцев, и нет ни одного примера, чтобы где-то кто-то крестил младенца. Правда, защитники крещения младенцев подгоняют три факта, где есть упоминание о крещении целого дома, и утверждают, что*там могли же быть и младенцы. Возможно, могли быть, но могли и не быть. Это не аргумент. А аргументом являются такие факты: например, о доме Корнилия читаем такие слова: „Теперь мы все предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога... Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово... Тогда Петр сказал: кто может запретить креститься водою тем, которые как и мы получили Святого Духа" (Д. Ап. 10:33,44—47).*

Здесь видим, что все те, кто были крещены, стояли, слушали, несомненно, верили и приняли Святого Духа. Потому понятно, что между ними не было младенцев.

В доме Лидии, торговавшей багрянницей, не упоминается конкретно муж, но только она сама, как хозяйка. потому она была либо вдова, либо незамужняя. Так что ее дом мог состоять из взрослых детей или из прислуги (Д. Ап. 16, 15), но младенцев не было.

В доме темничного стража также младенцев не было, так как все домашние могли слушать Слово Божье и радоваться тому, что уверовали в Бога (Д. Ап. 16, 32—34).

Таким образом, ясно, что нет никакого основания допускать, что в каком-то доме мог быть крещен младенец. Тем более, что все учение Нового Завета о крещении ставит кандидатам такие требования, какие никакой младенец не может выполнить, а потому не может быть крещенным. Например, кандидат на крещение, прежде всего, должен быть научен Христову учению (Матф. 28, 19); должен уверовать в Него (Марк. 16, 15—16; Д. Ап. 8, 36—38); должен покаяться (Д. Ап. 2, 38); принять Слово Божье (Д. Ап. 2, 41) и дать обещание доброй совести пред Богом (1 Петр.3,21)» (с. 14—15).

В защиту детокрещения С. Кобзарь приводит еще одно место из Библии, но уместно ли оно? Предоставим читателю самому разобраться в этом. «Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (Д. Ап. 2, 38—39). Думаю, что вдумчивый читатель в этом месте Священного Писания ясно увидит смену поколений от слушающих ближних до всех дальних, а не разрешение на крещение детей. Притом в этом тексте условия для крещения все равно остаются для всех одинаковыми.

Еще один довод С. Кобзарь позаимствовал у своего коллеги. Он пишет: «Диакон А. Кураев рассказывает случай, когда один сатанист пришел к нему и спрашивал о том, как смыть с себя крещение церковное, совершенное в детстве. Оно мешало ему полноценно служить сатане. Разве не свидетельствует это о действительности детокрещения?» (с. 130).

Что сказать на это? Бедные православные диаконы! Куда только смотрят ваши иереи, зная, что для защиты православной догматики вы используете рассказы сатанистов? Хорошо, хоть не самого сатану вы выслушали, а то он, «лжец и отец лжи», привел бы вам еще более «веские аргументы»! Впрочем, С. Кобзарь выпустил свою книгу «по благословению высокопреосвященнейшего Иллариона, митрополита Донецкого и Мариупольского, управляющего Горловской епархией». Какой же вывод? Видимо, православные диаконы и митрополиты «мазаны одним миром»...

На сто тридцать второй странице С. Кобзарь сетует на установленный у ЕХБ возраст для крещения — не менее 16—18 лет по государственному праву. В братстве МСЦ ЕХБ такого установления нет. Рождение свыше — вот основание для допуска к крещению в любом физическом возрасте. Протестанты-детокрещенцы придумали конфирмацию, православные — крестных отца и мать, но это бесполезно, так как «человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» (Пс. 48, 8). Сейчас очень модным стало слово «перестройка». Не

похожи ли указанные выше действия на духовную перестройку?

Когда я вернулся домой после второго срока лишения свободы за верность Господу, уполномоченный по делам религий Донецкого областного исполкома (говорят, что он отошел в вечность, приняв крещение по вере) встретил меня вопросом: «Как вы перестраиваетесь?». Я ответил, что никак не перестраиваемся. «Как же так,— продолжил он,— все перестраиваются, а вы нет?» Я ответил: «Перестраиваются те, кто плохо или неправильно строили, а наше строение, Церковь, созидает совершеннейший Строитель по безукоризненному плану Небесного Отца. Нам необходимо только подстраиваться под этот проект, руководствуясь Словом Божиим, и за все благодарить Творца». — «Ну, вы неисправимый!» — возмутился он. «Я пошел в узы не для исправления, а для утверждения в Христовой вере и для проповеди Евангелия среди заключенных»,— был мой ответ.

Прошу прощение за маленькое отступление от темы, в котором хотелось напомнить, чтобы мы стремились, не отступая от единственно верного плана, Слова Божьего, заниматься домостроительством тайн Божиих (1 Кор. 4,1—2). Если самые лучшие строители будут строить здание не по одному, а по нескольким, хотя бы даже по двум, проектам, то вряд ли такое строительство будет иметь успех. Божий проект Церкви — это Священное Писание, все человеческие поправки к этому проекту недопустимы.

На сто тридцать шестой странице С. Кобзарь приводит высказывания церковных деятелей, призывающих не препятствовать детокрещению, но все они жили в III и IV веках. Значит, прав был П. И. Рогозин (это подтверждает и И. Барчук), что дискуссия о крещении младенцев началась в начале IV века и продолжалась до 416 года. Это нетрудно подтвердить историческими фактами. Взрослыми крестились родные братья Василий Великий (род. в 329 г.) и Григорий Нисский (род. ок. 335 г.), а они происходили из знатной христианской семьи. Их дедушка и бабушка семь лет скрывались в лесах во время гонений при императоре Деции. Если бы тогда было принято крестить младенцев, то своих внуков (Василия и Григория) они непременно бы крестили в детстве.

Взрослым принял крещение и друг Василия Великого, Григорий Богослов (Назианзин), а его отец был епископом города Назианза. Уж епископ обязательно бы крестил своего сына в младенческом возрасте, если бы было такое постановление. Значит, его не было.

Эти исторические данные разрушают еще один догмат православных (и католиков), что епископы должны быть безбрачными.

Иоанн Златоуст (Хризостом) родился в 347 году, уверовал через свою мать, а крещение принял в двадцатилетнем возрасте. Амвросий, епископ Медиоланский, принял крещение в 373 году, после назначения его епископом г. Медиолана (сейчас — Милан). Августин Блаженный имел верующую мать Монику, а крестился в двадцать восемь лет. Мы могли бы привести подобные свидетельства о Киприане и некоторых других деятелях церкви IV века, но думаем, что и этих неопровержимых доказательств, об отсутствии постановления о крещении младенцев в то время, достаточно.

С. Кобзарь, как утопающий за соломинку, пытается ухватиться еще за один факт. На сто тридцать седьмой странице он пишет: «Почему они [упомянутые отцы церкви] сами не были крещены в детстве — это нужно бы спросить их родителей, ответов здесь может быть много... Известно также, что в то время было распространено мнение, что креститься нужно ближе к смерти, чтобы поменьше нагрешить после крещения». Но этим доводом С. Кобзарь еще больше опровергает необходимость крещения младенцев. Каждый здравомыслящий христианин спросит: «Если бытовало мнение, что креститься надо ближе к смерти, то тем более зачем же крестить младенцев? Чтобы они больше нагрешили?» Полное отсутствие и логики, и истины.

Евангельские истины неопровержимы. Их надо соблюдать, а не извращать и опровергать. Да поможет Господь всем искателям истины ориентироваться только на Слово Божье. «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118, 105).

О таинстве миропомазания

Так озаглавил С. Кобзарь третью главу этой части книги.

В православии обряд миропомазания совершается над крещенными сразу после крещения. По православной догматике через миропомазание подается Дух Святой. Миропомазанием православные, по сути, заменили молитву благословения с возложением рук на голову принявшего крещение.

«При совершении таинства миропомазания,— пишет С. Кобзарь,— священник начертывает при помощи кисточки на лбу и руках человека освященным миром крест, что является внешним знаком сведения Духа Святого на него и запечатление его Им; с того момента человек принадлежит Богу» (с. 142). Откуда взят этот обряд? Опять же — из Ветхого Завета. Православные ссылаются на книгу Иезекииля: «И сказал ему Господь: пройди посреди города, посреди Иерусалима и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак» (Иез. 9, 4). Ключом для понимания многих обрядовых действий в Ветхом Завете являются слова Апостола Павла: «Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор. 10, 11).

Православие изобилует обрядами, взятыми из Ветхого Завета или выдуманными. Забыто изречение Иисуса: «СЛОВА, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоан. 6, 63). Обрядовая форма служения вытеснила содержание, дух истинной жизни во Христе Иисусе. Вековая история «осветила» эти обряды, а по сути, превратила их в магические фетиши. Изменение обрядов порождало даже расколы в православии. Название «раскольники-старообрядцы» говорит само за себя. Православные не скрывают, что миропомазание является позднейшей подменой благословляющей молитвы с возложением рук на принявших крещение.

С. Кобзарь пишет: «Позже, когда Церковь ширилась, то невозможно было епископам на всех полагать руки [Правильнее — возлагать. Молитву благословения с возложением рук необходимо отличать от рукоположения на священнодействие.], и рукоположение было заменено миропомазанием, таким же законным и Богом установленным внешним знаком сведения Духа Святого. Епископ освящает миро и рассылает священникам, и ими совершается это таинство» (с. 140).

Основанием для этих действий берутся опять же места из Ветхого Завета (Исх. 30, 22-33; 1 Цар. 10, 1; 16, 13), которые, прямо скажем, не соответствуют описываемым действиям.

Далее С. Кобзарь приводит высказывание Феофила Антиохийского, который название „христиане" связывает с помазанием елеем. Он говорит: «Имя Христа, значит, помазанника,— имя приличное... Мы потому называемся христианами, что помазываемся Божественным елеем» (с. 140).

На это утверждение мы можем возразить тем, что задолго до введения миропомазания «ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» (Д. Ап. 11, 26). В Новом Завете мы не имеем указаний на замену молитвы с возложением рук миропомазанием. Это вновь — «заповедь на заповедь, правило на правило».

С. Кобзарь на сто сорок первой странице пытается оправдать эти действия словами из Послания Иоанна. Вот его доводы: «Иоанн Богослов, проживший почти до конца I века, пишет о помазании от Святого, научающем верующего истине. Очевидно, что здесь он упоминает уже о таинстве Миропомазания». Давайте внимательно прочитаем 1 Иоан. 2: 20, 27: «Вы имеете помазание от Святого и знаете все... Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте». Ясно, что здесь Иоанн говорит о Духе Святом, пребывающем на верующих, как о действии совершившемся, а не о будущем миропомазании. Обряд никогда не заменит Духа Святого, Который вселяется в сердце человека при искреннем покаянии.

Представьте только картину: восьмидневному младенцу после крещения нарисовали кисточкой, смоченной в елее, крестики на лбу и на руках и читают ему слова Иоанна: «Вы имеете помазание от Святого и знаете все...» Я просто боюсь употребить резкое слово, чтобы не

оскорбить чувств православных, но этот примитивный маскарад, на мой взгляд, является насмешкой над Личностью Святого Духа.

Иисус учил: «По плодам их узнаете их» (Матф. 7, 16). Дух Святой совершает действие в нашем духе и производит плод. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22—23). Можно ли этот плод увидеть в помазанном мире младенце? Конечно, нет. Есть ли гарантия, что он будет виден, когда младенец станет взрослым? Тоже — нет. Если в сознательном возрасте он не покается, то не будет на нем Духа Святого, и миропомазание не поможет. Апостол Павел пишет: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти» (Гал. 5, 16). Удаляет ли помазание миром из православного дела плоти (Гал. 5, 19—21)? Конечно, нет. Для чего же оно? Предоставляем возможность вдумчивому читателю самому дать ответ. А мы обязаны прямо сказать, что и детское крещение, и все эти манипуляции с младенцами — обман народа, не знающего Священного Писания и регулярно транспортирующего свои трудовые лепты в хранилища длиннополых одежд православных служителей.

Одним из формальных предлогов к разделению в 1054 году церкви на католическую и православную был спор о филиокве (лат. *filioque* — и от сына): исходит ли Дух Святой от Отца и Сына или же только от Отца и почитет на Сыне. Как же в таком случае священник через миропомазание становится подателем Духа Святого? Да никак не становится и никогда не станет! Хорошо бы многим, находящимся в православии, понять это и начать жить по Священному Писанию. Очень опасно человеку присваивать себе власть, которой Бог ему не дает.

На сто тридцать девятой странице С. Кобзарь пишет: «Бог в мире этом действует через Своих учеников. Он их оставил в мире вместо Себя для проповеди и созидания Церкви. Им Он дал власть подавать Дух Святой». Если с первыми двумя предложениями этого изречения можно вполне согласиться, то с последним соглашаться ни в коем случае нельзя. Возьмите Библейскую симфонию, найдите слово «власть», проверьте все места Священного Писания и убедитесь, что такой власти Христос не дал даже Апостолам. Дух Святой — это третья Личность Бога, это Сам Бог (Д. Ап. 5, 3—4). Как же человек может повелевать и распоряжаться Богом? Святотатственна даже мысль об этом. Апостолы исполняли повеления Иисуса Христа, молились за людей, и Дух Святой действовал через них, но в подчинении Апостолов Он не был. Власть над Духом Святым задумал приобрести Симон-волхв. «Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: „Дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого“. Но Петр сказал ему: „Серебро твое да будет в погиль с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги"» (Д. Ап. 8, 18-20).

В православии «симонией» называется грех, когда за деньги покупается право на священнодействие. На основании приведенного места Священного Писания пусть каждый православный глубже поразмыслит над термином «симония». Иисус миром никого не мазал. Он возлагал руки и благословлял. Так делали и Апостолы. Они не «подавали Духа Святого». Он совершал действие, как Ему было угодно. На самарян Дух Святой сошел после возложения рук Петра и Иоанна (Д. Ап. 8, 17). Этим действием Бог удостоверял Иудеев, которые не сообщались с самарянами, что Бог и самарян принимает в Церковь. На Савла руки возлагали не Апостолы, а ученик Анания (Д. Ап. 9, 17), причем до крещения Савла, а позже уже и Савл (Апостол Павел) возложил руки на учеников в Ефесе, так как они не знали о Духе Святом (Д. Ап. 19, 6). На Корнилия и слушающих проповедь Апостола Петра Дух Святой сошел до крещения, без возложения рук, свидетельствуя, что Бог принимает и язычников. (Д. Ап. 10, 44—45).

Мы благодарим Бога, что в братстве ЕХБ до сих пор сохраняется евангельское учение и над принявшими крещение совершается молитва благословения с возложением рук священнодействующих братьев, а не помазание миром.

О таинстве исповеди

Гласная исповедь, которая была помощницей инквизиции в выискивании инакомыслящих, начала внедряться в Западной церкви с 1215 года (И. Барчук. Ереси, вошедшие в церковь, с. 49).

Основанием для исповеди православные берут слова Христа: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Иоан. 20, 23); «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Матф. 18, 18). Нужно обратить внимание, что в приведенном месте из Евангелия от Матфея Христос поясняет, как поступать с согрешившим «против тебя» братом. Это поучение, как и вышеприведенный текст из 20-й главы Иоанна, хорошо бы каждому применять лично к себе. Притом «связывать» и «разрешать» мы можем только по Слову Божьему, а не вопреки ему. У любого гражданского судьи есть Уголовный кодекс. Преступить закон он не может, но имеет право применить его к подсудимому или более строго, или найти смягчающую статью. Нам надо всегда помнить, что «закон Господа совершен» (Пс. 18, 8). В этом законе сочетается милость и истина. Если мы будем поступать только по букве закона, вроде бы строго по истине, но забудем о милости, то услышим предупреждение: «Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом» (Иак. 2, 13). О, если бы мы старались крепче «связать» свою плоть, свое «я», а не других; если бы мы стремились «поступать по духу», тогда бы «не исполняли вожделений плоти» (Гал. 5, 16). Правом «связывать» и «разрешать» должна пользоваться церковь, а не отдельные люди (Матф. 16, 19). На примере возникновения папства мы видим, до чего доводит превозношение личности.

С. Кобзарь пишет: «Христос дал власть Апостолам прощать грехи... Апостолы передали эту власть своим преемникам.» (с. 142— 143). Такой власти Христос никому не давал. Предлагаем еще раз по Симфонии найти слово «власть» и убедиться в этом. Во времена Христа всем, знающим закон, было известно, что грехи может прощать только Бог. Напомним историю об исцелении расслабленного: «И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопавши ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный: Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: „Чадо! прощаются тебе грехи твои“. Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: „Что Он так богохульствует? Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?“» (Марк. 2, 3—7). Об этом же повествует Матфей (9, 2—3) и Лука (5, 18—24), так что не остается сомнения, что власть прощать грехи архиереи присвоили себе сами, как те пророки, о которых Бог сказал: «Я не посылаю пророков сих, а они сами побежали» (Иер. 23, 21).

Итак, чтобы перейти к рассуждению об исповеди, нужно твердо усвоить, что только Бог (А Иисус — Бог, явившийся во плоти [1 Тим. 3, 16].) может прощать грехи. Ниже мы познакомим читателей с фундаментальным трудом братства МСЦ ЕХБ «Об освящении», где, согласно со Словом Божьим, даны правильные советы по исследуемому нами вопросу, а сейчас позвольте сделать пространные выписки из книги православного историка, игумена Иоанна Экономцева, «Православие. Византия. Россия». Эти выписки мы приводим для того, чтобы читатель мог увидеть, как «святая Русь» вообразила себя защитницей всего православия и как оно на Руси, подпав под полнейшую зависимость от мирской власти, было сжато такими циркулярами, при которых исповедь перед священником стала опасной и невозможной.

«Пульс духовного волнения души русской возвышается до библейских высот. Святая Русь оправдала свою претензию на деле. Она взяла на себя героическую ответственность защитницы православия во всем мире, она стала в своих глазах мировой нацией, ибо Московская держава стала вдруг последней носительницей, броней и сосудом Царства Христова в истории — Римом Третьим, а Четвертому не бывати... Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное чувство и религиозно-национальное сознание никогда не поднималось. Последующая его история была только практическим раскрытием и приложением все того же

цикла идей. Русское самосознание от самых пелен своих как-то сразу вознеслось на свою предельную высоту... На грани XV и XVI веков величие и слава Святой Руси сразу и ослепительно открылись русской душе и затем незабываемо залегли в ней навсегда» (с. 153).

После таких панправославных заверений хочется привести два места из Священного Писания: «Погибели предшествует гордость» (Притч. 16, 18); «Перед падением возносится сердце человека» (Притч. 18, 12). Народная мудрость также говорит: «Чем головокружительней взлет мечты, тем трагичнее ее падение».

На Руси наступило время правления Петра I. В 1593 году восточные патриархи утвердили патриаршество в России (до сих пор Россия была только митрополией), а через сто семь лет, после смерти патриарха Адриана, патриаршество было упразднено. Мы не пытаемся ни превозносить, ни осуждать Петра I, а предоставляем возможность слово о нем сказать историку И. Экономцеву.

Он пишет:

«Вопрос о патриаршестве был большим вопросом для Петра и его сподвижников. Еще недавно патриарх именовался великим государем, и в Вербное воскресенье он восседал на коне, которого вел под узду сам царь. На памяти современников Петра патриарх судился с царем перед восточными святителями, как равный с равным. Более того, имелось официальное постановление собора 1666—1667 годов о том, что царь самостоятелен и независим в делах гражданских, а патриарх самостоятелен и независим в делах церковных, и что ни один из них не должен вмешиваться в область ведения другого. Все это никак не укладывалось в имперскую доктрину.»

После смерти патриарха Адриана Петр счел уместным «до времени обождать» с решением вопроса о его преемнике. Начавшаяся война со Швецией дала повод затянуть решение. Между тем, 16 декабря 1700 года (через два месяца после кончины патриарха) местоблюстителем патриаршего престола был назначен молодой митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский, которого, по крайней мере в тот момент, Петр рассматривал как своего единомышленника. Сразу же (в январе 1701 года) был восстановлен Монастырский приказ, во главе которого был поставлен бывший астраханский воевода Мусин-Пушкин, которому было велено „сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать монастырским приказом“. К компетенции этого ведомства было отнесено управление патриаршими, архиерейскими, монастырскими и церковными вотчинами, установление церковных штатов, назначение настоятелей, осуществление строительных работ, посредничество между церковью и государством.

Освобожденный от хозяйственных забот, Стефан Яворский не имел почти никакой власти и в чисто духовных делах. Кадровые вопросы решались помимо него по представлению Мусина-Пушкина, Меншикова и других лиц. Мусин-Пушкин распоряжался патриаршей типографией, ведал переводами, изданием книг и даже исправлением Священного Писания. Полномочия местоблюстителя были ограничены к тому же постоянным собранием епископов, попеременно вызывавшихся в Москву» (с. 156).

Можно бы обойтись без комментариев, но все же необходимо еще раз обратить внимание, что все духовные дела решались лицами, не имевшими ни духовного сана, ни духовного образования (воевода Мусин-Пушкин, военный лидер Меншиков). О какой же преемственности священства и тайне исповеди могла идти речь?! Что же было дальше?

«После упразднения патриаршества Петр I писал в своей резолюции: „А для лучшего впредь управления мнится быть удобно Духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно“» (с. 157).

«Манифестом президент Духовной Коллегии был наделен равными правами с другими ее членами и тем самым была парализована его возможность оказывать какое-либо особое влияние на решение церковных вопросов. Императорский манифест обязывал членов высшего церковного органа перед вступлением в должность приносить присягу «крайнему Судии Духовной сей Коллегии, Самому всероссийскому Монарху. Вот к кому в конечном счете доходила всякая исповедь! На первом заседании Духовной Коллегии, состоявшемся 15 февраля 1721 года,

сразу же встал вопрос, по какой форме поминать в храмах во время службы Правительствующее Духовное Собрание... С известной робостью они предложили именовать его Святейшим... Петр I милостиво согласился, заменив „собрание" словом „синод". Таким образом, с первого заседания Духовная коллегия стала Святейшим Синодом... Святейший Синод с самого начала был поставлен под надзор доверенного лица монарха, „ока государя", обер-прокурора, которому было поручено „накрепко смотреть" за деятельностью высшего церковного органа. Инструкция вменяла ему в обязанности постоянно присутствовать на заседаниях Синода и внимательно наблюдать, чтобы его члены строго руководствовались в своей деятельности высочайшими указами и регламентами. В подчиненное положение к обер-прокурору ставились исполнительные органы Синода и, в частности Канцелярия. Все это давало ему возможность активно вмешиваться в синодальную деятельность. Любопытно, что, с другой стороны, в отсутствие царя Синод имел право в случае совершения обер-прокурором преступления арестовать „око государя" и начать против него судебное расследование. Видимо, тут действовал принцип „разделяй и властвуй"» (с. 158).

Абсолютная бездуховность, граничащая с «мерзостью запустения»! И все это называлось — Святая Русь?!!

Продолжим дальнейшее знакомство с исследованием церковного историка.

«Какое же значение имела церковная реформа Петра с позиции Русской православной Церкви и с точки зрения национально-религиозных интересов России? Рассмотрение этого вопроса хотелось бы начать с оценок митрополита Московского Филарета Дроздова. Его отношение к петровской реформе однозначно негативно.

„Конечно, не для возвышения духовенства,— пишет он,— пожелал /Петр I/ отменить патриаршее достоинство и, в пародию над духовенством и над церковными обрядами, учредил так называемый всецутейный собор!" В другом случае он замечает: „Хорошо было бы не уничтожать патриарха и не колебать иерархию, но восстанавливать патриарха было бы не очень удобно: едва ли был бы он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовною: почему один патриарх твердо вынес бы сию тягость нежели Синод? И при вселенском патриархе нужным оказался Синод; и в России есть Синод. Очень ли велика разность в том, что в России первенствующий член Синода не называется патриархом?"

Митрополит Филарет полагал, что Святейший Синод учрежден с благословения восточных патриархов и имеет „характер собора"» (с. 159).

Но так ли это было? Действительно, возникает вопрос: куда смотрели восточные патриархи? Почему они это допустили? А вот почему! Позвольте продолжить выписки из книги Иоанна Экономцева.

«Точка зрения о том, что Святейший Синод имел характер собора, представляется весьма уязвимой. Более убедительна записка, изложенная С. Ю. Витте „О современном положении в Православной церкви" /следует обратить внимание, что эта запись была сделана уже в 1904 году/, где, в частности, говорится „Учрежденный Преобразователем России Синод носит только внешние, отнюдь не канонические черты соборности. В нем соборное начало подменено коллегиальностью. Сущность соборного начала не в том, что во главе правления стоит не одно, а несколько лиц, а в том, что каждый из этих лиц является представителем целой общины. Коллегиальность же есть система внутренней бюрократической организации".

Вряд ли можно говорить, что Святейший Синод был учрежден с согласия восточных патриархов. Согласия патриархов (не всех, а только Константинопольского и Антиохийского) были получены post factum через два с половиной года, причем в ответ на послание царя, в котором церковная реформа представлялась в искаженном виде. В грамоте Петра говорилось, что Синод учрежден после долгого и тщательного обсуждения с духовным и мирским чином, что составлен он „из достойных Духовных особ, как Архиереев, так и Киновиярхов, число довольное". О присяге было сказано, что она имеет цель обеспечить соблюдение Синодом православных догматов, и ничего не сообщалось об исповедании монарха как „крайнего Судии Духовныя Сея Коллегии". Дезинформация, а также прямая зависимость патриарха от политического покровительства и финансовой помощи царя (Константинопольскому патриарху

была обещана годовая милостыня 3000 рублей) не могла не сказаться на решении восточных первосвященителей, учредивших заодно радикальную церковную реформу по представлению мирянина, хотя и главы государства, не спрашивая соборного мнения Русской Православной Церкви.

Реформа Петра оказалась чревата серьезными негативными последствиями для Церкви. Нарушение принципа соборности не могло не привести к определенной стагнации церковной жизни. Разверзлась брешь между центральной церковной властью, назначаемой и действующей по указу государя, и поставленными в полную зависимость от нее епархиальными архиереями. Возник раскол между обществом и духовенством... по существу произошло закрепощение духовенства. Затруднение притока свежих сил неминуемо вело к его интеллектуальному и духовному оскудению и к ослаблению, таким образом, нравственного влияния на общество» (с. 160). Закрепощенное духовенство обязано было выполнять и такие (о, ужас!) постановления:

«Дополнения к Регламенту „О правилах причта церковного и монашеского“, которым ему вменялось в обязанность доносить тайной Канцелярии и Преображенскому приказу об открытых на исповеди злоумышлениях. В связи с этим Н. И. Кедров замечает: „Когда Петр повелел указом, чтобы духовный отец открывал уголовному следователю грехи, сказанные на исповеди, духовенство должно было почувствовать, что отсель государственная власть становится между ним и народом, что она берет на себя исключительное руководство народною мыслию и старается разобщить ту связь духовных отношений, то взаимное доверие, какое было между паствой и пастырем“ » (с. 161).

«С учреждением Св. Синода, прежде всего рухнула фактическая связь с Церковью вселенскою, осталась только догматическая и таинственная...» (с. 162).

«Молох тоталитаризма требует жертв. Создаются специальные органы, занимающиеся расследованием государственных преступлений, в частности Преображенский приказ» (с. 163).

Если бы эти выписки были сделаны из протестантской литературы, то и С. Кобзарь и его единомышленники в один голос закричали бы, что это клевета на православную Святую Русь, но мы привели свидетельства и выводы православных церковных деятелей. Надо бы к ним прислушаться и С. Кобзарю, и непредвзятому читателю и сделать соответствующий вывод: исповедь в православии если и была когда-то таинством, то давно перестала им быть.

Заверение С. Кобзаря: «У протестантов нет таинства исповеди» (с. 142) нуждается в пояснении. За всех протестантов поручиться нельзя, так как в протестантизме много ответвлений. Мы обещали ознакомить читателя с позицией братства МСЦ ЕХБ по данному вопросу, изложенной в известном труде «Об освящении», впервые изданном в 1964 году. Хотя сочетания слов «таинство исповеди» мы здесь не встретим, но зато найдем обращение Совета Церквей ко всем общинам и к каждому члену церкви отдельно с призывом «к очищению и освящению».

Цитаты приводятся по изданию Союза Церквей ЕХБ «Об освящении», 1999 год.

«Христос возлюбил Церковь Свою и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, и Он хочет видеть Свою Невесту святой и непорочной, не имеющей какого-либо греховного пятна (Еф. 5,25—27).

Церковь Христа имеет прямое повеление Господа об освящении и предупреждение о том, что спасение тех, кто не идет путем освящения, находится в опасности, ибо без святости „никто не увидит Господа" (Евр. 12,14)» (с. 6).

«В Новом Завете Господь упразднил всякое человеческое посредничество и жертвенных животных как средство для очищения, а всех верующих сделал священниками Себе (1 Петр. 2, 9). Поэтому нам, священникам Нового Завета, необходимо вникнуть как в прообразы, так и в последовательность ветхозаветного освящения, которое совершалось при посвящении священников. Оно начиналось с отделения (Исх. 28, 1), затем следовало очищение (Исх. 29:4,10—14) и затем — помазание священным елеем» (Исх. 40,13—15)» (с. 9).

«Для нашего освящения Богом дарованы: Слово Божье (Иоан. 17, 17), Господь Иисус Христос (Иоан. 17, 19; 1 Кор. I, 30) и Дух Святой (1 Петр. 1,2)» (с. 13),

«Для того чтобы отдаться во власть Божью, необходимо прежде всего отказаться от своей власти над собой и в самых тяжелых обстоятельствах жизни, повинуюсь Отцу Небесному, в покорности произнести: „Не моя воля, но Твоя да будет" (Лук. 22,42).

Для этого необходимо представить себя в „жертву живую, святу..." (Рим. 12, 1). Жертва Богу — дух сокрушенный, сердце сокрушенное (Пс. 50, 19)» (с. 19).

«...Очищение занимает в освящении центральное место...» (с. 25).

«В Ветхом Завете очищение должно было совершаться всякий раз, когда член Израильского общества совершал грех или прикасался к чему-либо нечистому (Лев. 5, 1—6; 11, 44; Числ. 19,11—12; 2Пар. 29, 15)» (с. 26).

«Мы намного счастливее израильтян. Но если мы, христиане, живя под благодатью, не будем очищаться от греха, а тем более, если будем сознательно грешить и уклоняться от истины, то в вечности нас ожидает нечто большее, чем смерть...» (Евр. 10, 28—29)» (с. 28).

«...Мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника: Он есть умилоствление за грехи наши (1 Иоан. 2, 1—2).

„Кровь Иисуса Христа... очищает нас от всякого греха (1 Иоан. 1, 7).

Господь очищает нас только при нашем непосредственном участии, которое заключается в нашем покаянии (Д. Ап. 17, 30; Откр. 2, 5; 1 Иоан. 1,9).

Не надо вторично каяться и исповедоваться в тех грехах, которые совершены были до уверования, или в совершенных после уверования, но за которые вы раскаялись. Нужно не допускать сомнений и благодарить Господа за их прощение... Грех очищается не временем, а Кровью Иисуса Христа при нашем покаянии» (с. 31).

«Покаяние — это решительное отвращение от греха и сердечное возвращение к Богу. Бог требует покаяния от всех, кто совершил грех, кто удалился от Бога. Покаяние должно сопровождаться:

1. Сознанием своей вины и оставлением греха (Пс. 50, 5; Иер. 2, 19).

2. Исповеданием своего греха (Пс. 31, 5).

3. Молитвой к Богу о прощении за совершенный грех, а так же просьбой о прощении перед теми, против кого согрешили (Пс. 50,3; 4,11—13)» (с. 33).

«Исповедание — открытие своего греха (Притч. 28, 13; Пс. 31, 3—5; Иак. 5, 16). Покаяние без исповедания недействительно (1 Иоан. I, 9). Поэтому исповедание необходимо. Но в отношении того, перед кем должно совершаться исповедание, мы должны строго держаться евангельского порядка.

Каяться мы должны перед теми, против кого согрешили (Лук. 17,4), перед теми, кто знает о нашем грехе, то есть на кого мы могли подействовать соблазном (Лук. 17, 1—2), и перед Богом. Снять грех и простить может только Бог во Христе Иисусе (Лук. 5,24), ибо без пролития крови не бывает прощения (Евр. 9, 22). Если же о грехе никто не знает, кроме того,

перед кем согрешили, то каяться перед ним, а затем перед Богом (1 Кор. 8, 8—13).

Если согрешили против церкви, необходимо вначале каяться перед церковью, а затем перед Богом.

В том случае, когда грех совершен не против тебя непосредственно, но ты оказался свидетелем его, тогда, если ты в состоянии,— обличи сам, если же нет,— скажи служителям или тем духовным детям Божьим, кто в состоянии обличить и исправить (Гал. 6, 1—2). Если согрешающий покается как должно, то следует держать это в тайне и не разглашать. Если обличающий нарушает этот порядок, указанный Христом, и разглашает, то и его нужно обличить как согрешающего против Слова Божьего, ибо он переносчик. „Не ходи переносчиком в народе твоём...” (Лев. 19,16) (с. 34—35).

У нас нет больше возможности останавливаться на этом благословенном труде. Ищущему истину хочется посоветовать взять его у верующих МСЦ ЕХБ и с молитвой изучить.

Исследование материала «Об освящении» и всю эту главу хочется закончить призывом из этого благословенного труда:

«Дорогой друг! Если Господь обличит твою совесть и обнаружит грех в твоём сердце или какое-либо уклонение от истины, то осознай это и покайся перед Богом. Если ты виновен также и перед людьми, тебе необходимо исповедаться и перед ними. Проси у Господа, чтобы Он удалил ложный стыд и страх, знай, что лукавый всегда стремится к тому, чтобы воспрепятствовать нашему очищению. Бог же хочет, чтобы мы, „избавившись от грехов, жили для правды” (1 Петр. 2, 24)» (с. 51).

О причастии

Согласно данным И. Барчука, «в 394 году первый раз возникла идея, чтобы начать ежедневные службы Божьи с принесением в жертву Христа под видом хлеба и вина... Такая литургия, которую в католической церкви называют мессой, то есть службой Божьей с совершением Евхаристии, оформилась и начала совершаться так, как теперь совершается, только в 1100 году» (с. 16—17).

С. Кобзарь торжественно заявляет: «Можно с уверенностью сказать, что Причастие или Евхаристия являются сердцем Православия» (с. 146).

«Православные и католики утверждают, что при Евхаристии (хлебопреломлении) совершается пресуществление, то есть хлеб становится телом, а вино — кровью Иисуса Христа. С католиками православные не согласны лишь во времени пресуществления: католическое богословие полагает, что с произнесением священником слов: „Примите, ядите, сие есть тело Мое...” происходит таинство и совершается пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христову; православное богословие переносит время пресуществления на вершинную молитву литургии (эпиклесис): «Господи, ниспосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащие Дары сия» (А. Кураев, с. 161—162).

Еще А. Кураев поясняет: «В Античной Греции литургией называлось устройство общественных угощений; то что необходимо обществу, и то, что делалось исполнителем бескорыстно, не давая ему средств к жизни. Литургом, соответственно, назывался общественный деятель, который свое время, силы, а зачастую и средства тратил на пользу народа» (с. 167).

Попутно напомним, что расхождение у католиков и православных по вопросу Евхаристии было еще в приготовлении хлеба (позднее — просфир). У католиков хлеб должен быть пресным, у православных — кислым. Православные причащаются и хлебом, и вином, а у католиков мирянам разрешается причащаться только хлебом, хлеб и вино могут принимать исключительно священники.

Думается, что полезно будет узнать мнение реформаторов по этому вопросу.

«Мартин Лютер категорически отвергал учение о пресуществлении, считая, что оно связано с Аристотелевской, то есть языческой метафизикой. А в том, как использовалось учение о пресуществлении, он усматривал связь с теорией, согласно которой участие в евхаристической службе представляет собой достойную награды жертву, что противоречило учению об

оправдании верой» (Хусто Л. Гонсалес. История христианства, т. II, с. 37). «Ульрих Цвингли полагал, что материальные хлеб и вино и связанные с ними физические действия могут быть лишь символами духовной реальности» (Хусто Л. Гонсалес. История христианства, т. II, с. 52).

Мы специально познакомили читателя с различными мнениями богословов о причастии, чтобы основательно поразмыслить над этим вопросом. Догмат о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христову православные пытаются обосновать 6-й главой Евангелия от Иоанна, где Христос говорит: «...Хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру... Я есмь хлеб жизни... Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет,.. Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Иоан. 6: 33, 35, 49-51, 53).

Надо обратить внимание, что эти слова сказаны Христом не на тайной вечере, а в начале служения, когда Он открывал ученикам сущность Своего служения. Чтобы ученики поняли Его правильно, Христос пояснил: «Дух животворит, плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоан. 6, 63).

Как духовно надо понимать слова Христа, сказанные в беседе с самарянкой: «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Иоан. 4,14), точно так же, иносказательно, надо понимать слова о принятии плоти и крови Христа.

Есть плоть Христа и пить кровь Его — это принимать Его как Сына человеческого и Сына Божьего, исполняя все Его учение. Надо обратить внимание, что на тайной вечере с Христом были только Апостолы, и слово «все» относится исключительно к ним. Значит, принимать участие в этой святой трапезе могут только возрожденные дети Божьи, а не весь народ. История свидетельствует, что в первохристианских церквях перед воспоминанием страданий Христовых должны были покинуть собрание даже приближенные (оглашенные) под возглас диакона: «Оглашенные, изыдите!»

На тайной вечере Христос говорил о хлебе: «Сие есть Тело Мое», а о вине: «Сие есть Кровь Моя» (Матф. 26, 26—28). Но понятно, что здесь не могло быть никакого пресуществления, так как Христос еще не был распят. Он же был вместе с учениками и принимал участие в этой трапезе. Не мог же Он вкушать Сам Себя, и ученики не ели Его тело и не пили Его кровь, так как Он был еще с ними. Как только можно до такого додуматься?! Если бы вино становилось кровью, то как мог Христос заставить учеников пить кровь в нарушение Ветхого Завета и постановления будущего апостольского собора (Д. Ап. 15: 20, 29)? У каждого человека есть зрение, обоняние и вкус, и каждый может убедиться, что никакого пресуществления хлеба и вина после молитвы священника не происходит.

Учение о пресуществлении — великий соблазн для приверженцев других религий. С. Кобзарь призывает вкушать это «таинство», как дети, как принял бы ребенок (с. 154). Да, слова Христа нужно воспринимать, как дитя, но когда предлагают принять абсурдные человеческие выдумки, то лучше вспомнить слова Апостола Павла: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14, 20).

Может быть, кто-то из православных скажет: «Но ведь греха-то нет съесть просвиру и выпить ложку вина». Грех есть, потому что литургию с пресуществлением и придумали как чудодейственное спасающее средство, которое не соответствует евангельскому учению о спасении по вере (Рим. 1, 17), благодатью (Еф. 2, 8).

А. Кураев, начитавшись Максима Исповедника, ратует еще за одно пресуществление. «На евхаристической трапезе,— пишет он,— человек сам должен стать тем, что он ест. Вкушая Тело Христово, человек свое тело должен преобразить в Тело Христа» (с. 164).

С. Кобзарь идет еще дальше. Цитируя «кого-то из отцов церкви», он пишет: «Для того Бог стал человеком, чтобы человек мог стать Богом» (с. 154). Прямо страшно становится: уж так похоже это изречение на слова искушителя в Едемском саду: «Будете, как боги...»

Мало того, С. Кобзарь пытается оправдать это опасное выражение словами Апостола Петра: «...дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы чрез них соделались

причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Петр. 1, 4). Разные это понятия: «чтобы человек мог стать Богом» и «соделались причастниками божеского естества». Отличаются они друг от друга, как отличаются предания отцов церкви от Священного Писания.

Приведем еще выписки из книги А. Кураева и поразмыслим над ними.

«Литургия — это событие, которое и делает меня христианином, которое присоединяет меня к Церкви... В грехах мы отпали от Церкви. Причащение дарует нам „отпущение грехов“. Через вкушение евхаристического хлеба люди становятся Церковью... Мы входим в храм как уличная толпа, чтобы получить из чаши новую жизнь» (с. 163, 165).

Совсем забыл диакон А. Кураев, увлекшись защитой православия, что главным условием входа в Царствие Божье Христос называет рождение свыше, от воды (Слова Божьего) и от Духа Святого. Своим риторическим заявлением он, сам того не замечая, перечеркивает свои же доводы, что крещенный младенец при таинстве миропомазания имеет и «рождение от воды и Духа» и «принадлежит Богу». Как же такие младенцы, выросши, вдруг становятся «уличной толпой, входящей в храм»? Но, пожалуй, А. Кураев здесь на сто процентов прав: детское крещение и миропомазание без сознательного искреннего покаяния и крещения по вере не может сделать церкви из толпы. Последуем дальше за ходом мысли А. Кураева: «толпа входит в церковь». Он уверяет, что после Евхаристии «толпа стала церковью». Предположим. Но ведь в следующий раз эта, так называемая, «церковь» опять в храм будет входить мирской «толпой» и опять воспримет ложное убеждение, что через Евхаристию без рождения свыше можно стать членом Церкви Христовой. Какой обман! Сколько душ погибло и еще погибнет через этот обман!

Не детское крещение, миропомазание и Евхаристия вводят нас в Церковь, а Дух Святой после нашего искреннего покаяния и крещения по вере. «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12, 13).

П. И. Рогозин по этому поводу пишет: «Учение о пресуществлении, связанное с идеей приношения бескровной жертвы за грехи тех, кто участвует в причащении, полностью отрицает единократное искупление грехов единократной жертвой Иисуса Христа (Евр. 10, 10)».

Литургия, подразумевающая ежедневное приношение Христа в жертву под видом хлеба и вина, в корне противоречит Священному Писанию: «Христос вошел не в рукотворенное святилище... не для того, чтобы многократно приносить Себя... иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира. Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею» (Евр. 9, 24-26).

Людам, не рожденным свыше, опасно участвовать в Трапезе Господней.¹ Апостол Павел предупреждает: «Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны, и немало умирает» (1 Кор. 11, 29-30).

Какой же смысл имеет Причастие? Весьма великий. Мы вполне можем согласиться с «Дидахе» (Учение двенадцати Апостолов): Как этот преломляемый хлеб, быв рассеян по холмам и будучи собран, сделался единым, так да соберется Церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое». Христос о тайной вечере оставил такое повеление: «Сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание» (1 Кор. 11, 25). Апостол Павел поясняет: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11, 26).

В заключение этого раздела хочется прокомментировать саркастический, выдуманный А. Кураевым, пример. Он пишет: «Протестанты похожи на человека, который видит в пустыне умирающего от жажды путника и, радушно подойдя к нему, начинает рассказывать умирающему о пользе воды. Три часа он говорит о том, какие замечательные свойства у воды, о том, что без воды не может быть жизни, о том, что надо бороться за чистоту источников и водоемов... А затем уходит, так и не дав жаждущему ни капли воды. „Разве ты еще хочешь пить? Разве недостаточно тебе «хороших вестей о воде»? Хочешь саму воду? Но у нас ее как раз и нет. Мы пьем «символ воды», мы даем людям «воспоминание о воде». Это только невежественные православные и католики считают, что жидкость в их литургических сосудах действительно есть Вода Жизни,

Кровь Христа. А мы считаем, что вода — это слова Христа. Эти слова мы тебе и пересказали. Почему же ты еще хочешь пить?!» (с. 172).

Да, вода — это действительно слова Христа, это Евангелие, благая весть о спасении, которое уже совершено Христом на Голгофе двадцать столетий назад. Слово «Евангелие» начинается с удивительного сочетания букв — «Ева»! Оно совпадает с именем нашей праматери, которое означает — жизнь. Умиравшему от жажды надо открыть этот источник жизни, источник живой воды, «текущей в жизнь вечную» (Иоан. 4, 14). Умиравшему нужен Сам Христос, а не Его заменители. Да разве можно Его чем-то или кем-то подменить? Никогда!!!

Христос — единственный Спаситель, и Он сразу будет рядом в любой точке земного шара с тем, кто исполнит пророчество Иоиля: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Иоиль 2, 32). Иисус приглашает: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Иоан. 7, 37), но люди порой настолько избиты грехом, что сами не в силах идти к Нему. Им нужен «милосердный самарянин». Пророк Исайя призывает: «Несите воды навстречу жаждущим» (Ис. 21, 14), а этих жаждущих нужно не только «случайно встречать в пустыне», но искать. Именно искать, а не ожидать в монастырях и храмах.

Я пытаюсь мысленно представить, как встретил бы в пустыне умирающего от жажды человека не протестант, а, например, диакон Андрей. Он убежден, что спасительной водой для несчастного будет пресуществленный хлеб и вино. Если даже у диакона будет с собой хлеб и вино, то по его молитве они не могут пресуществиться. Ему нужно будет искать действующий православный храм, где священник совершил бы молитву о пресуществлении. В пустыне конечно храмов нет. Диакону Андрею необходимо будет на долгое время оставить умирающего и срочно отправиться на поиск храма.

Предположим, через некоторое время храм найден, но ведь, по православной догматике, пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христа совершается только при литургии, а время литургии еще не настало. А. Кураев торопит священника, а он не имеет права изменять установленный порядок и смиренно отвечает: «Не торопи, сын мой, я же должен дойти до кульминации, до эпиклесиса и воззвать: „Господи, ниспошли Духа Твоего Святого на ны и на «предлежащие Дары сия». Горя желанием спасти умирающего в пустыне, А. Кураев наконец дождался пресуществления и опять немедленно отправляется в длительное путешествие. Здесь могут быть два исхода.

Первый: найдено то место, где был умирающий но его там уже нет. Душа несчастного ушла в вечность, оставив истлевшее бренное тело.

Второй: умиравший найден в добром здравии, и он, видя усталость А. Кураева, сам предлагает ему напиться живой воды. «Где ты ее взял?» — удивленно задает диакон вопрос. «О, чудо! — восклицает умиравший от жажды — Проходил протестант и указал мне на родник живой воды. Оказывается, он был совсем рядом. Напившись, я теперь сам желаю многим указать на этот источник».

Аллегорическое продолжение вымышленного рассказа А. Кураева конечно имеет глубокий духовный смысл.

О елеосвящении и браке

В этой главе С. Кобзарь решил поговорить сразу о двух так называемых таинствах. Он цитирует из 5-й главы Послания Иакова 14-15 стихи: «Болен ли кто из вас? пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне,— и молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь».

Далее С. Кобзарь продолжает: «Хотя это прямо повелевается Иаковом - как правило, это постановление игнорируется протестантами главным образом потому, что не понимается надобность этого, тем более, самого помазания елеем» (с. 155).

Мы можем только посочувствовать Сергею, что он вырос в зарегистрированной общине ВСЕХБ, где атеисты через «Положение о религиозных культах» вытравивали многие живые евангельские установления. Во многих церквях осталась одна форма служения без духовного

содержания. В церквях же МСЦ ЕХБ молитвы об исцелении с елеопомазанием — слава Богу! — совершаются. Хочу пояснить, как совершается молитва об исцелении в церквях Международного Союза ЕХБ. Во-первых, нужно, чтобы сам больной верил в возможность исцеления Иисусом Христом; во-вторых, нужно исследовать причину болезни. Очень часто Бог допускает болезнь, чтобы мы исполнили его повеление: «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6,16). В-третьих, перед молитвой об исцелении нужна проверка жизни (Пс. 138, 23—24) и исповедание грехов на основании Иак. 5, 16: «Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтоб исцелиться». После исповедания больного совершается конкретная молитва об исцелении. Иногда больной, радуясь полному прощению, вместо исцеления тела просит: «Господи, возьми меня к Себе!». Молитва об исцелении пресвитерами совершается после молитвы больного. Молитва пресвитеров обязательно должна быть с возложением рук (Марк. 16, 18) и с помазанием елеем по желанию больного (Марк. 6, 13; Иак. 5, 14).

После молитвы исцеление обязательно последует, но прежде всего — исцеление духа и души, а это главное. Христос сначала сказал расслабленному: «Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои» (Матф. 9, 2). Только после этого Христос совершил исцеление тела, повелев больному: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой» (Матф. 9, 6).

Благодарение Богу, приоритет применения такой молитвы принадлежит протестантам, где есть пресвитера, потому что больному нужно призвать пресвитеров (Иак. 5, 14), а не тех преосвященных святейших владык, до которых трудно добраться. Право совершать молитву об исцелении дано всем пресвитерам, но, к сожалению, не все им пользуются. Мы должны с верой исполнять Божье повеление, а за последствия отвечает Господь.

В нашей практике исцеления больных был незабываемый случай. После моего возвращения из ссылки к нам прибыл пресвитер большой зарегистрированной общины ВСЕХБ г. Шахтерска. Он попросил приехать к нему домой и помолиться над больной дочерью. При этом он откровенно сказал, что надежды на выздоровление никакой нет (диагноз — менингит), но он обратился к нам, не желая огорчать жену. Она, имея родственников в нашем братстве (МСЦ ЕХБ), упросила его поехать к нам. (В зарегистрированных общинах ВСЕХБ такое служение не совершается.) Мы с родным братом (тоже пресвитером) конечно отозвались на эту просьбу. Больная была студенткой второго курса учебного заведения. Разговаривала она с огромным трудом, преодолевая нестерпимую головную боль. Исповедаться она пожелала без принуждения, обнаружив искреннюю веру в Иисуса Христа. Мы совершили молитву с возложением рук и с помазанием елеем и уехали, поручив ее Господу.

Прошло больше четырех лет, и к нам опять приехал тот же пресвитер "и со скорбью поведал, что его дочери, над которой мы молились об исцелении, совсем плохо. Он рассказал, что девица, на удивление всем, после нашей молитвы выздоровела, закончила учебное заведение и уже почти два года работала по специальности. Болезнь оставила лишь незначительные последствия: она немного прихрамывала.

Однажды она встретила на улице с лечащим врачом, он спросил ее фамилию. Она назвала — врач не поверил, так как считал ее давно похороненной. Она засвидетельствовала об Иисусе, исцеляющем больных и спасающем грешников, и, попрощавшись, пошла дальше. Врач с удивлением смотрел ей вслед, потом догнал и спросил: «А что у вас с ногой?» Девица объяснила, что осталось небольшое напоминание о болезни. «Я вам помогу,— оживился врач.— Нам пришло новейшее лекарство из Америки, я вам назначу серию уколов».

Сокрушаясь, что дал разрешение на эти уколы пресвитер (отец) поведал, что на девятом уколе дочь потеряла сознание, которое к ней так и не вернулось. Вторичная наша молитва над больной не имела успеха. Через несколько дней она отошла в вечность. Отец в третий раз приехал к нам и попросил руководить похоронами, что мы и исполнили.

Кому-то Господь дал особый дар исцеления (1 Кор. 12, 9). Мы с братом его не имеем, но по Слову Божьему совершаем молитвы об исцелении больных. Это право является и обязанностью. Правом надо пользоваться, а обязанности — исполнять.

В этой же главе С. Кобзарем кратко затронут вопрос о браке. Большинство православных

живут мирской жизнью, и нам хочется пояснить, каким должен быть брак на основании Священного Писания.

Необходимым условием для благословения вступающих в брак является целомудрие: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр. 13, 4). При несохранении целомудрия вступающим в брак необходимо исповедаться друг перед другом, простить друг друга и потом не вспоминать об этом. Бракосочетание возможно только для членов церкви. «Благословение Господне — оно обогащает, и печали с собою не приносит» (Притч. 10, 22), но «благословения на голове праведника» (Притч. 10, 6). Брак основан на Божьем изволении. Иисус сказал: «Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матф. 19, 5-6).

Определения брака как таинства в Новом Завете нет, а вот о тайне церкви сказано: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5, 32). Апостол Павел тайной называет неповторимую встречу Иисуса со своей Невестой — Церковью, прообразом этой встречи служит брак.

В церквях нашего братства при бракосочетании после молитвы родителей невесты и жениха и самих новобрачных пресвитер совершает молитву благословения с одновременным возложением рук на жениха и невесту. Помогите, Господь, христианской молодежи после крещения по вере испытать счастье брака в Господе.

Отношение к православию современного православного

Прежде чем начать рассуждение о III части книги С. Кобзаря, мы предлагаем сделать отступление и призываем вдумчивого читателя поразмыслить над «Книгой насущных вопросов о православной вере» М. Г. Горохова (М., Изд. группа «АРБОР», 1998).

Вот некоторые выдержки:

«В Евангелии описывается, как Христос выгнал торгующих из храма, сказав, что они дом молитвы сделали вертепом разбойников (Матф. 21, 12—13). Почему же торгуют в православных храмах?» (с. 10).

«Из чтения Евангелия я вынес представление о том, что верующие во Христа люди — братья. Так они назывались и таковыми по отношению друг к другу являлись в древности. Но в реальной церковной жизни я увидел совершенно другое, даже противоположное. Слово „брат" и „сестра" в православной среде практически не было в употреблении. Вместо этого в лучшем случае говорили: „отец", „матушка". Почему?» (с. 12).

«Все погрешности своего поведения эти люди списывают на диавола, ведущего с ними непримиримую борьбу. Я не встречал в православной церкви человека, по своему поведению похожего на Христа. Почему?» (с. 14).

«Почему Зарубежная Православная Церковь, обличая Московскую Патриархию за ее сотрудничество с безбожной властью, не возревновала о духовном возрождении России и не прислала сюда своих миссионеров для духовного просвещения так горячо любимых ими издали русских людей? Если зарубежные православные проповедники — действительно враги России и православной Церкви, то для чего в таком случае у них брали книги, которые затем продавали в храмах по высокой цене? Почему „бедная" Православная Церковь находила миллиарды для строительства и украшения храмовых зданий, для реставрации монастырей, но не находила средств для духовного просвещения и спасения людей, на проповедь Евангелия и бесплатное распространение духовной литературы, хотя бы в армии, в местах лишения свободы?» (с. 20).

«Потому люди согласны вспомнить о Боге и поверить в Его существование иногда, да и то на короткое время, когда им это бывает выгодно. Например, совершается большое событие: рождение или смерть, какая-нибудь беда или нужда, и человек приходит в храм. Там за определенную плату ему оказывают необходимую услугу: крещение, отпевание, поминание и так далее. Человека это вполне устраивает: есть учреждение для отправления религиозных потребностей — храм. Есть служащий этого учреждения — священник, который исполнит все

необходимое. „Так, может быть, и не обязательно все это: поститься, молиться, каяться в грехах и жить добродетельной жизнью? Ведь все равно же и отпоят, и помянут, и свечку поставят, а Бог все простит, если Он есть”, — может быть, думают подобные посетители. И кто их переубедит? Кто объяснит, что Христос не так учил, а Апостолы не так Богу служили, как их современные преемники?» (с. 21).

«Может быть, этим людям в церкви забыли передать что-то очень важное? Крестить крестили, а научить святой вере и благочестивой жизни забыли? Произошло рождение от воды, но не от Духа: „мочение лбов”. Иными словами: халтура, брак, подделка, подмена, кощунственный обман.

Вот и полны храмы духовными мертвецами, которые сочетают религиозное посещение богослужений и принятие Церковных таинств с беззаконной языческой жизнью. У меня сложилось впечатление, что, несмотря на видимое внешнее благополучие, Православная Церковь находится в крайне бездуховном состоянии и очень мало походит на „Богочеловеческий организм”. Попираются все существенные правила: евангельские и церковные. Крестят всех желающих без всякой подготовки за деньги в детской купели. Отпевают людей, умерших без покаяния и по жизни не являющихся членами Церкви Христовой» (с. 22).

«Почему Патриарха, Римского папу и Далай-ламу величают „святейший”? Почему во времена земных царей были приняты обращения к титулованным особам: „ваше благородие”, „ваше высокоблагородие”, „ваше превосходительство”, „ваше высокопревосходительство”, „ваше сиятельство”, „ваше высочество”, „ваше величество”, а потом вдруг стало принято называть священнослужителей: „ваше преподобие”, „ваше высокопреподобие”, „ваше преосвященство”, „ваше высокопреосвященство”, „ваше святейшество”? Разве не очевидно, что из государства в Церковь Христову перешло это «дымное наследие мира»? («Догматические послания православных иерархов X VII—XIX веков», с. 24).

«Почему архиереев величают, как Бога: „Владыко Святый”? Почему к Богу мы обращаемся на Ты, а к Патриарху положено обращаться на Вы: Ваше Святейшество? Кто, когда и по какому праву нарушил Священное Писание и отнял у епископа жену? Ибо Апостол Павел пишет: „Епископ должен быть непорочен, одной жены муж»» (с. 25).

«Почему у православных священников есть много из того, за что Христос обличал фарисеев, например: долгие молитвы, продолжительные лицемерные посты, длинные одежды с широкими рукавами, многочисленные человеческие предания, противоречащие духу Евангелия, и многое другое?» (с. 26).

«Почему Христос послал своих учеников в мир для проповеди, а потом святые угодники стали убегать из мира?» (с. 27).

«Почему Апостолов, несмотря на то, что они были отцами по положению, ибо рождали духовно через проповедь Евангелия детей для Бога, не называли „отец Петр” или „отец Павел”, а сейчас их преемников, которые редко рожают духовных детей для Бога, называют и „отцами”, и „святými”, и „владыками”?

Почему Христос изгоняет торгашей из храма, а севшие на Его седалище священнослужители, наоборот, насаждают?»

Почему католиков в вопросах веры считается непогрешимым один человек — римский епископ, а у католиков, то есть у православных, непогрешимость присвоена Собору, то есть группе епископов, собравшихся по указу и с разрешения светской власти?» (с. 28).

«Почему светской власти в лице царей архиереи предоставили право поставлять угодных и низлагать негодных им священнослужителей? Разве земных царей Христос поставил распоряжаться в Своей Церкви?» (с. 29).

«Почему Апостол Павел пишет, что мужчина не должен молиться с покрытой головой и растить волосы (I Кор. II: 4, 14), а священнослужители церкви православной молятся с покрытой головой и растят волосы?» (с. 36).

«Если при крещении из человека изгоняется сатана, а царь Константин крестился лишь перед своей смертью и во время работы Собора [Никейского] был некрещеным, то не значит ли это, что неизгнанный диавол присутствовал в Константине и участвовал в работе Собора?»

Почему на Апостольский Собор не пригласили царя Нерона? Почему не попросили у него материальной помощи? Почему не спрашивали у него совета и благословения в решении церковных вопросов?» (с. 40).

«Почему императора Константина церковь причислила к лику святых, а язычники — к лику богов?»

Можно ли говорить о непогрешимости Вселенских соборов и считать их решения обязательными, несмотря на то, что в деяниях соборов господствовал чуждый Христу и Его церкви дух мирской власти, если решения этих соборов противоречат решению первого Апостольского Церковного Собора и возлагают тяжкое и неудобноносимое „иное иго" на учеников Христа?» (с. 42).

«Если следует отвергать новизну, как внушение диавола, то почему бы не отвергнуть так много нового и чуждого учению Христа, накопившегося в Церкви с течением веков, благодаря преступной дружбе с миром?» (с. 43).

«Митрополит Филарет Московский называет царя „верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святого благочестия. В сем смысле император именуется главою церкви"».

„Царь, не идущий против своей благодатственной совести, не погрешает" (Иоанн Кронштадский).

„Власть царя простирается и на дела Христовой Церкви... так что члены этой церкви суть вместе члены отечества, подданные царя. И этой священной власти помазанника Божия благочестиво вверяет себя святая Церковь" (Митрополит Макарий).

Четыре восточных патриарха прислали свои советы в Поместный Московский Собор в 1666 году: „Мы считаем, что как отрицающий веру в Бога изгоняется из собрания православных, так и нарушающий верность царской власти и настроенный к ней изменнически недостоин называться христианином, ибо носящий корону, власть и диадему есть также Христос или Божий помазанник» (с. 44).

«Если бы в современный православный храм во время богослужения вошли Апостолы, например Петр и Павел, то смогли бы они догадаться, что в этом храме христиане совершают богослужение, и по какому признаку, если апостольское богослужение так не похожее на современное?» (с. 46). «Что именно имел в виду Апостол Павел, когда не себя и не других Апостолов, а именно Церковь назвал столпом и утверждением Истины? (I Тим. 3, 15).

Почему в видимой церковной организации так мало заметно искреннее служение Богу в духе истины (Иоан. 4, 23), но заметно угодливое служение миру сему, во зле лежащему: всякого крестят и отпевают за определенную таксу, всякого благословят и так далее?» (с. 47).

«Если столп и утверждение Церкви есть Евангелие, как пишет Иринея Лионский („Против ересей", с. 249), то не значит ли это, что все, противное духу Евангелия, должно быть отвергнуто как чуждое и враждебное Церкви Христовой?»

*В девятом члене Символа Веры говорили о том, что мы веруем во единую Святую, Соборную Апостольскую Церковь. Если церковь едина, то почему одни — католики, а другие — кафолики? Одни — православные, а другие — древлеправославные? Если даже Православная Русская и Православная Зарубежная Церковь не имеет между собою литургического общения, */ч) можно ли говорить о единстве? Если даже праздник Пасхи православные христиане празднуют в разное время, ибо одни приняли новый стиль, а другие живут по старому, то можно ли всерьез говорить о единстве Церкви? Итак, в чем заключается единство Церкви?» (с. 51).*

«А как же покрывающие Ковчег Завета херувимы, которых повелел сделать Бог? Ведь именно на этих херувимов ссылаются желающие оправдать существование предметов для религиозного поклонения у христиан? В Священном Писании сказано: „Когда Моисей входил в скинию собрания, чтобы говорить с Богом, слышал голос, говорящий ему с крышки, которая над ковчегом откровения между двух херувимов, и Он говорил ему" (Числ. 7, 89). Итак Моисей говорил с Господом и поклонялся именно Господу, а не херувимам. Ведь и множество народа постилали одежды и ветви по дороге, кричали „осанна" и кланялись не ослу, но Сидящему на

нем Христу, ехавшему по дороге в Иерусалим. Изображения для поклонения названы в Священном Писании идолами, а поклоняющиеся им — идолопоклонниками. Идолопоклонство — тяжкое преступление перед Богом, смертный грех... Есть предостережение против греха идолопоклонства в Новом Завете. Например, Апостол Иоанн пишет в своем послании христианам: „Дети! храните себя от идолов" (1 Иоан. 5, 21). В Откровении, бывшем тоже Апостолу Иоанну: „Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить" (Откр. 9, 20) — это говорится о бедствиях, которые постигнут людей в последние времена за грех идолослужения.

Апостол Павел в Послании к Римлянам указывает на то, что идолопоклонничество — причина распутной жизни (Рим. 1,21—23)» (с. 53).

«„Первые века христиане не имели изображений для поклонения. Исключение составляли еретики-гностики, которые имели изображения Платона, Аристотеля, Пифагора и Христа. Гностики считали, что образ Христа был сделан Пилатом, украшали его венцами и поклонялись ему, как язычники" (Ириней Лионский, „Против ересей", с. 94). Ириней Лионский считает, что все ереси ведут начало от Симона-волхва. Есть сведения о том, что статую Христа сделала в благодарность исцеления кровоточивая женщина (Матф. 9, 20—22). Есть предание о нерукотворном образе, который, конечно же, не сохранился. Но вера в Христа утверждается не на слухах и домыслах, но на откровении Божьем. Исполнять христианин должен ясные заповеди Божий, которые никто отменить не может. Поскольку было много обращенных ко Христу из язычников, то, по-видимому, иногда появлялись и некоторые изображения. Около трехсотого года был созван Эльвирский собор, запретивший делать изображения в храме. Язычники считали христиан за безбожников именно потому, что у них не было предметов для религиозного поклонения.

Когда император Константин, а вместе с ним и вся языческая империя вломились в Церковь Христову, и христианство стало официальной государственной религией, тогда цари земные стали строить храмы-дворцы, богато украшать их. Резко увеличивается число праздников, чтобы удовлетворить запросы язычников, влившихся в Церковь Христову. Появляются во множестве всякие изображения и предания, оправдывающие их появление. Начинается поклонение предметам, курение для них ладаном, возжжение пред ними светильников. Богослужение изменяется до неузнаваемости, и становится символическим, обрядовым, театральным — более обрядослужение, чем Богослужение* (с. 54).

«Почему церковные писатели, например, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, в своих трудах не упоминают о поклонении иконам, мощам, ангелам, Деве Марии? Почему раньше считалось, что не красками на дереве надо изображать лики святых, но их добродетели в своей душе, но потом стало не так?» (с. 56).

«Нужно ли воздавать религиозное поклонение и гвоздям, которыми распинали Христа? Если Иоанн Дамаскин пишет, что поклоняется вещам, посредством которых Бог совершил наше спасение, как то: горе Синай, Вифлеемским яслям и вертепу, Голгофе, дереву креста, гвоздям, губке, трости, копию, одежде, хитону, пелене, плащанице, святому гробу, камню гроба, горам Сион и Елеонской, овчей купели, саду Гефсиманскому („О святых иконах", из Третьего слова И. Дамаскина), то почему же в таком случае он опустил поклонение ослу, на котором Христос нашего ради спасения въезжал в Иерусалим?» (с. 56).

«Для чего разрывали на части тела угодивших Богу людей, так что рука находится в одном месте, ноги — в другом, а голова — в третьем? От кого получили эту заповедь? Кто разрешил?

Почему на Афоне нетленные мощи считаются грешными („земля не принимает"), а в России — святыми?» (с. 57).

«Если бы не было образов для поклонения, то легко ли было бы лжепророку заставить живущих на земле поклониться антихристу?

Почему раньше считалось, что диавол не может изобразить крест, не может молиться Богу, не может поклоняться иконам, тогда как сейчас он принимает вид ангела света, является

с крестом, творит молитву и поклоняется иконам, как об этом говорится в книге архимандрита Лазаря „Тайные недуги души“?

Если иконы угодны Богу, почему многие люди повредились в уме, когда от икон исходил свет, благоухание, голос, улыбки? Почему Бог это попустил?» (с. 58).

«Почему в повествовании о жизни Юлиана-отступника говорится, что когда жрец приводил его в капище, то перед статуей языческого бога сам загорался факел, а на лице статуи играла улыбка? Значит ли это, что чудеса ложные бывают и у язычников, и диавол их чрез это обольщает и погубляет?» (с. 60).

«Чем вызвано наименование «равноапостольным» в Церкви православного императора Константина, который крестился лишь перед своей смертью, а при жизни умерщвлявшего даже своих родственников, например, родного сына и жену? Обязан ли православный ученик Иисуса Христа воздавать ему (Константину) религиозное поклонение и лобызать его иконы и «святые мощи», как учит Православная Церковь?» (с. 62).

«Христос, придя на землю, не нарушил закон, но утвердил и исполнил (Матф. 5,17—18), Христос в молитве обращался только к Богу (Матф. 14, 23; 26: 36, 44; Марк. 1, 35; 6, 46; 14, 32—39) и тому же научил своих учеников. Когда сатана обещал отдать Христу все царства земли за одно поклонение, то Христос сказал: „Отойди от меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи“ (Матф. 4, 8—10).

По какому праву, кто и когда вменил в обязанность православным ученикам Христа обращаться с молитвой к умершим людям, ангелам, различным предметам и так далее?» (с. 65).

«Если сын должен обращаться к своему Отцу, то для чего же еще ему самовольно обращаться к рабам Отца, служителям, бесплотным силам и людям, давно умершим?» (с. 66).

«Почему в православном Символе Веры, принятом на I и II Вселенских соборах, Дева Мария не называется Богородицей?

Если у христианина есть Спаситель, то почему христианин, обращаясь не к Спасителю, должен просить: „Спаси“?

Почему первые христиане не обращались молитвенно к Богородице? Почему в древности христиане лишь праздновали память мучеников, а потом стали им поклоняться и молиться?

Почему, например, в девятой вечерней молитве Богородице говорится: „Тобою рай да обрящу“, тогда как рай обрести можно лишь через Голгофскую жертву Христову и заместить Христа не может и не должен никто?» (с. 67).

«Почему молятся честному кресту, говоря ему: „Радуйся“? Неужели крест живой?

Почему Ириной Лионский пишет о том, что еретики-гностики считали духовным существом Горний крест (ставрос)? Не молились ли они ему? Почему христианские миссионеры, споря с язычниками, доказывали, что не должен человек, имеющий бессмертную душу, созданную по образу Божью, поклоняться рукотворным предметам?

Почему в девятой песне покаянного канона ко Господу нашему Иисусу Христу говорится: „Ныне к вам прибегаю, Ангелы, Архангелы и вся небесные силы, у престола Божия стоящи, молитесь ко Творцу своему, да избавит душу мою от муки вечныя“? Кто разрешил или повелел обращаться не к Сидящему на Престоле Богу, а к стоящим возле Престола?» (с. 68).

«Почему верные христиане знали только Владыку мира — Господа Бога, а в каноне, песня девятая, говорится Богородице: „Владычица мира“?» (с. 69).

«Почему в каноне, обращенном к Иоанну Крестителю, просят: „Очисти мя, грехами оскверненного“? Понятно, что человек слаб, а мир во зле лежит, и человек может оскверниться грехами. Но зачем просить очищения от грехов не у Бога и Христа Его, а у умершего пророка?.. Не соберет ли себе молящийся более грехов, не прольется ли на него гнев Божий?

Почему в акафисте Богородице говорится: „...бане, омывающая совесть... тела моего врачевание, души моей спасение“? Нет ли здесь подмены Бога иным существом?» (с. 71).

«Почему в Священном Писании Бог называется Царем неба и земли, но ни про какую Царицу неба и земли там не говорится, и лишь только язычники, равно как и последовавшие за ними некоторые неверные Богу Иудеи, служили богине неба, кадили ей и делали ей пирожки с ее

изображениями, за что и обличил их пророк Иеремия (Иер. 44, 19), тогда как в акафисте Богородица называется Царицей неба и земли?

Кто, когда и по какому поводу сочинил акафист святому Николаю? Был ли этот человек христианином? Почему в этом акафисте есть такие неприемлемые и немислимые в устах христианина слова: „Радуйся, в бездну адскую сатану ввергая"? Тогда как в Священном Писании сказано: „И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его" (Откр. 20, 1—2). Неужели сочинитель акафиста не читал Священного Писания? Кем получает вечную жизнь кающийся? Разве не антихрист тот, кто вместо Христа? Почему далее в акафисте святителя Николая говорят: „Радуйся, яко тобою жизнь вечную кающиеся получают"? Кем делают сочинители акафиста и повторяющие за ними слова святителя Николая?

Почему в молитве на перенесение мощей святителя Николая есть такие слова: „Спасай нас, яко предстатель наш, великий Николай"? Почему имеющий Спасителя христианин говорит „спасай" умершему человеку?» (с. 72).

«Почему в Псалтири, в молитве по восемнадцатой кафизме, имеются такие слова: „...помилуй мя... блудника, прелюбодея, мужеложника, малакия (то есть онаниста) и так далее"? Кто и по какому праву составил эту молитву?.. Обязательно ли ее читать всем, в том числе и женищинам? Может ли женищина быть мужеложником?.. Если Апостол Павел в послании пишет о том, что такие грехи не должны и именоваться у христиан, то почему имеются? Не оскверняет ли и не соблазняет ли чтение подобных „молитв" людей целомудренных? Если и согрешил когда-либо человек чем-нибудь подобным, но затем покался и исправился, и Бог ему простил, то должен ли он продолжать читать эту молитву до самой своей смерти?

Есть ли у Бога Невеста? Почему в последовании по исходе души от тела в девятой песне говорится: „Невестою Тя нарицаем, Пречистая, Отца невидимого" ? Есть ли страх Божий у пишущих это и молящихся так?» (с. 73).

«Почему в первые века христиане обращались к Богу в молитве своими словами, но Бог слышал их и исполнял их прошения, а сейчас молимся чужими словами, выполняя молитвенное правило, но становимся и сами, и все вокруг нас — все хуже, и прошения, зачитанные нами по бумаге, редко или совсем не исполняются?

Если Василий Великий пишет, что „не позволено составлять какие-нибудь имена по собственному измышлению" („Творение", часть III, с. 71), то почему составили так много имен, не имеющих в Священном Писании, не открытых нам Богом, но еще и молятся им, как-то: „Богородице, Богоневеста"?

Почему раньше христиане думали о том, как угодить Царю Небесному, любили Его и молились Ему, а потом стали ревностно служить царям земным, некоторых из них почитать за святых и молиться им?

Почему Христос учил, что согрешившего брата надо обличить и, если покается, то простить ему (Лук. 17, 3; Матф. 18,15—17), а в Православной Церкви считается, что надо не обличать согрешившего, но молчать или просить у него прощения?» (с. 74—75).

«Почему раньше христианин называл Отцом и Владыкой Бога, а теперь — священнослужителей?

Почему в Православной Церкви нет евангелистов, то есть проповедников Евангелия? Неужели потому, что эта миссия оставлена для так называемых сектантов?

Почему обличать зло в мире считается дозволенным, а обличать зло в Церкви — преступление?

Почему до того, как Церковь стала государственной, христиане друг друга не убивали, но потом стало не так?» (с. 76).

«Почему среди сектантов редко можно встретить людей порочной жизни: блудников, пьяниц, воров и убийц, а среди православных — часто?

Надо ли слушать тех священнослужителей, которые учат не так, как учил Христос, то

есть не согласно с Евангелием?

Если ересь — это искажение истины, то много ли найдется нееретиков в Православной Церкви?

Если ересь — искажение истины и соединяется с нововведениями, которые внедряются под покровительством власти („Догматические послания православных иерархов XVII—XIX веков", с. 207), то сколько же было учреждено нововведений в Церковь Христову со времен царя Константина при посредстве власти? Разве не изменилась апостольская Церковь Христова до неузнаваемости благодаря своей „симфонии" с государством?» (с. 78).

«Почему появившееся не ранее VII века в Церкви предание вслед за апокрифическим Евангелием от Иакова утверждает, что первосвященник Захария ввел Деву Марию в Святая Святых храма Иерусалимского, тогда как в Евангелии от Луки ясно сказано, что Захария был не первосвященником, а рядовым священником Авиевой череды (Мук. 1, 5), и сам, следовательно, не имел туда доступа?

Поскольку храм Иерусалимский был огорожен дворами: сначала — двор священников, затем — двор для мужчин, затем — двор для женщин, дальше которого лицам женского пола невозможно было приблизиться к храму, и повсюду стояла стража, то как смог бы Захария ввести ее в храм, да еще и во Святая Святых, даже если бы он и был первосвященником?

Почему то же „предание" говорит, что Дева Мария выросла в Святая Святых, ходя туда для молитвы, и ее там питали ангелы? Для чего одним придумывать, а другим верить или делать вид, что верят, в эти сказки? Ведь праздник Введение в храм Богородицы — двенадесятый, и даже некоторые монастыри, например, Оптина пустынь, называются в честь Введения? Почему бы не сказать церковному народу правду? Дева Мария была посвящена Богу и жила при Иерусалимском храме в специальном корпусе, где находились и другие посвященные Богу девы. К какому преданию можно отнести сказание о Деве Марии в Святая Святых? Церковному, Священному, Апостольскому или человеческому?» (с. 82—83).

«Почему многие женщины скрывали свой пол; но облекались в мужское платье, под мужскими именами, то есть обманом, поступали в мужской монастырь, и признаны в Церкви святыми, например: Феодора Александрийская, память 11 сентября? И Евфросиния, 24 сентября? Разве не запретил Бог мужчине одеваться в женскую одежду, а женщине в мужскую? Как же они при причащении называли мужское имя, будучи женщинами? Не лгали ли они тем Самому Богу?

Если самоубийство по любому поводу считается грехом, то почему в таком случае девица Пелагия прославляется как святая мученица, несмотря на то, что она покончила жизнь самоубийством, желая избежать поругания от неверных? (Память 8 октября).

Не для того ли было придумано такое огромное количество праздников, что необходимо было прикрыть отступление государственной церкви от служения Богу в духе и истине, для прикрытия пустоты и ничтожности происходящего и для удовлетворения запросов язычников, вломившихся в Церковь Христову вслед за царем Константином?» (с. 84).

«Почему перед крещением не бывает самого главного: научения вере Христовой, то есть оглашения?

Почему крещение проводится еретически: то есть обливанием или окроплением?

Почему прежде крещения не требуют от людей покаяния в грехах и обещания Богу доброй совести (1 Петр. 3, 21)?

Если таинство крещения совершается в Православной Церкви правильно, подается благодать Святого Духа, совершается рождение свыше, то почему в таком случае крещенные люди почти никогда не становятся христианами, а остаются духовными мертвецами?

Почему вместо возложения рук, как положено в апостольской церкви, совершается миропомазание? (Д. Ап. 6, 6)» (с. 85—86).

«Почему это таинство /соборование/ совершается за деньги?

Почему, вопреки церковным правилам, перед соборованием почти нигде не бывает исповеди?» (с. 87).

«Почему у Христа и Апостолов была Тайная вечеря, а сейчас — Литургия?

Почему Евсевий Кесарийский пишет, что Литургия получила свое благолепие от императора Константина? Не означает ли это, что Литургия — его порождение?» (с. 80).

«Почему венчают за деньги, да еще и за такие, что лишь немногие могут их заплатить? Почему, вопреки церковным правилам, венчают второй, третий и четвертый раз, а некоторых, как, например, царя Ивана Грозного, и в седьмой раз?» (с. 94).

Хочется надеяться, что эти вопросы (мы привели далеко не все) серьезного искателя истины М. Г. Горохова, который мог сравнить служение Богу в центре русского православия Загорске (Сергиев Посад) со Священным Писанием, помогут вдумчивому читателю сделать однозначный вывод: фундаментом живой веры может быть и должно быть только Слово Божье. Противоречащие друг другу различные предания, апокрифы, личные выводы церковных писателей, видения и умозаключения монахов, жития святых и тому подобное могут восприниматься лишь тогда, когда они соответствуют Священному Писанию, а не противоречат ему. Всё, противоречащее Библии, христианину надо отвергать, чтобы не заблудиться в дремучем лесу преданий и небиблейских нововведений и не попасть, как пилигриму у Дж. Буньяна, в топь «уныния и сомнений». Жизнь очень коротка, а преданий слишком много, и занявшись их исследованием без «свотильника ноге и света стезе», то есть без Слова Божьего (Пс. 118, 105), человек может так и не найти истину, и погибнет душа его. А ведь Иисус так ясно и так доступно сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14, 6). Надо сначала загарантировать жизнь, приобретя спасение в Иисусе Христе, а спасенному можно позволить себе уделить время и для второстепенных исследований, хотя Бог повелевает поучаться в Его Законе «день и ночь» (И. Нав. 1, 8).

Очень хотелось бы посоветовать С. Кобзарю и А. Кураеву, да и всем ищущим истину, прочитать всю книгу М. Г. Горохова и сделать соответствующее заключение о православии. Следует еще отметить, что автор не является врагом православия, но, любя истину, не мог не обратить внимание на вопиющие отступления государственной православной церкви от Священного Писания. Под впечатлением вопросов Горохова, нам хочется задать еще один вопрос: если Бог в Священном Писании носит имя Святой, а патриарх позволяет именовать себя святейшим, то кто святее?

Мы просим прощение у читателя за отступление от последовательного анализа книги С. Кобзаря, но оно было необходимо, так как подтвердило и наши выводы при сравнении православной догматики с Библией. Итак, возвратимся к книге С. Кобзаря.

Часть III

О священном предании

Первое, что нам необходимо уяснить в этой главе, это значение самого слова «предание» и тот смысл, который вкладывают в это понятие православные. В толковом словаре мы можем прочитать: «Предание — переходящий из уст в уста, от поколения к поколению рассказ о былом, легенда» (Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой). Почти так же слово «предание» толкует и В. И. Даль.

Если принять это определение, то вопрос будет решен очень просто. Народная мудрость гласит: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Ни один историк не будет делать конкретных выводов по преданию. Он будет искать письменное подтверждение своим умозаключениям. Православные священники иногда смущают простодушных евангельских верующих софистической игрой слов. Они скажут, что и в Новом Завете есть подтверждение тому, что преданиям надо верить. Например, Апостол Павел пишет: «Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам» (1 Кор. 11, 2); «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фес. 2, 15). Все, знающие русский язык, подтвердят, что здесь речь идет не о каких-то пересказанных легендах, а о событиях того времени, о которых Апостол Павел или рассказал, или написал в послании. Он призывает «держат все, чему научены». Тогда не были еще написаны Евангелия, и люди верили словам Апостолов, которые устно излагали учение Иисуса Христа. Они передавали не предания, а подлинные события того времени. Это было свидетельство об Истине.

Евангелист Лука так начинает Святое благовествование: «Как уже многие начали составлять повествование о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова,— то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен».

Здесь мы тоже встречаем слово «передали», но передали «очевидцы и служители Слова». Мало того, эти события были «совершенно известны» и, к тому же, Лука все «тщательно исследовал» и записал. Это, конечно, не предание, а истина, которая может служить «твердым основанием учения». Значит, Священное Писание и предание — это разные вещи. Священное Писание надо воспринимать как истину, как руководство к действию, а предание требует проверки. Его надо принимать с большой осторожностью и рассматривать, образно говоря, через призму Слова Божьего. Совпадает предание со Священным Писанием — принимай, не совпадает — отвергай. Только при таком подходе есть гарантия не уклониться от истины.

Что является для православных священным преданием? С. Кобзарь пишет: «Ошибки могут быть у всех писателей и выразителей Предания, и Толковая Библия под редакцией Лопухина иногда, приводя толкование Златоуста или других Отцов Церкви, говорит, что это мнение, видимо, неверно по таким-то причинам. Главным образом такие выводы делаются на основании сравнения данного толкования с толкованиями других Отцов Церкви, хотя правда и то, что определенные части Священного Предания, такие как символ веры, решения соборов Церкви, литургия, уже не критикуются и признаны веками как абсолютно истинные. Теперь, если говорить конкретно, в чем выражается Священное Предание, то это следующее:

1. Решения соборов Церкви;
2. Писания Отцов Церкви;
3. Апостольские правила;
4. Евангелия и послания ранней Церкви, не вошедшие в канон;
5. Описания жизни и смерти Апостолов и других христиан;
6. Духовный опыт и учение святых;
7. Символы, принятые христианами;

8. Храмы;
9. Иконы;
10. Литургия;
11. Обряды и утварь храмов;
12. Церковные и бытовые обычаи.

Этот список можно продолжать. Предание — это все то, что 'было сделано Церковью под руководством Духа Святого, и то, что до сих пор творится. Все выражения Предания даже невозможно охватить» (с. 159—160).

Написано, прямо скажем, высоким слогом. Но красивая форма должна заключать в себе соответствующее содержание, иначе не соблюдается важнейший принцип эстетики — единство формы и содержания. В наших рассуждениях мы несколько раз отмечали, что православная церковь во времена Константина и в последующие годы была не только связана с миром, но находилась в полном подчинении у мирской власти. Цари и императоры осуществляли законодательные и карательные функции, которые церковь освящала; вели войны, на которые церковь благославляла. Духовное и мирское перемешалось, а смешение в Священном Писании называется не церковью, а Вавилоном. Дух Святой живет в истинной Церкви, но в Вавилоне Он жить не может.

Если из семи грехов против Духа Святого христианин совершит первые три греха: огорчение (Ис. 63, 10), угашение (1 Фес. 5, 19), оскорбление (Еф. 4, 30), то оскорбленный Дух Святой покидает сердце христианина. Подобное состояние описал Давид в 50-м псалме: «Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего» (ст. 13—14). Дух Святой не покидает человека, но Он находится уже вне сердца. Откр. 3, 20 относится к верующим (Ангелу Лаодикийской церкви). Христос говорит: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему». Дух Святой — это третье Лицо Бога, это Бог.

Наш Бог-Творец милующий и прощающий, но Он и Ревнитель (Исх. 34, 14; И. Нав. 24, 19). Он не потерпит беззакония в Церкви, Он оставит церковь, смешанную с миром и ставшую Вавилоном. Поэтому не надо деяния государственной церкви приписывать Духу Святому.

Автор Священного Писания — Дух Святой. Апостол Петр подтверждает: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божий человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр. 1, 21). Дух Святой наставил Апостолов на «всякую истину» (Иоан. 16, 13). Он не может ошибаться. Никто не осмелится сказать, что Библия ошибается. А вот про предание сам С. Кобзарь говорит, что «ошибки могут быть у всех писателей и выразителей Предания». Наверное, потому, что не Дух Святой — автор предания, а люди. Притом, если бы Дух Святой был автором и Библии, и предания, то между ними не было бы противоречий. Дух Святой, Дух истины, разделиться Сам в Себе не может. Истина истине тоже не противоречит. Вывод однозначен: Дух Святой — Автор Священного Писания, авторы предания — люди. (Пусть православные называют его Священным и пишут с большой буквы, сущность не меняется.) Мы не говорим, что в предании все плохо. Труды Иоанна Златоуста, Августина Блаженного и других церковных писателей очень поучительны, и многие из протестантов с удовольствием их читают, но ни об одном из двенадцати пунктов, входящих в предание и перечисленных С. Кобзарем, нельзя сказать, что это Священное Писание. Как о еврейском Талмуде нельзя сказать, что это Слово Божье, хотя он стал во много раз толще Ветхого Завета, также и о предании нельзя сказать, что оно богодухновенно, хотя во много раз объемнее Библии.

Пытаясь повысить ценность предания, С. Кобзарь напоминает второй, весьма важный, по его мнению, принцип православной герменевтики: «...Толковать Библию имеют право люди глубоко церковные» (с. 164). Самое великое деяние протестантов заключается в том, что они сделали Библию достоянием каждого человека. Может, он не претендует на звание «глубоко церковного» человека, но хочет быть спасенным и имеет право на собственные убеждения. Имея одно Евангелие, без предания, можно спастись, без Евангелия, без веры во Христа спасение невозможно.

Увлечшись апологией православного предания, С. Кобзарь приходит к опаснейшему выводу: «Библия не самодостаточна» (с. 170). Он пытается поставить авторитет церкви даже выше Священного Писания, исходя из того, что не Священное Писание создало церковь, а церковь, руководимая Духом Святым, составила библейский канон. На это мы можем сказать, что ко времени образования Церкви ветхозаветный библейский канон уже был и в древнееврейском оригинале, и в переводе на греческий язык (Септуагинта). Церковь создал Христос. О Нем Иоанн повествует:

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоан. 1, 1), а Бог говорит: «Я бодрствую над словом Моим» (Иер. 1; 12). В Новозаветный канон включались богодухновенные книги при непосредственном Божьем руководстве.

С. Кобзарь ранее упоминал, что «решения соборов церкви уже не критикуются и воспринимаются как абсолютно истинные» (с. 159). Но этот вывод очень просто опровергнуть. Эльвирский собор (конец III века, Гренада) вынес решение: запретить в молитвенных помещениях всякие изображения. В 754 году собор в Константинополе, созданный Константином V, запретил использование икон и осудил тех, кто выступал в их защиту. Почему бы православным не воспринять эти решения без критики как «абсолютную истину»? Может быть, решения Вселенских соборов С. Кобзарь предлагает принимать без критики? Но всякий, познакомившийся с решениями Семи Вселенских соборов, может убедиться, насколько они противоречивы. И Вселенские соборы ошибались. Когда Западная церковь уже приняла Откровение Иоанна (Апокалипсис), то Восточная еще долго не решалась признать его богодухновенность.

II Вселенский собор (Константинополь, 381 год) даже осудил учение о хилиазме (о Тысячелетнем царстве Христа, о первом и втором воскресении). Это создало огромную трудность для толкования Откровения современными православными богословами, так как они не могут отвергнуть решение собора, хотя понимают ошибочность этого мнения.

Слава Богу, что по Его изволению Откровение Иоанна Богослова включено в библейский канон, и Библия заканчивается словами, запрещающими что-либо прибавлять или убавлять от Священного Писания (Откр. 22,18—19). Так было угодно Духу Святому, хотя не все в то время с этим соглашались. Значит, Библия, Автором которой является Дух Святой, вполне самодостаточна для спасения человека, жившего или живущего в любом столетии. Этому выводу противоречит проживающий в Америке православный диакон Джон Уайфорд в своей брошюре «Только одно Писание?», изданной в 2000 году в Нижнем Новгороде. Нам придется познакомиться с его мнениями.

На чем же основывается американский диакон, не признавая Библию самодостаточной для спасения души человека? Вот что он пишет: «Библия не содержит в себе учения по всем вопросам, представляющим важность для Церкви. В Новом Завете не описывается подробно богослужение, хотя последнее — дело вовсе не маловажное. Более того, Церковь, которая сохранила и вручила нам Священное Писание - это та же самая Церковь, от которой мы получили определенные формы богослужения. Если мы не доверяем этой Церкви в том, что она правильно донесла до нас апостольское богослужение, то мы также не должны ей доверять и в вопросе надежности сохранения Писаний» (с. 23).

Сомневаться в вопросе надежности сохранения Писаний нет надобности. Их достоверность подтверждают и различные отрасли исторической науки.

Священное Писание, особенно Новый Завет, дает достаточно сведений о богослужении. Все ненужные наслоения на простоту богослужений первых христиан — это позднейшие деяния церкви, которая стала государственной. Истину можно подтвердить лишь истиной, а Слово Божье и есть неопровержимая истина. Иисус дал такое определение Библии: «Слово Твое есть истина» (Иоан. 17,17). И, вдруг, после такого заверения Божьего Сына, мы читаем парадоксальный вывод американского диакона: «В Библии нет ни одного места, где бы сообщалось, что Писание является единственным авторитетом для верующих. Если бы такое учение содержалось в Библии хотя бы и в скрытом виде, то уже первые отцы Церкви учили бы тому же самому» (с. 37).

Библия — это Слово Божье. Иоанн в начале своего Евангелия говорит: «Слово было Бог? (Иоан. 1, 1). Но, если кому-то Слово Божье — не авторитет, истина — не авторитет и даже Бог — не авторитет, то «трепещущим пред Словом Божиим» (Ис. 66, 2) очень трудно с такими разговаривать. Абсурдно высказываниями «первых отцов церкви» проверять авторитет Библии. И если эти «отцы» не преклонились перед Словом, Божьим и пытались свой авторитет поставить выше Библии, то горе им и тем, кто восхищается их авторитетом. Тюбингенские богословы-протестанты разумно ответили на письмо патриарха Иеремии II: «Нет лучше способа толковать Писание, как искать объяснение Писания в самом же Писании. Ибо все Писание продиктовано одним и тем же Духом Святым, который лучше всех знает Свою волю и лучше всех может определить вложенный Им Самим смысл».

Джон Уайффорд пытается доказать, что Библия не самодостаточна, ссылаясь на большое количество протестантских течений, которые, используя Библию, не нашли единства. Да, об этом приходится лишь сожалеть, но и это предречено в Священном Писании. Апостол Павел предупреждает, что «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19), и что войдут «лютые волки, не щадящие стада... восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Д. Ап. 20, 29-30). Апостол Петр также предупреждает, что будут «лжеучители, которые введут пагубные ереси» (2 Петр. 2, 1). Не будем забывать, что диавол действует в полной ярости. В 12-й главе Откровения повествуется, как «большой красный дракон... пустил из пасти своей вслед жены воду, как реку, дабы увлечь ее» (Откр. 12: 3, 15). Цель диавола — замутить чистый евангельский источник живой воды. Сейчас очень ясно видно, как «река дракона» начинает свое действие, но евангельский источник чист и не замутнен, и желающий еще может найти воду жизни.

Ложные заключения американского диакона очень просто опровергаются его же аргументами: если, по его словам, отцы церкви первых веков оставили единственно правильное толкование Библии, то мы можем сказать, что ересей они оставили еще больше. У каждой ереси был тоже свой «отец». Свидетели Иеговы, наверное, с удовольствием назовут Ария своим «отцом». Гностицизм, арианство, монтанизм, донатистский спор, пелагианство, монофизитство и монофелитство, папизм и так далее, и тому подобное — вот неполный перечень иных учений и ересей, которые не смогло предотвратить «единственно верное толкование Библии отцами церкви». И самая страшная ересь — магометанство (ислам) - возникшая в VII веке, тоже не была предотвращена отцами церкви. Так что вывод о несостоятельности Библии, что она имеет силу только вкуче с толкованиями отцов церкви, опасен, ложен, еретичен.

Джон Уайтфорд ратует за «всеобщность веры», которая не может рассматриваться без двух признаков: «древности» и «согласия». На шестой странице своей брошюры он пишет: «Слова “новшество”, “нововведение” — это синонимы ереси». Но ведь самая древняя вера — евангельская. Об устройстве церквей, живущих в «согласии» мы читаем в Деянии Апостолов и в посланиях Апостола Павла. И если «новшества и нововведения — синонимы ереси», то давайте убирать все, что не согласуется со Священным Писанием и тогда сохраним «веру, однажды преданную святым» (Иуды ст. 3). Мартин Лютер говорил: «Есть только одна книга — Библия и одна Личность — Иисус Христос». Апостол Павел так наставлял первых христиан: «Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь...» (Евр. 13, 8—9). Мы вполне можем согласиться с мнением Августина Блаженного, каким должен быть человек, приступающий к толкованию Священного Писания.

«Это тот, кто:

- 1. любит Бога всем сердцем своим и лишен гордыни;*
- 2. желает уразуметь Божественную волю, движимый верой и почтением, а не гордостью или жадностью;*
- 3. имеет чистое сердце, по возможности умирая для мира сего;*
- 4. не боится и не старается кому-либо угодить;*
- 5. не ищет ничего иного, кроме знания Бога и единения со Христом;*
- 6. алчет и жаждет праведности;*
- 7. неустанно участвует в делах милосердия и любви».*

(«О христианской науке». Книги I—IV).

В заключение этого раздела познакомим читателя с суждением М. Лютера о самодостаточности Библии. Обратимся к «Истории христианства» Хусто Л. Гонсалеса:

«Представление о Божьем Слове как о Самом Иисусе Христе дало Лютеру возможность ответить на одно из главных возражений католиков (как видим, и православных) против его учения о превосходстве авторитета Писания над церковным авторитетом. Они утверждали, что коль скоро именно церковь определила, какие книги следует включать в канон Писания, ее авторитет, несомненно, выше авторитета Писания. Лютер ответил, что Библия создана не церковью, равно как и церковь создана не Библией,— как Библия, так и церковь появились в результате донесения Благой Вести, послания Иисуса Христа, воплощенного Слова Божьего. Но Писание предлагает более достоверное свидетельство Благой Вести, чем папская одержимая корыстью церковь или даже самое надежное христианское предание, поэтому Библия выше церкви, папы и предания. Это действительно так, хотя нельзя отрицать, что на раннем этапе развития христианства именно церковь распознала Благоую Весть в одних книгах, а не в других, и тем самым определила содержание Библии (т. II, с. 33).*

Часть IV

О сущности церкви

В этой части книги С. Кобзарь повторяет некоторые свои выводы о церкви, высказанные еще во введении. Их мы уже комментировали.

Наверное, никто не сможет сказать о Церкви лучше и правильнее Апостола Павла. В Послании к Тимофею мы читаем: «Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 14—15).

Понятно, любая деноминация будет связывать вопрос возникновения церкви со своей догматикой и почитаемыми в этой деноминации личностями. Но все христиане да помнят слова Иисуса: «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16,18).

Церковь создана Христом не на Апостоле Петре и не на двенадцати Апостолах. При всей их верности Богу это было бы недостаточно прочное основание. Имя «Петр» (камень) Иисус применил только для того, чтобы сказать о другом Камне «который отвергли строители», но он «сделался главою угла» (Пс. 117, 22; Матф. 21, 42). Этот Камень - Сам Иисус Христос, и если Иисус «прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44, 3), то и Его создание - Церковь - несравненно прекраснее человеческих строений. О Церкви, Голубице, Невесте Христа хочется писать стихами. Когда я был лишен свободы за имя Господа Иисуса Христа, то по-настоящему оценил красоту Церкви Христовой, увидев контраст между нею и окружающими меня личностями.

Позволю привести несколько строф из написанного тогда стихотворения.

*Там, на Голгофе, родилась она, Христа Невеста, Голубица.
Его рукой в виссон облечена, Что может в мире с ней сравниться?!
О Церковь, о тебе пою я песнь И поэтические гимны.
Как хорошо, что на земле ты есть! Во тьме горят твои рубины.
Ученый мир открыть сейчас сумел, Хоть это многим непонятно,
Что будто у галактик есть предел, А на светящем солнце — пятна.
Быть может, есть и пятна, но взгляни: Лишь свет дарует солнце людям,
И мы во все свои земные дни Светилом только любоваться будем.
На Церковь я взглянул сейчас из уз, И голос сердца мне ответил:
«Да, это истинный, святой союз, Единственный на всей планете!»
О братья, сестры, как люблю я вас! Пусть к вам летит мое признание.
Вы для меня вот в этот трудный час Есть слава Церкви и сиянье...*

Но вернемся к книге С. Кобзаря. Он пишет: «Протестантизм — это, по сути, развитие греха папы римского. Когда-то он возгордился и подумал, что он не нуждается в других, и ему одному открыта истина. Лютер лишь возразил: „А почему одному папе римскому? Всем нам открыта полнота истины"» (с. 183).

Конечно, после такого заявления С. Кобзарю ничего не остается, как только возвеличить православный Восток, где, по его мнению, единственно сохранилась истина. Мы не намерены реабилитировать римского папу, но только позволим себе еще раз напомнить, что до 1054 года и католики, и православные оставляли после себя один неприглядный след отступлений от Священного Писания. Мы не идеализируем ни Лютера, ни других реформаторов. У них были свои недостатки и реформацию они не смогли довести до конца, но через них Бог позволил людям увидеть эталон истины, Священное Писание, и по нему сверять план своих жизненных строений, отбросив ненужные человеческие пристройки. Надо же, в конце концов, понять и С. Кобзарю (и ему подобным), что история не игра случайностей, а цепь закономерностей.

Еще в молодости, серьезно изучая философию, у идеалиста Георга Вильгельма Фридриха Гегеля в «Феноменологии духа» я прочитал такие слова: «Существование государства — это

шествие Бога в мире... Если человек не хочет погибнуть, то он должен признать, что мир — это разумное осуществление Божественной воли, игра неразумных случайностей царит лишь на его поверхности». Я не намерен использовать философию для защиты истинности Священного Писания (истина способна защищать себя сама), но надо признать, что протестантизм — это закономерный спиральный виток и над католицизмом, и над православием. Этот виток качественно выше, потому что может приблизить каждого к истине, к Слову Божьему, к Иисусу Христу.

После таких размышлений так неаргументированно звучит вывод С. Кобзаря: «Библия не есть Иисус Христос, это очень важно! Церковь без Писания может жить, как жила она первые и лучшие свои века. Без Христа же не может она жить никак» (с. 184).

Трагедия православия в том, что оно пытается разбить несокрушимый монолит: Бог — Иисус Христос — Дух Святой -Священное Писание, а в пробоины втиснуть предания. Надо же выдумать такое: «Церковь без Писания жила первые и лучшие свои века»! Получается, что лучшие века для церкви были лишь потому, что тогда не было Священного Писания? Какой абсурд! Да такого никогда не было! Прежде чем Христос создал Церковь, ей в наследие Отец Небесный оставил ветхозаветный библейский канон. Призывая исследовать Писания (Иоан. 5, 39), Иисус Христос полностью преподал ученикам Новый Завет, а Дух Святой наставил их «на всякую истину» (Иоан. 16, 13). Без Священного Писания церковь не может жить, а если, по С. Кобзарю; такая жизнь возможна, то это будет учреждение, основанное на учении Валаама или на иезавелевой «закваске» (Откр. 2: 14, 20).

Мы уже говорили, что в Откровении Иоанна Богослова под конкретными церквами Азии (Малой Азии) подразумеваются исторические периоды. Нареканий нет только Смирнской и Филадельфийской церквам, а остальным Иисус предлагает покаяться, для того, чтобы иметь спасение. Значит, церковь не спасает, а нуждается в спасении, единственный Спаситель — Христос. Иоанн Креститель, приготавливая путь Господу, говорил: «Лопата Его в руке Его и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Матф. 3, 12). Многие самовольно пытались взять «лопату» из рук Иисуса, но Он ее, то есть вопрос спасения, не доверил никому. Он — единственный и полновластный Спаситель.

В притче о милосердном самарянине (Лук. 10, 30—37) мы видим, что ни священник (теократический закон), ни левит (ветхозаветное священство) не помогли израненному разбойниками (грехом). Ему нужен милосердный самарянин, то есть Сам Христос. Он перевязывает раны избитому и доставит в «гостиницу». Гостиница — это церковь. Ее роль, а также обязанность содержателя гостиницы (пресвитера) создать условия, чтобы спасенный самарянином мог вполне выздороветь. В лице самарянина Христос даже оплачивает издержки на лечение, а не вытягивает из несчастного последние копейки. В гостинице (церкви) содержатся только живые, может быть, и слабые здоровьем, но мертвых туда не привозят. Содержатель гостиницы не воскрешает мертвых. Чтобы быть в церкви, нужно исполнить повеление: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5, 14). В одном гимне мы поем: «О друг, иди в Церковь живую!» Если в церкви будут мертвые, то она будет смердеть, а не источать «запах живительный на жизнь» (2 Кор. 2, 16).

Господь дал повеление Своим ученикам (а чрез них и всем призванным) идти по всему миру и проповедовать Евангелие всем народам, но последователи Иисуса Христа, сами спасти никого не могут, они только распространяют евангельское благоухание и приводят грешников ко Христу. В Духе Святом Христос находится в любом уголке нашей планеты. Он говорил ученикам, что для них будет лучше, если Он уйдет к Отцу. Почему же так? Потому что, если бы Христос оставался в теле на земле, то, чтоб получить спасение, каждый человек должен был бы с Ним лично встретиться. Один христианин подсчитал, что в таком случае современному жителю земли пятиминутную аудиенцию со Христом необходимо было бы ждать 362 года. Но, благодарение Богу, в любой момент Христос будет рядом с тем, кто захочет быть спасенным, призвав имя Иисуса (Иоиль 2, 32). Рожденного свыше от Слова Божьего и Духа Святого и принявшего крещение по вере Дух Святой «крестит в одно тело» (1 Кор. 12, 13), то есть вводит во вселенскую Церковь Христа. Эта Церковь, действительно, является «соборной», то есть

собранный из всех народов. Членство в этой Церкви определяется Самим Господом. Имена спасенных «вписываются в книгу жизни (Откр. 20: 12, 15).

Краткий исторический обзор протестантизма

Читатель может подумать, что ведя догматический диалог с тремя православными диаконами (в основном с С. Кобзарем), мы защищаем весь протестантизм со всеми его ответвлениями. Это далеко не так. Мы готовы защищать все положительное в протестантизме, что согласуется со Словом Божиим, и конкретно высказать свое мнение по вопросам, не соответствующим Священному Писанию.

Мы не можем быть в единстве духа с протестантами-детокрещенцами (лютеране, кальвинисты). Хотя они ввели конфирмацию (посвящение в члены церкви в возрасте 14—15 лет), но не дошли до крещения по вере. Мы не питаем симпатии к адвентистам, особенно признающим пророчицей Елену Уайт (Вайт), которая в книге «Велика борьба Христа с сатаной» всех, празднующих не субботу, а воскресение Иисуса Христа, называет принявшими печать антихриста. На наш взгляд, это та самая «фарисейская ересь», осужденная Иерусалимским собором Апостолов и пресвитеров (Д. Ап. 15, 5).

Мы очень скорбим о либерально настроенных христианах, подвергающих сомнению Библию и ведущих вольный образ жизни, и вполне согласны с мнением С. Кобзаря о неопротестантах (харизматы, церковь «Новое поколение» и другие). На двести восьмой странице он пишет: «Начинается явное беснование (примеры: падения „силой Духа Святого“; Ледаев лежит на спине на другом пасторе и орет; пастор бьется головой ритмично час о пол). Говорение гласолалиями, которыми говорят различного рода язычники и оккультисты, лжевидения, лжечудеса, „святой хохот“, использование рок-музыки, которая является сатанинской в противоположность духовной музыке Церкви и так далее. Крайнее проявление харизматии уже мало отличается от оккультизма: тот же опыт, та же музыка, те же методы воздействия на психику людей. Для харизматов по духу дискотека и рок-концерты».

Нам самим пришлось стать свидетелями так называемого служения церкви «Новое поколение». В августе 2003 года в городе Харцызске ими была поставлена палатка на 1000 мест в пятнадцати-двадцати метрах от зооцирка. Две автономные церкви ЕХБ и три церкви братства МСЦ ЕХБ города усиленно молились, чтобы Господь защитил жителей от этого лжеучения и удалил желание идти на эти «представления» (богослужениями совесть отказывается их называть). Нам с родным братом областной братский совет дал разрешение присутствовать на открытии этой палатки. Вместо тысячи собралось примерно сто двадцать человек. Восемьдесят из них — агитаторы, которые под оглушительную низкопробную музыку отменно прыгали и хлопали в ладоши. Три певицы — в декольте и брюках, а синтезаторщик и гитарист — в шортах так усердно «радели», что звучащая рядом, в цирке, музыка, по сравнению с этим «радением», казалась ласкающей ухо симфонией. Сидевший рядом мой брат наклонился к моему уху, чтобы было слышно в этом грохоте, и сказал: «После такого представления я бы, кажется, расцеловал любого православного». На второй день народа было еще меньше, на третий день лидер пообещал накрыть столы. Больше мы туда не ходили. Отрадно было, сознавать, что из общин ЕХБ, кроме нас, палатку посетили только два человека.

Хочу довести до сведения С. Кобзаря и всех, чье религиозное чувство оскорблено использованием в богослужениях подобной музыки, что в братстве МСЦ ЕХБ такой музыке места нет. Музыкально-хоровой отдел (МХО) МСЦ ЕХБ организовал регулярное обучение на курсах регентов хора, руководителей народных, духовых и струнно-смычковых оркестров, и повсеместно проводит разъяснительную работу с целью, чтобы музыкальное служение в нашем братстве было благоговейным (Евр. 5, 7; 12, 28).

Музыка, где применяются ударные установки и запрограммированные на синтезаторе ритмы, у нас не используется. Ее истоки — африканский оккультизм и безнравственные ритмы рок-н-ролла. В мире этот стиль шлягерной музыки почти вытеснил классику. К сожалению, он проникает и в христианство. Мы хотим уведомить тех, кто не знает, что этим нашествием исполняется один из пунктов программы сатанистов: покончить с христианской музыкой.

Вместе с православными мы переживаем, видя, как в назойливых действиях свидетелей Иеговы ожила арианская ересь, осужденная еще на 1 Никейском соборе в 325 году. Мы с

настороженностью относимся к насаждению западного протестантизма с кальвинистским принципом невозможности потери спасения, с молящимися сидя, с вольным, не соответствующим Евангелию поведением, с проамериканскими учебными заведениями (типа ДХУ), где доллар господствует над истиной. С осмотрительностью мы относимся и к русским религиозно философствующим мыслителям (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой и другие). В беседе с неверующими мы, конечно, используем их глубокомысленные аргументы, доказывающие бытие Бога и опровергающие измышления материалистов, но в догматических вопросах мы доверяем только Библии. Одним словом, на все течения в христианстве, на деяния мудрых людей и даже на современный научный прогресс мы смотрим через призму Священного Писания и все измеряем библейским каноном.

Порой мы восхищаемся красотой православных и католических храмов (сейчас и у протестантов есть дома молитвы, достойные восхищения), но не сомневаемся, что Иерусалимский храм был намного красивее. И все же Христос, видя отступление от истины, вынес приговор: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23, 38); «...не останется здесь камня на камне» (Матф. 24, 2). Мы вполне воспринимаем красоту православного, католического и протестантского хорового пения и не можем оправдать, как уже говорилось, действий У. Цвингли, когда он, упраздняя католическую службу, приказал выломать и выбросить из храма орган.

Мы не пренебрегаем красочно оформленной Детской Библией, не боимся детям разъяснять Священное Писание с помощью поясняющих иллюстраций, но мы никогда не согласимся, чтобы картины стали предметом поклонения, то есть кумиром.

Мы рады, что на алтаре в православных храмах все же лежит Евангелие, а не другая книга, но насколько было бы превосходней, если бы Слово Божье было сокрыто в сердцах православных и вошло бы в их жизнь и быт. Евангелие выше церковных канонов, и его живые всходы все равно пробьются через мертвые плиты формальной обрядности и догматики. Нам приятно сознавать, что и у С. Кобзаря, изучившего Священное Писание, не все заслонено православием. Сколько он слов употребил, доказывая, что спасение возможно только в православной церкви, и вдруг на двести пятнадцатой странице обнаруживаются незасохшие ростки евангельской истины! Он пишет: «Богословски трудно, да и не стоит утверждать, что вне Церкви никто не спасется. Пути Господни неисповедимы и милость Его непредсказуема. Можно лишь надеяться, что, как людей, живущих до Христа и после Него, не слышавших Евангелие, но живших по совести, Бог найдет какую-то возможность спасти, так и некоторых католиков и протестантов, наученных в своей вере и по совести и моральному учению Христа старавшихся жить, Бог также сможет спасти». Защищая православие, С. Кобзарь выражает уверенность, что «в православии точно можно спастись» (с. 216). Но почему же никто из православных не знает, что спасен? Почему Дух Святой никому из них не дал свидетельство спасения? Почему о себе и о христианах Рима Апостол Павел мог сказать: «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божий, а если дети, то и наследники, наследники Божий, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 16—17). Вывод таков: православные или еще не спасены, или не имеют в себе Свидетеля спасения — Духа Святого, а «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Человека, который - тонул, но был извлечен из воды и приведен в чувство, не надо г уверять, что он будет спасен, он это уже знает.

На двести восемнадцатой странице С. Кобзарь предупреждает фундаментальных евангельских христиан-баптистов об угрозе экуменизма, который он называет универсализмом. Он пишет: «Я убежден, что универсализм будет наиболее вползть в протестантизм именно с этого крыла неопротестантизма и с либерального, конечно же, еще больше. Католики тоже поддаются этому духу универсализма. Папа римский открыто встречается и молится с представителями различных религий. 1 февраля 1986 года жрица-индуистка клеит папе на лоб символ Талик, признак при надлежности идолу Шиве, богу мести и разрушения. Папа приветствуется с Далай-ламой, «божественным» главой буддизма; братается со служителями сатанинского культа Вуду, называя контакт с ними «обоюдным обогащением»; целует Коран в

знак равенства всех религий».

Это нам известно, и мы спешим сообщить всему христианству, что в городе Сан-Франциско разработан и принят устав всеобщей религии (денежные затраты возмещены из фонда М. С. Горбачева). Уже было пробное совещание, которое служением трудно назвать. Съехались 1000 служителей различных культов (миллениум) и с восторгом приняли декларативное заявление: не только Христос - Спаситель мира. Подкрепленные софистикой аргументы миллениума не знающим Священного Писания покажутся вполне приемлемыми. Они таковы: мы все стремимся к истине (к Богу), как альпинисты стремятся к вершине, но с разных сторон горы: мы все достигнем истины, только не надо мешать друг другу; Бог истину открывает людям по-разному — одним через Христа, другим через Магомета, Будду, Кришну и так далее.

Но читающие Евангелие знают бескомпромиссное свидетельство Иисуса: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоан. 14, 6).

Апостол Петр увещевает идущих за Христом: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного» (1 Петр. 4,12). Огонь испытаний определит верность каждого последователя Иисуса Христа. В иностранных журнальных статьях уже проскальзывают угрожающие заявления, примерно такие: кто будет впредь провозглашать, что только Христос — Спаситель мира, те будут подлинными врагами мира. Скоро и очень скоро начнется проверка христиан на верность Господу. Мы будем очень рады, если многие из православных, упразднив всех угодников, будут провозглашать Христа единственным Спасителем мира и в этом проявят такую же сплоченность, как и в отрицании идентификационного номера с числом антихриста 666. Пока есть время, нужно поправить светильники, запастись маслом (Матф. 25, 1—13), освободиться от грехов, исповедуя их перед Иисусом Христом и поступить по совету Апостола Павла: иметь в себе «приговор к смерти» (2 Кор. 1, 9). Не надо обольщаться неверным толкованием, что Тысячелетнее царство Христа уже наступило (началось со дня распятия Христа). По Писанию, при наступлении Тысячелетнего царства диавол будет скован, а сейчас он «ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр. 5, 8) и усиленными темпами готовит царство антихристу. Пока что мир — это царство князя тьмы, где верные Богу уничижены и презренны.

Православные сами себе противоречат. Если Тысячелетнее царство Христа, по их догматике, уже наступило, то чего же они так дружно испугались трех шестерок (печати антихриста)? Интуиция подсказывает старцам на Афоне, что сначала будет воцарение антихриста с его печатью 666 (Откр. 13, 4; 15—18), а после низвержения диавола настанет Тысячелетнее царство Христа (Откр. 20, 1—7). Христианам последнего времени нужно помнить слова Апостола Павла: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти; потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков» (1 Кор. 4, 9).

., На заседании этого же безбожного миллениума (Не путать с Миллениумом — Тысячелетним царством Христа. Диавол всегда подделывается под Священное Писание.) православный священник призвал подать голос «в защиту нерожденных детей». Его заявление встретили смехом, как и предложение татарского муллы «считать законным брак только между мужчиной и женщиной». Вот какая свобода (*Liberte*) нужна организации объединенных религий (ООР), которая претендует на такие же полномочия в мировых религиозных кругах, как ООН в политике. Да поможет нам Господь ценить данную нам свободу и стоять в ней! «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

Нам отрадно слышать отзыв С. Кобзаря на двести двадцать второй странице: «Протестантам, конечно же, нельзя отказать в том, что многие из них ведут моральный образ жизни, исполняя заповеди [Христа]».

Апостол Иоанн пишет: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими» (1 Иоан. 3, 1). Q, если бы все, называющиеся христианами, были детьми Божиими, тогда им не надо было бы создавать союзы, соглашения, пакты, потому что все, имеющие Небесного Отца, едины в Нем (Иоан. 17, 21).

На 226—229 страницах С. Кобзарь приводит примеры соединения с миром

протестантских церквей. Да, тайна беззакония уже в действии, диавол будет стараться «прельстить, если возможно, и избранных» (Матф. 24, 24). Но давай же будем откровенными, Сергей! Ведь в православии даже церковного членства нет; там — прихожане и миряне. Они не только соединены с миром, они — мир, «захожане», случайно или по большим праздникам посещающие храм.

На двести тридцатой странице С. Кобзарь заявляет: «Опровергните мне доводы этой книги, те библейские и исторические свидетельства — и я останусь баптистом».

Доводов приведено достаточно, дорогой Сергей, только дал бы Господь тебе сил смириться и с покаянием воспринять их. У Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» описывается встреча мудрого старца Зосимы с женщиной, растратившей все свое имение и потерявшей доброе имя. Она просит старца: «Убедите меня в вере в Бога, иначе жить нет смысла!» Он очень мудро ответил: «Убедить-то нельзя, а вот убедиться можно». Только при таком условии, Сергей, ты можешь получить ответ на свои вопросы. Господь не перестал любить тебя. Он готов «опровергнуть» все твои доводы и помочь тебе (Иер. 31, 3).

На двести тридцать четвертой странице С. Кобзарь пишет: «Смотря на протестантизм, мне ни о чем так не хочется скорбеть, как о том, что никому не нужна истина. Людям, читающим постоянно Писание, на самом деле неинтересно знать, чему это Писание учит. Как когда-то Сократ бегал с зажженным факелом среди бела дня по многолюдной площади, ища человека, так и сейчас нужно бегать среди протестантов, ища того, кому на самом деле нужна истина».

Ну где же логика? Разве будет кто-то каждый день читать Священное Писание, если не найдет там истинную пищу для бессмертной души?! Каждый логически мыслящий человек ясно увидит, что здесь ты ошибаешься, точно так же, как приписывая Сократу действия, которых он никогда не совершал. Сократ никогда не бегал с факелом «по многолюдной площади, ища человека». Нечто подобное делал Диоген, который, в знак протеста против безнравственности горожан, поселился в бочке, и обходил город с факелом, отвечая спрашивающим, что ищет человека. Диогена называли «беснующимся Сократом».

Утверждение, что протестантам «многим нет дела до истины вообще, они верят так потому, что им удобно» (эта же страница), безосновательно. «Удобнее» религии, чем православие, трудно придумать: и грешить можно, и причащаться можно, и отпоют пьяницу за деньги, и за деньги же будут совершать годовой молебен, чтобы, пройдя через все мытарства, душа все равно как-нибудь пробралась в рай. Когда-то В. Высоцкий пел: «Удобную религию придумали индусы», — а ведь православные придумали не менее удобную религию. Только бесполезны и крайне опасны эти выдумки, отводящие человека от покаяния. Выход один — от всех человеческих наслоений возврат к учению Иисуса Христа. Никто не будет возражать, что вода в реке, например, Волге, гораздо чище у истоков, на Валдайской возвышенности, чем в устье, при впадении реки в море у города Астрахани. Истоки христианства — это Евангелие. Да устремится душа ищущих истину к евангельским истокам, как лань, которая желает «к потокам воды живой» (Пс. 41, 2)!

К концу книги С. Кобзарь обнаруживает мучительное желание найти истину, устроить диспут между баптистами и православными. Он откровенно признается: «Каждый все равно должен сам разобраться в этом, ведь это вопрос жизни и смерти. Ведь я не являюсь большим знатоком жизни и учения древней Церкви» (с. 235—236). Такая скромная оценка своих знаний очень похвальна! Когда-то я прочел у французского историка Эрнеста Ренана оригинальный вывод: «Счастлив, кто пришел к открытию, что он обладатель самого обыкновенного ума». Апостол Павел предлагает еще лучшее средство против переоценки своих знаний. Он пишет: «Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим. Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1 Кор. 4, 6—7).

Диспуты — это неплохо. Если инициатива будет исходить от православных, то баптисты ответят согласием, если же инициаторами будут баптисты, то, думаю, диспутов не получится. Я, занимающийся благовестием, много раз был свидетелем, как православные, в полном смысле,

устраивали погромы и разбирали палатки, поставленные баптистами для проведения богослужений. Диспуты, я уверен, будут в пользу баптистов, так как одно дело иметь знания, другое — жить согласно учению Иисуса Христа. А жизнь-то православных баптистам известна, это мир, и отнюдь не Божий. Только в диспутах от споров лучше устраняться. Тот же Эрнест Ренан мудро сказал: «В спорах не рождается, а забывается истина». А почему? Потому что «цель увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступивши, некоторые уклонились в пустословие» (1 Тим. 1, 5-6). Самое лучшее — внять словам Иисуса Христа, который предлагает не предания исследовать, а Писания, ибо только чрез них мы будем иметь жизнь вечную (Иоан. 5, 39). Конечно, православные, которые смогли закончить заведения типа ДХУ, могут сказать: мы знаем Священное Писание. Может быть, и так, но мудрые раввины своим ученикам говорят: «В бочку, набитую орехами можно влить еще много, много мер масла».

На двести тридцать восьмой странице С. Кобзарь пытается представить позицию протестантов тупиковой. Он пишет: «Предположим, что все три ветви христианства, как верят протестанты, равноспасительны и являются ветвями одной церкви (православие, католицизм, протестантизм). Все равно нужно выбирать, к какой нам себя относить, куда ходить и где причащаться. Католичества у нас почти нет, да и с ним нам все понятно. Реальный выбор — это православие и западный протестантизм в какой-либо из его форм. Западный же потому, что влияние западного протестантизма на русских подавляющее... Русский и украинский протестантизм становится американским» (с. 238—239).

Вот что, оказывается, смутило С. Кобзаря! Он испугался американского протестантизма и ринулся в православие. Но кто же заставлял его идти учиться в проамериканский ДХУ? А где вера словам Христа, что врата ада не одолеют Церковь? Нам надо уповать не на американский, не на русский или украинский протестантизм, но на евангельско-библейский. (В этом году 34 иммигрантских церкви ЕХБ в США письменно заявили, что желают жить по уставу МСЦ ЕХБ). «Три ветви христианства» не дадут спасения, пока человек, как бы он ни назывался, не получит рождения свыше. Спасают не «ветви», а Сам Христос. Мы понимаем, что бескомпромиссный путь следования за Господом сопряжен с гонениями, но нам дано первородное право «ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1, 29). В одной из своих проповедей Иоанн Златоуст воскликнул: «Братия, Ангелы нам завидуют, потому что нам дано ради Господа страдать за Него, а они этого права не имеют».

На двести сорок четвертой странице С. Кобзарь пишет: «Все ли хорошо в православии? Нет, конечно. А. Кураев сравнивает православную Русь с тем евангельским самарянином, которого избили и оставили лежать на дороге и который пытается подняться и продолжить путь».

Здесь необходимо сделать поправку. Кто-то из двух диаконов явно подзабыл притчу о милосердном самарянине, которого никто не избивал, напротив, он оказал помощь израненному разбойниками и доставил его в гостиницу. Да, православная Русь подобна избитому разбойниками, а разбойники (мы раньше рассуждали об этом) — это грех. Причина случившейся трагедии в том, что человек пошел из Иерусалима, города благословения, в Иерихон, город проклятия. Зачем же Русь решила на это? Теперь же, избитая грехом, она действительно нуждается в милосердном самарянине, но «пытается подняться» сама и не дает перевязать раны. Мы с любовью поместили бы ее в лучшие баптистские «гостиницы», но она всеми силами сопротивляется.

В связи с этими размышлениями, С. Кобзарь делает еще одно откровенное признание: «Почему православие выглядит мрачнее? В протестантизме ведь уже все спасены, а в православии только спасаются. А есть ли разница между самочувствием и эмоциями человека, который находится в светлом, теплом доме и человека, который идет ночью зимой по лесу, только надеясь добраться до этого теплого, светлого дома?» (с. 248). Мы будем очень рады, если православные все же «добрются до этого теплого, светлого дома». Этот дом — живая Церковь — созданная Христом на земле. В Церковь Иисус зовет всех, нужно только искренно покаяться, чтоб при жизни получить спасение и усыновление Небесным Отцом.

Краткий исторический обзор православия

Православие начинается не с учения Апостолов. Апостольский век заканчивается со смертью последнего из них, Иоанна Богослова. Самое великое открытие, которое сделал Иоанн это то, что «Слово было Бог» (Иоан. 1, 1). Поэтому он и назван Богословом. «Слово стало плотью» (Иоан. 1, 14) — это сказано о воплощении Иисуса Христа (1 Тим. 3, 16).

«Словом Господа сотворены небеса и духом уст Его - все воинство их», — читаем мы в 6-м стихе 32-го псалма. Иисус Христос — Творец. «Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (Кол. 1,16; Откр. 3,14). Все учение Иисуса Христа, изложенное Евангелистами и Апостолами в двадцати семи книгах Нового Завета — это незыблемая и единственная основа христианской догматики.

Первый период христианства — это век Апостолов и их учеников. Учениками Апостолов считаются Климент, Поликарп, Игнатий, Варнава. Со II и до начала IV века, когда при императоре Константине гонимые христианские церкви были официально признаны, простирается второй период церкви. Этим двум периодам соответствуют два послания из Откровения Иоанна (Ефесской и Смирнской церквям). Смирнской церкви нет нареканий. Ефесской церкви сделано серьезное нарекание, что оставлена первая любовь. В чем это выразалось?

Историки христианства полагают, что главной причиной этого замечания было отступление от первоапостольской простоты и равенства христиан (Д. Ап. 4, 34—35). В церкви появляются богатые, а также начинается возвышение роли епископа. Особенно это видно из писем Игнатия, епископа Антиохийского, который неоднократно называл себя «богоносцем». (Позднее родилась легенда, что он был тем самым ребенком, которого Иисус призвал и поставил в пример среди учеников). В 107 году Игнатий был приговорен к смертной казни.

Три столетия в десяти гонениях, санкционированных римскими императорами, Церковь страдала, но оставалась верной Иисусу Христу. В этот период было много мучеников за истину. Остались свидетельства некоторых очевидцев (или выдававших себя за таковых) смерти Апостолов и их учеников. Сохранились труды писателей: Цельса, Юстина, Аристида, Маркиона, Тертуллиана, Ириния Лионского, Климента Александрийского, Оригена, Киприана. Для нашего исследования очень важно знать, что все эти авторы были разных убеждений. Цельс был противником христианства; Маркион — еретиком, пытавшимся отвергнуть Ветхий Завет; Тертуллиан — апологетом церкви.

Очень ценны поучения Ириния Лионского. Одно из них хочется привести: «Ошибка никогда не предстает в обманном виде, дабы не быть раскрытой. Наоборот, она облачается в элегантные одежды, чтобы опрометчивый человек верил, что она заслуживает большего доверия, чем сама истина».

Много полезного у Климента Александрийского и у его последователя Оригена. Ориген внес огромный литературный вклад в христианское богословие. Большую ценность представляет его апология «Против Цельса», но он пытался связать христианскую веру с философией (неоплатонизм). Во многих вопросах Ориген был скорее последователем Платона, чем христианином. Отвергая теорию Маркиона и гностиков, он все же расходится с Иринеем и делает неправильный вывод, что физический мир и история возникли и существуют в результате греха.

Более подробно мы познакомимся с жизнью и деятельностью Тертуллиана, написавшего несколько трудов в защиту христианской веры против язычников и против ересей; наиболее ценными являются «О душе» и «Опровержение еретиков».

Тертуллиан не только стремится показать, что еретики заблуждаются, но отрицает за ними право вступать в спор с церковью.

Он заявляет, что Писание принадлежит церкви. Церковь пользовалась Библией на протяжении нескольких поколений, и еретики не оспаривали ее права владеть Писанием. Если изначально Церкви принадлежало не все Писание, теперь оно принадлежит ей полностью. Следовательно, у еретиков нет права на Библию. «Правом истолкования Писания обладает

только церковь, которой оно принадлежит по закону». (Хусто Л. Гонсалес. История христианства, т. 1, с. 76).

Этот вывод Тертуллиана католики применяли против протестантов в XVI веке. Его пытался использовать и С. Кобзарь, но это бесполезно. Церковь — вечное создание Иисуса. Она существовала не только в первые века, она будет существовать до пришествия Иисуса Христа. Из высказываний Тертуллиана можно сделать ценный вывод: Священное Писание принадлежало Церкви всегда, и в первые века она устояла лишь потому, что не отступила от него.

Упомянув о писателях разных направлений первых трех веков, хочется убедить читателя, что без Библии ориентация на церковное предание абсолютно невозможна. Труды ни одного из писателей, даже самые положительные, нельзя принимать целиком, как мы поступаем с Библией. Еще раз повторяем наше неизменное правило: из преданий можно принимать лишь то, что не противоречит Священному Писанию. Кто-то возразит, что труды Тертуллиана можно бы принять целиком. Но даже здесь кроется опасность. А почему? Да потому, что даже такой его вывод — «у еретиков нет права на Библию, правом истолкования Писания обладает только церковь» опровергнут им самим и всей христианской историей. Дело в том, что еретиками часто называли истинных последователей Иисуса Христа. А кто называл? Большие отступившие от истины деноминации. А что случилось с самим Тертуллианом?

Сделаем еще выписку из «Истории христианства» Хусто Л. Гонсалес:

вот примерно в 207 году этот стойкий противник ереси вступил в ряды монтанистов. (Бывший языческий жрец Монтан требовал неоправданной Священным Писанием строгости жизни. Монтанисты увлекались пророчествами, которые выражались в сильном возбуждении. Всех, не впадавших в такое состояние считали плотскими. Из членов церкви Монтан был исключен, умирал душевнобольным.) Причина этого шага Тертуллиана остается одной из многих загадок истории церкви, ибо в его собственных сочинениях и в других документах этой эпохи очень мало прямых указаний на мотивы этого шага. На вопрос, почему Тертуллиан стал монтанистом, нет однозначного ответа» (т. I, с. 77).

Время царствования императора Константина православные историки считают расцветом христианства, но, на самом деле, это было отступлением от Христовой истины. Церковь смешалась с миром, стала государственной. Отступление следовало одно за другим: молитвы за умерших, почитание Ангелов и святых, крещение младенцев, литургия-месса, обожествление Марии, священнические одежды, миропомазание вместо возложения рук, освящение воды, чистилище, всемирный патриарх, храм всех святых вместо римского «Пантеона» (храма всех богов), поклонение кресту, обожествление мощей, целование ног папе, поклонение иконам, крестное знамение, индульгенции, разделение церкви на католическую и православную в 1054 году.

Теперь православные хотели бы отказаться от многих отступлений и приписать их католикам во главе с римским папой, но факты истории опровергнуть невозможно. Даже индульгенции были выдуманы папой Иоанном XVIII в 1016 году, до разделения церкви. Остаться невиновными православным просто невозможно, так как это было время Семи Вселенских соборов, которые православные безоговорочно принимают.

В 326 году Константин повелел на месте древнегреческой колонии Византии заложить город Константинополь, куда в 330 году перенес из Рима свою столицу. Между архиереями началась борьба за первенство, длившаяся вплоть до раскола церкви. В Восточной церкви в IV веке особо почитаемыми были: Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов (Назианзин), Иоанн Златоуст; на Западе больше чтили Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного, умершего в V веке (430 год).

Августин разработал учение о Троице и о предопределении. Учение о предопределении Августин унаследовал еще от манихеев, где он находился до двадцати восьми лет.

В нашем исследовании нас больше будет интересовать Восточная церковь, которую православные считают своим оплотом. Византийские императоры имели большую власть над церковью. Политические интриги порождали богословские споры.

В раннем средневековье богословские распри стали одной из отличительных черт восточного христианства. Труды великих каппадокийцев (Василий Великий, Григорий Нисский

и Григорий Богослов [Назианзин]) и Иоанна Златоуста не смогли предотвратить богословских споров о Троице, а потом об истинной и человеческой природе Иисуса.

Вселенский собор в Ефесе в 431 году объявил Нестория, учившего, что в Иисусе соединились «две природы и две личности», еретиком. Сторонник Нестория Иоанн Антиохийский созвал собственный собор и объявил еретиком Кирилла, епископа Александрийского, осудившего Нестория.

Споры не умолкали до IV Вселенского собора (Халкидон, 451 год), который выносит новое решение, приняв выдвинутую еще Тертуллианом формулировку о существовании во Христе «двух природ в одной личности». Были осуждены по этому вопросу епископ Александрийский Диоскор и монах Евтихий. Но споры не прекратились, пока не произошло деления на «монофизитов» и «монофелитов», которые между собой так и не примирились. Споры продолжились до VI Вселенского собора в Константинополе (680—681 гг.) Монофелитство было осуждено. Римский папа Гонорий был объявлен еретиком.

Возникает закономерный вопрос: как же, по православной догматике, без дискуссий воспринимать решения соборов, когда они были диаметрально противоположными?

Еще более острым был спор между иконоборцами и иконопочитателями. Их вопрос решался на нескольких местных и на VII Вселенском соборе (Никея, 787 год). В 842 году было восстановлено иконопочитание. Около ста тысяч иконоборцев были преданы смерти. 842 год до сих пор отмечается как «праздник православия». Да помыслит непредвзятый искатель истины, на какой жертве утверждён этот «праздник»!

В дальнейшем несторианские взгляды приняла церковь в Персии; армяне и эфиопские христиане до сих пор остаются монофизитами. Завоевания арабов-магометан пошатнули основы Византийской империи. Многие христианские центры — Иерусалим, Антиохия, Дамаск, Александрия и Карфаген — оказались в руках мусульман. В Карфагене и вокруг него христианство вообще было искоренено.

Вот таким было христианство в Византии: внешне — единое, внутри — противоречия и разделения. Все же для языческой Руси принятие и такого христианства в 988 году было действием весьма положительным. После раскола церкви на католическую и ортодоксальную (православную) в 1054 году связи России с Византией стали еще более прочными. Но в 1240 году Россию захватили монголы и управляли в ней более двух веков. В 1453 году Константинополь был захвачен турками. Почему же Бог допустил, что Византия, оплот православия, пала? В XVI веке Русь объявила Москву «Третьим Римом». Ее правители стали называться царями, а митрополит Московский — патриархом. «Святая Русь» берет на себя мировую роль спасительницы православия. Но что осталось от «Святой Руси» при Петре I, каково было ее духовное состояние, как с отменой патриаршества был учрежден Синод — об этом уже было сказано.

В заключительной части обзора православия необходимо еще поразмыслить о православной России. Некоторые выдержки мы будем приводить из уже известной нам книги игумена Иоанна Экономцева «Православие. Византия. Россия» (М., 1992).

Какой же была «Святая Русь» объявившая себя «Третьим Римом»? В XVI веке на Руси есть и патриарх, и «вселенский защитник православия» — царь Иван Грозный. Всем известно, что он в гневе убил даже своего сына, но мало кто знает, что он семь раз венчался в православном храме (конечно же, не с одной женой). Где же она — святость и справедливость? Если по православному закону возможно только одно венчание, то царя, конечно, можно и семь раз повенчать: во-первых, он — царь, а во-вторых, царь за православие подвизающийся. Народная мудрость гласит: рыба гниет с головы. Но какой общий духовный уровень православной России тех времен?

Иоанн Экономцев пишет:

«Любопытным документом, раскрывающим отношение протестантов к православной России, являются записи Матвея Шаума, немца лютеранского вероисповедания, служившего до 1613 года в шведском войске. „Русские,— пишет он,— всех на свете грешнее по своему закоснелому неверию и безбожью, несмотря на то, что только себя называют святым

народом, а всех прочих скверными басурманами... (они) под именем христиан остаются прямыми варварскими язычниками. Я не думаю, чтобы они удержали свою веру".

Сообщая о захвате Новгорода и других городов, Шаум продолжает: „Таким образом, Господь Бог и здесь, в сем варварском идолопоклонническом народе, показал доброе начало к зачатию евангельского учения и к распространению христианской церкви... С мольбою да совершит Он Благое начатое дело... то есть с помощью сих народов отныне посрамит врагов любезного Своего христианства, особливо же папу, который в сем месте думает ворваться в стадо Господа... Отныне мы не как прежде, уж не против москвитян, но за москвитян должны молить Бога (так как их могущество, которым нас устрашали, уже миновало), да спасет их от глубочайшего и всепотопляющего суеверия и идолопоклонства и наставит на путь совершенного познания Существа Своего и воли и да присоединит сии души овец Своих до конца света к Своей пастве"* (с. 68).

Все же нам отрадно отметить, что при таком низком духовном уровне в православном богословии делались и добрые выводы из Священного Писания. Сейчас, когда многие западные протестанты, принявшие учение Кальвина о предопределении (некоторые частично), пытаются насадить его в бывшем СССР, что нас очень беспокоит, мы отвечаем, что кальвинизм для нас неприемлем, ни по Слову Божьему, ни по традиции. У нас не было почвы для кальвинизма.

По этому поводу И. Экономцев пишет:

«В церковно-историческом и богословском отношении особый интерес представляет написанное Лихудами (греческие просветители России, братья по плоти, основавшие в 1684 году в Москве Славяно-греко-латинскую Академию) в 1701 году полемическое произведение „Слово о предопределении". В нем впервые на Руси был поставлен вопрос о предопределении и условиях оправдания человека. Сочинение написано в форме проповеди. Цель труда — доказать, что предопределение не безусловно и не независимо от добрых дел. Говоря, что Бог от века предназначил одних к блаженству, а других к погибели, Лихуды заявляют, что это предопределение основывается на предвидении Им, кто воспользуется спасительной благодатью и кто отвергнет ее Предопределение в их интерпретации, по существу, и есть Божественное предвидение.

Безусловно, детерминизм, по мысли Лихудов, несовместим с абсолютной благодатью Бога, даровавшего человеку свободу воли и право выбора между добром и злом. Подчиняя жизнь людей господству необходимости, детерминизм лишает человека не только свободы воли, но и самой индивидуальности, уничтожает человеческую личность. В конечном счете он приводит к пантеизму, к пониманию образования мира не как акта свободной Всемогущей воли, а как следствие неизбежного развития Божества и Его эманации» (с. 103).

История православия требует глубокого анализа и сравнения его догматики со Словом Божьим. Приведенный выше вывод Лихудов мы можем только приветствовать. Добрые совпадения в догматике с Библией будут уже не православными, а общехристианскими, а к выводам, несоответствующим Слову Божьему, отношение должно быть однозначным — не принимать!

Хотя С. Кобзарь пытался представить православие как досконально разработанную доктрину, согласованную со Священным Писанием и преданием, но серьезный историк Иоанн Экономцев делает противоположный вывод. Он пишет:

«Как это ни кажется теперь странным и парадоксальным, но церковно-исторической науки у нас до XIX века не существовало. Целое столетие действовала в Москве высшая Богословская школа, но лекции по церковной истории там не читались. Из стен Академии выходили богословы, философы, поэты и переводчики, церковные и государственные деятели, доктора медицины, но только не церковные историки» (с. 126).

И далее:

«Сама логика развития церковно-исторической науки вела ее от изучения фактов и их систематизации к осмыслению исторического процесса. Все более настоятельной ощущалась необходимость создания особой науки — православной философии истории. Эту задачу наше богословие до сих пор не решило, несмотря на работу в данной области А. С. Хомякова, А. В.

Горского, Вл. Соловьева, И. Бердяева, О. Сергия Бугакова и других русских мыслителей. В начале века (XX) в московской Академии, пожалуй, больше всех других проявил интерес к философскому осмыслению церковно-исторических событий профессор нравственного богословия М. М. Тареев (1866—1934).

*Исходная посылка философского взгляда М. М. Тареева на историю безупречна. Он говорит, что „осветить всемирную историю с христианской точки зрения — значит поставить в ее центр Лицо Христа, идею евангельской истории, указать место христианской идеи во всемирной эволюции“ * (с. 139).*

Поставить в центр Христа!!! Как хорошо сказано, и как необходимо всю историю человечества увидеть в лучезарном свете Евангелия!

Почему всем русским властителям нужно было (нужно и сейчас) православие? Ответ мы, наверное, найдем, обратившись к эпохе Петра I.

И. Экономцев пишет:

«Разве не удивительно то, что Петр, насаждавший в России западные обычаи и окружавший себя иностранцами, вводит смертную казнь за соращение православных в иную веру? В постановлении Синода, принятом в 1723 году, говорилось: „Во всех государствах твердое узаконение и обычай своим природным жителям от своей природной государственной, хотя и худшей. веры отступления не допускать и отступивших смертью казнить». Этот законодательный акт был издан не в интересах церкви, занимавшей в данном вопросе более терпимую позицию, а в интересах государственного режима, боровшегося против инакомыслия и рассматривавшего последнее как вызов государственной власти. Само государство следило за регулярным посещением гражданами храмов, за соблюдением исповеди и так далее, и нарушения в этой области влекли за собой наказание штрафами. Более серьезные нарушения наказывались с беспощадной жестокостью: за богохульства, например, по воинскому регламенту надлежало „язык прожечь и голову отсечь“. Молох тоталитаризма требует жертв» (с. 163).

Вот на чем держалось православие! Мы уже говорили о введении Петром I указа, обязывающего священников докладывать о Содержании тайной исповеди особому Преображенскому приказу, об учреждении в 1718 году «Тайной Розыскных дел Канцелярии». В этом свете по-особому хочется взглянуть на раскольников-старообрядцев. Конечно, они более искренне верили в Бога, будучи готовы за свои убеждения и на смерть пойти, чем официальное духовенство, трусливо соглашавшееся со всеми действиями главы государственной церкви, царя Петра I. А ему православие нужно было только для осуществления своих замыслов (мы говорили о «Третьем Риме»), на исполнение которых благословляли воинов красиво звучащим призывом: «За Русь святую, за веру православную!». Православие и сейчас нужно тем, кому дорог панславизм. Оно пробуждает патриотические чувства, но при этом совершенно забывается евангельский Христос, кротко научающий: «Вы слышали, что сказано: „Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего“. А Я говорю вам: „Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного"» (Матф. 5, 43—45).

Очевидно, современному исповеднику православия не избежать дилеммы: или быть православным патриотом, или стать евангельским христианином в полном смысле этого слова.

На этом можно было бы и закончить краткий обзор православия, но перед моими глазами - во весь газетный лист фотография одного из Московских патриархов XX века в своем величественном облачении. Не буду называть имя патриарха, потому что под портретом написано: патриарх - агент Лубянки. На другой стороне листа — подробное описание, как он был еще в молодости завербован. Эта фотография и статья — результат нового раскола в русском православии, раскольников называли «филаретовцы». Они желают быть независимыми от Московской патриархии.

Я не хочу говорить что-то в пользу филаретовцев, но по всему видно, что у диакона С. Кобзаря не получилось идеального портрета православия. Да и не получится. Пусть сейчас, после петровских времен, опять появились патриархи, но многие православные согласны, что лучше бы не вспоминать историю с патриархом Тихоном и течением ИПХ (истинно

православных христиан). И это даже не история, а наша современная реальность.

И тем не менее, нам нужно любить наш простой, добрый, но бесконечное число раз обманутый несчастный народ. Ему нужны не обряды, хоть и названные «таинствами», а живой, спасающий Христос. Спасающий от греха и ужаса бесцельности жизни, лишенной Идеала, которым может быть только Иисус. Много в православии, как мы видели, еще не изучено. Пусть бы осталось все славящее единого Бога, пусть бы проникновенно звучали хоры, но если бы упразднили все, что оскорбляет величие Творца! Были же и есть те, кто желает обновления православия. Но любое обновление, а лучше сказать, освящение, надо совершать только по Слову Божьему.

Заключение

В заключение хочется сказать, что все хорошее останется хорошим; золото останется золотом, если даже его забросали грязью; и истинно прекрасно лишь то, что прекрасно в очах Божьих, а не с человеческой точки зрения. Бог Свой критерий истины давно открыл людям в Своем Слове.

. Много рассуждений и дебатов у ученых и представителей творческой элиты в искусстве и литературе, а также у богословов вызвало сейчас «открытие исихазма». Исихазм — это желание личной уединенной встречи с Творцом, стремление уподобиться Ему, познавая вдохновенные тайны творчества. Еще в XIV веке Григорий Палама в Византии на диспуте монахом Варлаамом отстоял правоту этого учения вопреки агностикам (учение о невозможности познания вещи самой в себе).

Да, Бог познаваем, познаваем сердцем, но не греховным, а чистым (Матф. 5, 8). А ведь это учение было совсем забыто в православии.

И. Экономцев пишет:

«Русская церковно-историческая наука „открыла“ исихазм во второй половине XIX века. Это, конечно, звучит парадоксально. Ведь исихазм проник на Русь задолго до споров архиепископа Солунского Григория Паламы и калабрийского монаха Варлаама, и вместе с тем... в официальном издании „православнейшего государства Российского“ /удивительно, но — факт/ сторонники св. Григория Паламы именовались не иначе, как „сектой исихастов“ или „сектой паламитов“» (с. 168).

А ведь сторонниками Григория Паламы были почитаемые теперь Сергей Радонежский (XIV в.), Нил Сорский (XV в.), Паисий Величковский (XVIII в.), Тихон Задонский (XVIII в.), Серафим Саровский (XIX в.). Когда-то их называли сектантами, а теперь почитают. Свои действия Бог совершает не через официальных архиереев государственной церкви, через которых якобы осуществляется преемственность священства, а через сосуды, избираемые Им на определенное время. Все в свое время будет переосмыслено и переоценено. Истинно прекрасное и ценное должно принадлежать всему человечеству. Правильно пишет И. Экономцев:

Исихазм — это феномен не только русской и общеправославной духовности и культуры. Это достояние всего христианского мира, всего человечества, и пора подойти к нему без конфессиональной и идеологической предвзятости, не столько, может быть, оглядываясь назад, сколько устремляя взор в будущее» (с. 192).

Точно так же надо относиться и к трудам великих каппадокийцев, Иоанна Златоуста и западных церковных мыслителей, с благоговением памятуя о том, что ценой многих страданий верные сподвижники Христовы донесли до нас Евангелие, добрую весть - спасение дается по вере.

«Да не смущается сердце ваше,— сказал Иисус,— веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Иоан. 14, 1).

Всех, кого, быть может, смутили кажущиеся правильными доводы С. Кобзаря, хочется ободрить надеждой на Господа. **«Не смущайся,— говорит Господь,— ибо не будешь в поругании»** (Ис. 54, 4). И ты не смущайся, Сергей, что впал в искушение. У тебя еще есть время поправить свой светильник и запастись маслом, есть время вспомнить о первой любви к Господу и покаяться, чтобы твой светильник не был сдвинут с места его (Откр. 2, 4-5).

Да благословит Господь уповающих на Него и да поможет ищущим Его встретиться с Ним!

Хочется закончить этот труд словами Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все! Аминь».